

К62 $\frac{4}{17}$
автор

Отъ автора.

Н. Сперанскій.

КРИЗИСЪ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

Торжество политической реакции.
Крушение университетовъ.

Москва—1914.

К62 ⁴/₁₇

^{КНССКО}
Владимиру Михайловичу
Н. Сперанскій. Толчынчу

нов.

я знаю глубочайшее уважение
отъ автора
5. II. 1914.

КРИЗИСЪ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

ТОРЖЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ.

КРУШЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

Москва — 1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ весной 1910 года сборникъ «Борьба за школу», я мотивировалъ его появленіе обстоятельствами момента. Россія находилась, повидимому, наканунѣ коренной реформы своей системы образованія на всѣхъ ея ступеняхъ. Правительство изготовило проекты новыхъ уставовъ и для народной школы, и для гимназій, и для университетовъ, и осенью по нимъ должны были открыться пренія въ высшихъ законодательныхъ собраніяхъ. Было естественно призывать общество къ тому, чтобы оно не осталось безучастнымъ зрителемъ при такомъ рѣшеніи на многіе годы основныхъ образовательныхъ вопросовъ.

Жизнь опрокинула, однако, всѣ расчеты, и «Думѣ народнаго образованія»,—какъ съ гордостью звала себя третья Государственная Дума,—вмѣсто того, чтобы провести ожидавшіяся реформы, пришлось явиться только бессильно негодующей свидѣтельницей такихъ экспериментовъ администраціи надъ русской школой, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги реакціи во времена Толстого, Побѣдоносцева и Плеве. Этому эпизоду изъ скорбной лѣтописи русскаго образованія и посвящены настоящія статьи, первоначально появившіяся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», какъ отклики на постепенно развертывавшійся ходъ событій. Хроника правительственной политики въ школьномъ дѣлѣ ведется здѣсь начиная съ того, на чемъ остановился предыдущій сборникъ, т. е. съ послѣднихъ мѣсяцевъ правленія

г. Шварца, и обнимаетъ собой всѣ виды школы. Но такъ какъ главный натискъ реакціи былъ обращенъ на университеты, разгромъ которыхъ при г. Кассо отодвигаетъ далеко на задній планъ прочія событія школьной жизни, то всему сборнику предпосылаются три статьи общаго характера по университетскому вопросу: онѣ даютъ для послѣдующаго изложенія теоретическія рамки и историческую перспективу. Въ виду того, что реакціонной бурей задѣтъ былъ также молодой московскій городской университетъ имени А. Л. Шанявскаго, въ число статей включенъ и очеркъ его возникновенія. Хронологически повѣсть эта относится еще къ предшествовавшему періоду: но внутренняя связность сборника,—какъ, вѣроятно, всякій читатель согласится,—отъ этого нисколько не страдаетъ.

Выходъ въ свѣтъ сборника намѣренъ мною приуроченъ къ третьей годовщинѣ крушенія московскаго университета. Ближайшая цѣль настоящаго изданія—не давать обществу забыть объ этой катастрофѣ, возстановить передъ глазами ея картину, обнаружить ея глубокія причины и оживить въ сознаніи, какія цѣнности оказываются ставкой при борьбѣ за свободу высшей школы. Но злободневный характеръ этихъ статей,—какъ я позволяю себѣ думать,—все же не лишаетъ сборникъ извѣстной доли научнаго значенія. Русскую современность вездѣ, гдѣ можно, я стремился показать на фонѣ общаго развитія образовательныхъ учреждений въ культурныхъ странахъ, что уже давно составляетъ предметъ моихъ спеціальныхъ историческихъ занятій.

Н. Сперанскій.

Москва,
1 февраля 1914 года.

Содержаніе.

Вводныя статьи.

	<i>Стр.</i>
Университетъ въ современномъ его пониманіи	1
Изъ прошлаго русскихъ университетовъ	13
Государство и наука	32

Послѣднія мѣропріятія г. Шварца.

Министерство и частная инициатива	<u>51</u>
Права и экзамены	57
Европа и мы	73
Политика въ школѣ	84

Высшая школа при г. Кассо.

Предвѣстники университетской катастрофы	99
Конфликтъ г. Кассо съ московскимъ университетомъ	<u>109</u>
Разгромъ русской высшей школы	<u>115</u>
Панацея г. Кассо	<u>128</u>
Изъ новыхъ университетскихъ правовъ	135
Гоненіе на приватъ-доцентовъ	<u>138</u>
12 января 1913 года	144
Возникновеніе университета имени А. Л. Шанявскаго	147
Университетъ имени А. Л. Шанявскаго и г. Кассо	179
Кавказскій университетъ	185

Средняя и низшая школа при г. Кассо.

	<i>Стр.</i>
Итоги	201
Родительскіе комитеты	206
Школьная автократія и семья	210
Арестъ дѣтей въ гимназіи Витмеръ	218
Новый налогъ на образованіе	224
Съѣздъ классиковъ	231
Грамотность и грамотность	234
Церковь и государство въ дѣлѣ народнаго образованія	243
Великая задача	256
Иностранческая школа	263

ВВОДНЫЯ СТАТЬИ.

Университетъ въ современномъ его пониманіи.

(Къ столѣтнему юбилею берлинскаго университета.—1910 годъ).

I.

Въ Берлинѣ идутъ празднества въ честь университета, которому исполнилось 100 лѣтъ. Для университета это—возрастъ невысокій. Даже въ Россіи, такъ отставшей отъ Запада на пути науки, есть университеты старше. Въ самой Германіи Лейпцигъ недавно успѣлъ отпраздновать уже 500-лѣтній университетскій юбилей. Дальше же на западъ, въ Италіи и Франціи, есть города, которымъ и почтенный лейпцигскій университетъ долженъ казаться сравнительно юнцомъ. Болонья и Парижъ увидѣли въ своихъ стѣнахъ университетскихъ студентовъ и профессоровъ, когда на мѣстѣ нынѣшнихъ Лейпцига и Берлина стояли совершенно невѣдомые міру ничтожные поселки. Такъ почему же Германія, а съ нею вмѣстѣ весь европейскій университетскій міръ, относится со столь исключительнымъ вниманіемъ къ настоящему юбилею, на которомъ въ число ораторовъ записался самъ германскій императоръ?

Конечно, здѣсь надобно имѣть въ виду и то, что юбиляръ находится именно въ Берлинѣ,—въ столицѣ государства, исторія котораго за послѣдніе полвѣка представляетъ собой рядъ непрерывныхъ поразительныхъ успѣховъ. Блескъ, окружающій новую Германскую имперію, при многомъ и въ блескѣ академическаго юбилея. Конечно, здѣсь надобно принять въ

разсчитать и тотъ особый ореоль, которымъ въ глазахъ всѣхъ нѣмцевъ всегда былъ окруженъ берлинскій университетъ благодаря героической обстановкѣ его возникновенія. Дни тяжелыхъ испытаній для германскаго народа. Велѣдъ за Аустерлицемъ, низвергшимъ Австрію съ ея историческаго пьедестала, катастрофа разражается и надъ головой болѣе юной прусской Фридриховской монархіи. День Иены и Ауэрштедта отдаетъ ее во власть французовъ, и миръ въ Тильзитѣ, повидимому, запечатлѣваетъ ея судьбу. Пруссія территориально обездолена, Пруссія высосана контрибуціей, Пруссіи не подняться, Пруссіи не бывать больше великой державой. А вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ и всѣмъ мечтамъ о возсозданіи былого германскаго политическаго единства. Сборище мелкихъ государствъ, взаимной враждой и ревностью обезсиляющихъ другъ друга,—такъ обрисовывалась политическая будущность германскаго народа. Но если у политиковъ, привыкшихъ измѣрять одно «реальное соотношеніе силъ», послѣ наполеоновскихъ погромовъ беспомощно повисли руки, то всѣ испытанныя Германіей невзгоды лишь разжигали энергію неисправимыхъ идеалистовъ, не допускавшихъ мысли, чтобы можно было примириться съ участью, приготовленной ихъ родинѣ ненавистнымъ корсиканцемъ. Имъ уступила власть растерянная прусская бюрократія. Мѣсто администраторовъ въ родѣ берлинскаго градоправителя графа Шуленбурга, прославившаго себя и всю бюрократическую касту своимъ воззваніемъ послѣ іенской битвы: «Der König hat eine Bataille verloren, die erste Bürgerpflicht ist Ruhe» ¹⁾, заняли люди, видѣвшіе спасеніе какъ-разъ въ призваніи всѣхъ гражданъ къ активному участию въ національной жизни, къ освобожденію всѣхъ скрытыхъ силъ, такъ долго сковывавшихся полицейско-государственной опекой. Пруссія Фридриха-Вильгельма III превратилась въ Пруссію Штейна, характеръ отношеній котораго съ дворомъ такъ ярко обрисовывается въ одномъ изъ его писемъ: «Ich kann nur zufrieden sein mit der Art, wie der König mich fürchtet» ²⁾. И среди

¹⁾ Король проигралъ сраженіе, первый долгъ гражданина—спокойствіе.

²⁾ Я могу только быть довольнымъ тѣмъ, какъ король меня боится.

мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы возвысить внутреннюю силу вѣдше ослабленнаго государства, эти «мечтатели» поставили не на послѣднемъ мѣстѣ созданіе въ его столицѣ новаго центра высшаго образованія,—созданіе въ Берлинѣ новой высшей школы универсальнаго научнаго значенія. Не въ департаментахъ вырабатывался и его проектъ. Онъ обсуждался публично всѣми, кто чувствовалъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ. Нашелся и гениальный организаторъ, В. фонъ-Гумбольдтъ. Нашлось и помѣщеніе: подъ университетъ былъ отведенъ лучший великокняжескій дворецъ въ столицѣ. И какъ ни напряженно было состояніе государственныхъ финансовъ, добрая воля нашла и деньги: какъ то подчеркиваетъ французскій ея исторіографъ Лависъ, берлинскій университетъ сразу получилъ на свое содержаніе почти такую же ассигновку, какую правительство Наполеона III во Франціи считало достаточной для всѣхъ аналогичныхъ французскихъ учреждений вмѣстѣ взятыхъ. Такъ черезъ четыре года послѣ іенской катастрофы возникъ въ Берлинѣ университетъ,—носитель самыхъ горячихъ надеждъ и упованій. Событія головокружительной наполеоновской эпохи шли, правда, слишкомъ быстро, чтобы университетъ успѣлъ сыграть ближайшимъ образомъ ту роль, которая ему предназначалась. Освобожденіе Германіи отъ наполеоновскаго ига волею судебъ наступило раньше, чѣмъ новый университетъ могъ сколько-нибудь расправить крылья. Но сила духа, сказавшаяся въ учрежденіи университета въ столь мрачную годину, невольно вызываетъ преклоненіе, и нѣмцы не безъ основанія относятся съ гораздо большею горячностью къ юбилею, нынѣ празднующемуся въ Берлинѣ, чѣмъ относились они къ юбилею старѣйшаго въ Германіи лейпцигскаго университета.

Не для одной Германіи однако есть причины иначе относиться къ настоящему академическому торжеству, чѣмъ къ другимъ торжествамъ того же рода. Столь молодой по счету лѣтъ, берлинскій университетъ на дѣлѣ является старѣйшимъ университетомъ въ современномъ смыслѣ слова. Тотъ взрывъ идеалистическаго энтузіазма, который характеризуетъ эпоху Штейна,—эту германскую «эпоху великихъ реформъ»,—въ

другихъ областяхъ жизни далъ результаты только высокаго національнаго значенія. Въ области же высшей школы,—въ области созиданія и распространенія науки,—ему обязанъ великой услугой весь культурный міръ. Пусть Лейпцигъ гордится древностью своей высшей ученой школы, но послѣ созданія берлинскаго университета и лейпцигскій, и всѣ другіе германскіе университеты должны были пересоздаться по образу и по подобію этого дѣтища идеалистическихъ стремленій Гумбольдта, Шлейермахера и Фихте. А, какъ извѣстно, въ теченіе XIX вѣка нѣмецкіе университеты стали нормой для университетовъ всего цивилизованнаго міра. То, что для насъ является существовавшими признаками въ понятіи «университетъ», то вовсе не всегда въ него входило. Нѣтъ, это впервые вложено было въ него эпохой, подобная которымъ всякій «практическій политикъ» склоненъ и нынѣ обвинять въ «безсмысленныхъ мечтаніяхъ». А университеты, какъ они были раньше, мы бы никогда не согласились признать за истинные университеты.

Исторія дѣйствительно мало знаетъ учреждений, которыя на протяженіи своего существованія, сохранивъ въ такой степени сходство внѣшней формы, такъ измѣняли бы внутренній свой смыслъ, какъ измѣнили его европейскіе университеты. Что царствовало въ средневѣковыхъ университетахъ? Вѣра. Ихъ создалъ, правда, разумъ, но разумъ, самъ себя смиренно подчинявшій вѣрѣ. Мы—раціоналисты,—съ гордостью говорили средневѣковые профессора, но «раціоналистически» при этомъ прибавляли: *Ratio autem fidei est omnem rationem humanam fidei postponere* (смыслъ же вѣры состоитъ въ томъ, чтобы всякій человѣческій смыслъ подчинять вѣрѣ). «Разъ мать моя и столпъ истины, католическая, апостоліческая римская церковь приняла или впослѣдствіи приметъ какое-либо положеніе, то, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ нимъ, я готовъ безусловно, какъ бы тому ни противился весь мой разумъ, прочь бросить не только всѣ умозаключенія, которыя у меня есть или могутъ оказаться, но и самую голову, гдѣ они родятся», такъ писалъ въ своей студенческой тетради еще въ концѣ XVI вѣка знаменитый François de Sales; и объѣтъ

этотъ передъ самимъ собой, начертанный «съ трепетомъ и страхомъ», передаетъ истинно-средневѣковое настроеніе студентовъ. Авторитетъ! Передъ этимъ принципомъ преклоняется вся высшая средневѣковая школа, и тамъ, гдѣ нѣтъ верховнаго авторитета церкви, она сама себя отыскиваетъ и создаетъ авторитеты. Коснуться дерзкой рукой авторитета Аристотеля въ философіи для всякаго доцента почти такъ же опасно, какъ войти въ столкновеніе съ непререкаемымъ свидѣтельствомъ Св. Писанія, и въ медицинѣ средневѣковой ученый отказывается вѣрить тому, что ясно открывается передъ его глазами, если это противорѣчитъ авторитету Гиппократу или Галена.

Узки были предѣлы, гдѣ въ средневѣковыхъ университетахъ могъ проявлять себя духъ человѣческой пытливости, дающій жизнь наукѣ; но въ нихъ казалось не тѣсно цѣлому ряду университетскихъ поколѣній. Дѣтскими представляются намъ чисто-словесныя разсужденія корифеевъ средневѣковой науки. Но разумъ долженъ былъ пройти чрезъ эту школу формальной логики, чтобы сдѣлался возможными его дальнѣйшіе успѣхи, и въ это «приготовительное» время университеты высоко стояли во всеобщемъ уваженіи. Однако наступилъ моментъ, когда окрѣпшій разумъ потребовалъ значительнаго расширенія правъ. Когда же университеты, вѣрные своему исконному церковному консерватизму, отвѣтили на эти требованія отказомъ,—движеніе науки, покинувъ университеты, пошло обходными путями. Новое міропониманіе, новая философія и точныя науки слагаются въ сторонѣ отъ университетовъ и часто отъ нихъ прячась, такъ какъ,—характерная черта,—по учрежденіи цензуры университеты (и въ католическихъ, и въ протестантскихъ странахъ) къ прочимъ своимъ обязанностямъ охотно согласились прибавить роль цензурныхъ комитетовъ и жгли не только книги, но подчасъ и авторовъ, повинныхъ въ упорномъ вольнодумствѣ. За-то, когда послѣ эпохи религіозныхъ войнъ свѣтская власть прониклась толерантнымъ духомъ и подъ ея эгидой новое научное міросозерцаніе окрѣпло, съ какимъ презрѣніемъ и ненавистью его носители стали относиться къ «гнѣздамъ обскурантизма», которыми съ XVII вѣка стали являться для передовыхъ умовъ нѣкогда славные университеты.

«Я узнаю персть Божій въ глупости Сорбонны,—писалъ Вольтеръ Даламберу по случаю запрещенія этимъ цензурнымъ комитетомъ невиннаго мармонтелевскаго «Велисарія».—Сорбонна потѣшише самихъ іезуитовъ и далеко не такъ сильна. Эти прохвосты—позоръ всей Франціи». Какъ пережитокъ средневѣковья, университеты казались повсемѣстно обреченными на болѣе или менѣе скорую сдачу въ историческій архивъ.

На родинѣ университетовъ, во Франціи, такая участь въ концѣ XVIII вѣка ихъ и постигла. Въ другихъ странахъ университеты, правда, уцѣлѣли, но итальянскіе,—упавъ на степень мелкихъ захолустныхъ учебныхъ заведеній, англійскіе,—превратившись изъ университетовъ скорѣе въ пансіоны для воспитанія знатной молодежи, испанскіе,—оставшись въ окаменѣломъ видѣ въ силу того, что инквизиціи удалось задушить въ странѣ всякое движеніе свободной мысли. Только въ Германіи съ конца XVII вѣка начинается возрожденіе университетовъ путемъ проникновенія новыхъ образовательныхъ тенденцій въ старый, но сохранившій достаточно живучести университетскій организмъ. На пути этого возрожденія исторія отмѣчаетъ два наиболѣе важныхъ пункта: отправнымъ пунктомъ служитъ возникновеніе университета въ Галле; рѣшительно же германскіе университеты выходятъ на настоящую дорогу, становясь снова вожатыми всей интеллектуальной жизни, при основаніи берлинскаго университета.

II.

Отъ Лейпцига до Галле—лишь полчаса ѣзды со скорымъ поѣздомъ. А между тѣмъ въ обоихъ городахъ—по знаменитому университету. Какая нерасчетливость! Зачѣмъ такъ близко помѣщать другъ къ другу образовательныя учрежденія, призванныя служить одному и тому же дѣлу? Но двѣсти лѣтъ назадъ, когда подъ бокомъ у Лейпцига создавался новый университетъ въ безвѣстномъ Галле, двѣ эти высшихъ школы дѣлали далеко не одно дѣло. Галле былъ прусскій боевой университетъ, гдѣ Христіанъ Томазіи поднималъ на смѣхъ всю старозавѣтную лейпцигскую университетскую премудрость, а

Лейпцигъ смотрѣлъ на всякаго студента, направлявшагося послушать профессоровъ, дѣйствовавшихъ въ Галле, какъ на вѣрную добычу ада. *Nalam tendis? Aut atheista, aut pietista reversurus.* «Ты отправляешься въ Галле? Ты возвратишься оттуда атеистомъ или пѣтистомъ»,—во всякомъ случаѣ, погубивъ свою душу.

Libertas philosophandi,—вотъ что пугало и привлекало въ Галле. Свобода мысли, предоставленная университетскимъ преподавателямъ высшей государственной властью,—вотъ что создало молодому Галле исключительное положеніе среди тогдашнихъ нѣмецкихъ университетовъ, все еще крѣпко державшихся за принципъ авторитета. Не надо думать, чтобы высшая прусская государственная власть руководилась при этомъ особенно идеалистическими мотивами. Сама династія Гогенцоллерновъ и часть ихъ подданныхъ были реформаты, большинство же подданныхъ держалось лютеранскаго вѣроисповѣданія. Поэтому духъ лютеранской нетерпимости, очагомъ которой являлась старая лютеранская твердыня—Лейпцигъ,—былъ непріятенъ и неудобенъ для Прусской монархіи. Отсюда вытекала сравнительная благосклонность къ религиозно-философскому либерализму. И точно также, если въ области права юристы въ Галле смѣло могли посягать на авторитеты, то потому, что молодой честолюбивой монархіи это было на-руку. «Если бы государственное право,—писалъ въ XVIII столѣтіи проф. Михаэлисъ,—не стало преподаваться въ Галле такъ, какъ раньше въ Германіи этого не полагалось, то врядъ ли Бранденбургъ въ столь краткій срокъ стряхнулъ бы съ себя прежнюю свою зависимость отъ Австріи и превратился въ самостоятельное независимое государство». Не надо также полагать, чтобы свобода университетской мысли въ прусскомъ полицейскомъ государствѣ являлась для власти вещь неприкосновенной. Напротивъ, за осуществленіемъ права на *libertas philosophandi* она слѣдила строго. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I гораздо больше интересовался вербовкой великановъ въ свою армію, чѣмъ лекціями въ университетахъ. Но когда враги Хр. Вольфа,—первой звѣзды на философскомъ горизонтѣ Германіи, чрезъ Ломоносова имѣвшей прикосновеніе и къ созданію москов-

скаго университета,—«обнесли» профессора передъ королемъ, будто согласно преподающемуся имъ детерминизму нельзя наказывать дезертирующихъ солдатъ, такъ какъ побѣгъ ихъ предопредѣленъ судьбой, то Вольфъ немедленно получилъ суровѣйшій указъ: въ 24 часа покинуть Галле, въ 48—все прочія прусскія владѣнія; за ослушаніе—висѣлица. Такъ Вольфу и пришлось спасаться въ Марбургъ. Однако многовѣковый укладъ университетскаго преподаванія во всякомъ случаѣ былъ сломанъ. Слѣдомъ за прусскими университетами, при конкуренціи германскихъ государствъ въ университетскомъ дѣлѣ, на новый путь вступили и другіе. На мѣсто чтенія и толкованія съ кафедръ «каноническихъ», «авторитетныхъ» книгъ все болѣе и болѣе становится живая человѣческая личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ германскіе университеты снова входятъ въ русло общаго умственнаго движенія Европы. Въ концѣ XVII столѣтія такой передовой ученый, какимъ былъ Лейбницъ, брезгалъ мыслью о преподавательской дѣятельности въ университетѣ. Къ концу XVIII вѣка на университетской кафедрѣ мы видимъ Канта, Шеллинга и Фихте.

Но какъ далеки все же тѣ школы, гдѣ велъ свое преподаваніе Кантъ, гдѣ начали свое преподаваніе Шеллингъ и Фихте, отъ университетовъ въ современномъ пониманіи ихъ основныхъ задачъ. Чтобы стать профессоромъ, надобно было только знать и продумать литературу своего предмета. Самостоятельныхъ изслѣдованій отъ университетскаго преподавателя никто не требовалъ. Въ дальнѣйшей разработкѣ представленныхъ въ университетѣ наукъ XVIII вѣкъ видѣлъ задачу ученыхъ Обществъ,—особенно правительственныхъ «Akademien der Wissenschaften». Отъ слушателей же требовалось только толковое запоминаніе читавшихся имъ курсовъ, причемъ для государственной власти центръ тяжести лежалъ въ снабженіи студентовъ свѣдѣніями, необходимыми для дальнѣйшей практической карьеры, особенно на государственной или церковной службѣ. Это глубоко-утилитарное отношеніе полицейскаго государства къ задачѣ университетовъ въ концѣ XVIII вѣка являлось серьезной угрозой для самаго ихъ существованія. Къ чему это сожительство столь разнородныхъ наукъ, какъ меди-

цина, право или богословіе, подъ одной кровлей? Почему вмѣсто средневѣковыхъ факультетовъ не учредить просто рядъ отдѣльныхъ специальныхъ школъ для приготовленія пасторовъ, медиковъ, юристовъ, учителей и т. п.? Это—дорога, на которую во время революціи стало выходить и вышло окончательно при Наполеонѣ I французское высшее образованіе. Это—дорога, на которую имѣла шансы сбиться и Германія. И если бы это произошло, кто знаетъ, насколько бы нашъ вѣкъ теперь ниже стоялъ по общему развитію науки. Французскій опытъ ясно показалъ все отрицательныя стороны такого съ виду практичнаго и цѣлесообразнаго устройства.

Но въ поколѣніи германскихъ ученыхъ, выступившихъ на университетскую арену въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, на почвѣ общаго міросозерцанія этой эпохи, сложился новый идеалъ того, чѣмъ должно быть высшее образованіе и чѣмъ должны быть посетители его,—университеты. Историческій агрегатъ наукъ въ университетахъ не долженъ разрушаться. Нѣтъ, университеты должны только подняться до философскаго уразумѣнія органической связи всехъ наукъ, какъ частей одного великаго цѣлага, и внутреннее соотношеніе различныхъ областей человѣческаго вѣдѣнія должно быть ясно всякому питомцу университета. Занятія наукой въ университетѣ не могутъ подчиняться никакимъ внѣшнимъ цѣлямъ, хотя бы то были нужды и пользы общества и государства. Разъ человѣкъ,—какъ то гласило кантовское ученіе,—долженъ всегда считаться самоцѣлью, то и въ снисканіи имъ высшаго образованія на первомъ мѣстѣ должно стоять собственное его умственное совершенство. Занятія наукой не терпятъ никакихъ стѣсненій: пути къ исканію истины не должны вѣдать никакихъ заставъ. А въ приобщеніи къ наукѣ не можетъ быть и рѣчи о механической ея передачѣ. Науку постигаетъ только тотъ, кто приучается работать на научной почвѣ. «Все правила,—такъ восклицалъ со свойственнымъ ему пафосомъ Шеллингъ,—которыя можно преподавать учащимся, сводятся къ одному: Учись, чтобы самому творить. Только чрезъ эту божественную способность творчества человѣкъ является истиннымъ человѣкомъ; иначе онъ остается не больше какъ хитро устроенной машиной». «Kunst-

schule des wissenschaftlichen Denkens» (школа искусства научно мыслить),—такъ опредѣлялъ съ своей стороны Фихте, чѣмъ долженъ быть истинный университетъ.

Въ той атмосферѣ, которою дышало нѣмецкое государственное управление при «старомъ порядкѣ», такимъ идеямъ трудно было бы реализоваться. Надобно было то полное крушение старой Пруссіи отъ столкновения съ революціонной Франціей, о которомъ мы раньше говорили, чтобы «фантастамъ» можно было сдѣлать опытъ, и этимъ опытомъ явился новый университетъ въ Берлинѣ. Свобода и самодѣятельность—вотъ гдѣ спасеніе для Пруссіи, поставленной на край гибели чрезвычайной правительственной опекой,—таковъ былъ лозунгъ эпохи Штейна во всѣхъ областяхъ жизни, и требованіе университетскихъ идеалистовъ о переустройствѣ высшей школы на тѣхъ же принципахъ нашло теперь себѣ широкій откликъ. Къ счастью для дѣла, осуществленіе его попало въ исключительно талантливыя руки. В. фонъ-Гумбольдтъ, соединявшій высокій идеализмъ и чуткость ко всѣмъ запросамъ философской мысли съ трезвостью взглядовъ практическаго государственнаго дѣятеля, отлилъ тѣ формы, въ которыхъ имѣла реализоваться новая идея высшей школы; и опытъ жизни оправдалъ блестяще какъ самую идею, такъ и формы, причемъ, конечно, не на послѣднемъ мѣстѣ приходится поставить и то, что въ новомъ университетѣ практическому исполненію замысла прокладывали дорогу такія силы, какъ Савиньи и Нибуръ, какъ Фихте и Шлейермахеръ, какъ Гумфеландъ и рядъ другихъ талантовъ. Въ университетѣ трудъ надъ движеніемъ впередъ науки и надъ ея преподаваніемъ связаны неразрывно. Только самостоятельный изслѣдователь можетъ являться истиннымъ преподавателемъ науки, и цѣлью университетскаго преподаванія служить не сообщеніе знаній, а развитіе способности самостоятельнаго, независимаго, научнаго сужденія,—развитіе, которое не можетъ быть получено иначе какъ путемъ самодѣятельности студента, путемъ его приобщенія къ приемамъ созиданія науки. Форма же, въ которой университетъ только и можетъ отвѣчать подобному своему призванію, есть форма ученой корпораціи, пользующейся высокой степенью независимости во всѣхъ своихъ

внутреннихъ дѣлахъ. Но останавливаться подробнѣе на томъ, какъ былъ организованъ берлинскій университетъ въ 1810 году, было бы излишне. Какъ мы сказали, съ нимъ знакомъ всякій, кто знакомъ вообще съ современнымъ университетскимъ дѣломъ. Гумбольдтовъ университетъ сталъ прототипомъ всѣхъ современныхъ университетовъ. Конечно, это было горчичное зерно. У 43-хъ профессоровъ, читавшихъ въ 1810 году 81 курсъ, слушателей собралось всего лишь 247 человѣкъ. Организаторамъ новаго учрежденія пришлось выдержать упорную борьбу изъ-за конюшенъ отданнаго подъ университетъ великокняжескаго дворца: военные не хотѣли выводить отсюда лошадей, профессорамъ же конюшни нужны были для лабораторій, гдѣ подъ ихъ руководствомъ студенты могли бы самостоятельно работать. Но изъ лабораторій, помѣщавшихся въ конюшняхъ, и выросъ городъ современныхъ ученыхъ институтовъ при берлинскомъ университетѣ. Идея необходимости для университета семинаріевъ и лабораторій была дана тогда: на протяженіи XIX вѣка только измѣнился масштабъ ея осуществленія.

А въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ юный берлинскій университетъ за первыя десятилѣтія своего существованія жилъ даже болѣе полной жизнью, чѣмъ современные университетскіе гиганты. Мы говорили, какую цѣну его духовные творцы согласно придавали тому, чтобы университетъ представлялъ собой истинную *universitas litterarum*, одушевленную сознаниемъ внутренняго своего органическаго единства. Всякій профессоръ, всякій студентъ по требованію ихъ долженъ былъ быть хотя немножечко философъ. «Спеціальному образованію въ избранной области,—такъ писалъ Шеллингъ,—должно предшествовать познаніе органической связи всѣхъ наукъ. Тотъ, кто предназначаетъ себя для одной опредѣленной отрасли знаній, долженъ уразумѣть, гдѣ ея мѣсто въ этомъ цѣломъ, каковъ одушевляющій ее особый духъ и какъ надо образовываться въ ней, чтобы она гармонично примкнула къ цѣлому, а, значить, вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣть и способъ, какъ онъ долженъ усваивать науку, чтобы думать въ ней не рабски, а свободнымъ человѣкомъ въ духѣ цѣлаго». Въ тѣ времена,

когда съ университетской кафедрѣ читали свои лекціи Фихте и Гегель, такой атмосферой и дышали слушатели нѣмецкихъ университетовъ. Но банкротство метафизики и специализація наукъ,—законный спутникъ ихъ прогресса,—давно уже заставляють университеты съ завистливой улыбкой смотрѣть на это старое блаженное университетское время. Зависть имѣетъ основанія. Чтобы современный университетъ могъ давать своимъ питомцамъ такое же удовлетвореніе и возбуждать къ себѣ чувство такого же шѣтета, какъ это было въ первой половинѣ XIX вѣка, онъ долженъ не отнестись къ вопросу, такъ волновавшій Фихте и Шлейермахера, мысли которыхъ «о сущности университета», недавно переизданныя, читаются и теперь съ глубокимъ интересомъ: онъ долженъ искать путей къ тому, чтобы старую проблему разрѣшить въ новомъ видѣ. А то среди различныхъ видовъ духовной тирании мыслима и такая: тираниа чрезмѣрно специализированной и не считающей съ запросами личности науки.

Изъ прошлаго русскихъ университетовъ.

(И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Выпускъ первый: университеты до эпохи шестидесятихъ годовъ.—1913 годъ).

I.

Сборникъ, составленный г. И. Соловьевымъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ ранѣе неопубликованныхъ матеріаловъ, и все-таки его нельзя не встрѣтить пріятнымъ, особенно въ настоящую минуту, когда судьба нашихъ университетовъ снова является однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ общественныхъ вопросовъ. Дѣйствительно, далеко не все опубликованное становится чрезъ это и общимъ достояніемъ. Такъ, документы первой части сборника,—памятники законодательства и акты управленія,—до сихъ поръ не могли быть извѣстны широкимъ кругамъ публики иначе какъ по пересказу. Рѣдко кому представляется возможность справляться самому въ тѣхъ громоздкихъ официальныхъ изданіяхъ, откуда они извлечены. А между тѣмъ среди нихъ есть такіе, которые вполне заслуживаютъ знакомства съ ними по оригиналу: взять хотя бы «Инструкцію директору казанскаго университета», данную въ 1820 г., или колоритныя правительственныя выступленія А. С. Шишкова, или записку гр. С. С. Уварова, гдѣ излагается образовательная программа, построенная на знаменитой съ той поры триадѣ: «православіе, самодержавіе, народность». Воспоминанія современниковъ объ университетѣ, образующія вторую и главную часть сборника, появлялись, правда, въ такихъ изданіяхъ,

которыя сами по себѣ общедоступны, и наиболѣе яркія изъ нихъ должны считаться извѣстными для многихъ. Однако не только рядовой читатель, но даже любой знатокъ литературы русскихъ мемуаровъ не преминетъ сказать спасибо г. И. Соловьеву за то, что онъ представилъ въ такомъ удобномъ для обозрѣнія видѣ эти отрывки, разбросанные главнѣйшимъ образомъ по множеству томовъ общихъ и специально-историческихъ журналовъ. Изъ тѣхъ цвѣтковъ, которые были разсѣяны на такомъ широкомъ полѣ, прилежный составитель сборника связалъ букетъ, и, какъ всегда бываетъ, въ немъ краски заиграли съ особеннымъ эффектомъ.

Матеріалы сборника, рисующіе намъ прошлое русскихъ университетовъ въ различныхъ поворотахъ, естественно, наводятъ на цѣлый рядъ разнообразныхъ общихъ соображеній. Мы здѣсь заимствуемъ изъ нихъ только нѣсколько иллюстрацій къ той темѣ, которую намъ уже приходилось развивать неоднократно въ связи съ послѣдними прискорбными событіями университетской жизни. Исторія русскихъ университетовъ, указывали мы, образуетъ собой жестокой ложный кругъ. Тогда какъ въ Западной Европѣ университеты родились и развились самостоятельно, болѣе подъ эгидой церкви, чѣмъ при участіи слабаго еще въ то время государства, у насъ они являются правительственнымъ созданиемъ. Сознавъ, «какъ наука вездѣ нужна и полезна, и какъ способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми», правительство въ Россіи съ XVIII вѣка желаетъ для государственныхъ пользъ и нуждъ имѣть въ своемъ распоряженіи науку. Но, учреждая расадники науки, оно не хочетъ, чтобы въ нихъ смѣлъ проявляться духъ критики, духъ свободы мысли, несомвѣстимый съ общими принципами самодержавнаго политическаго строя. При первомъ малѣйшемъ вѣяніи такого духа,—а онъ неотдѣлимъ отъ истинной науки,—правительство обрушивается на университеты и ихъ питомцевъ, карая ихъ и пригибая ихъ къ землѣ своей полицейской рукой. Когда же въ такихъ тискахъ жизнь университетовъ замираетъ, правительство, желая имѣть ихъ все-таки у себя на службѣ, само заботится, чтобы они окрѣпли, съ тѣмъ, чтобы снова

наложить на нихъ опалу, какъ только они начинаютъ отвѣчать своему призванію. Картина получается такая, какъ будто бы правительство нарочно создаетъ интеллигенцію, чтобы было съ кѣмъ играть, какъ кошка съ мышью. Но прекратить эту игру правительство не можетъ. Чѣмъ дальше двигается человечество по пути прогресса, тѣмъ меньше государственная власть способна разрѣшать свои задачи безъ помощи науки. Соперничество націй грозитъ за это гибелью. Выходъ какъ будто ясенъ: достойное государственное существованіе неммыслимо для народа безъ обладанія наукой, наука невозможна безъ свободы мысли, а формы государственнаго бытія, способныя съ нею сочетаться, давно уже найдены, и въ нихъ спасеніе. Однако, эта окончательная развязка заставляетъ себя ждать, и уже вторую сотню лѣтъ продолжается та пытка, на какую судьбой обречены были съ первыхъ своихъ шаговъ русскіе университеты. Дадимъ же въ предѣлахъ сборника нѣсколько картинокъ изъ этой мучительной исторіи стремленій создать въ самодержавной Россіи особое непросвѣщающее просвѣщеніе.

Передъ нами—«дней Александровыхъ прекрасное начало». Правительство проникнуто благими пожеланіями относительно науки. Для Россіи не признается уже возможнымъ обходиться однимъ московскимъ университетомъ. Казань и Харьковъ, Вильно и Дерптъ возводятся на положеніе университетскихъ центровъ. Позднѣе къ нимъ прибавляется и Петербургъ. Уставъ 1804 г.—образецъ либерализма. Стремясь скорѣе наполнить ряды студентовъ, правительство широко открыло двери университетовъ всѣмъ лицамъ свободныхъ состояній. Стремясь скорѣе наполнить ряды профессоровъ, правительство звало къ себѣ ученыхъ изъ Германіи, гдѣ университеты, успѣвъ въ XVIII столѣтіи освободиться отъ средневѣковаго порабощенія авторитетамъ и получить *libertatem philosophandi*, т. е. свободу научнаго изслѣдованія, были полны свѣжей, здоровой жизнью. Не слѣдуетъ, конечно, черезчуръ идеализировать правительственную политику и въ эту пору. Россія и тогда была «страной фасадовъ», и за фасадомъ устава 1804 г., обращавшаго университеты въ центры управленія учебными округами, могла скрываться такая патріархальная жизненная практика, какъ въ

Казани, гдѣ университетъ долго существовалъ въ видѣ придатка къ мѣстной гимназій, подчиняясь власти ея директора. Когда же профессора рѣшились было напомнить о существованіи устава, ихъ обвинили въ бунтѣ, и трое поплатились увольненіемъ. Но въ общемъ это было время, способное явиться въ ореолѣ для тѣхъ, кто пережилъ конецъ Екатерининскаго царствованія и царствованіе Павла и дожилъ до эпохи Священнаго Союза.

Отраву въ жизнь совершенно еще неокрѣпшей русской высшей школы при Александрѣ I внесъ прежде всего тотъ націонализмъ, который поднялся такъ высоко въ связи съ Отечественной войной. «Истинно-русскіе» профессора, не могшіе терпѣть своихъ коллегъ нѣмецкаго происхожденія, съ успѣхомъ использовали приливъ патріотизма и вражды къ моднымъ недавно западнымъ идеямъ въ правительственныхъ сферахъ, чтобы сдѣлать несносными для этихъ иностранцевъ условія существованія въ русскихъ университетахъ.

Проф. Роммель, попробовавшій было смѣнить Марбургъ на Харьковъ, описываетъ намъ современную ему тактику «правой профессуры». «Все эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутой, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ безразсечнымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ послѣднихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: «Въ протоколъ записать!», «Довести до свѣдѣнія начальства!» Всегдашнюю ихъ тактикой было—представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка и правительства. И это они называли служить вѣрой и правдой.»

Такъ многіе изъ нѣмцевъ, — кто добровольно, наскучивъ подобной борьбой, какъ тотъ же Роммель, а кто и противъ воли, павъ жертвой навѣтовъ, — отправились обратно во-свои, не успѣвъ создать въ Россіи сколько-нибудь серьезной научной школы. Но это было лишь прелюдией къ первому изъ большихъ разгромовъ высшей школы.

Патріотизмъ 1812—1813 гг. пагубно отозвался только на положеніи иностранцевъ въ университетахъ. Реакціонное святошество, отпраздновавшее свой триумфъ послѣ убійства Коцебу, когда въ самой Германіи были проведены въ жизнь знаменитыя карлсбадскія постановленія, преслѣдовало вольнодумство, уже не взирая на національность. Имена Руничя и Магницкаго достаточно извѣстны. Но все же стоитъ привести отрывки изъ относящихся къ нимъ въ сборникѣ воспоминаній.

«Исслѣдованіе, имѣвшее цѣлью доказать, что с.-петербургскій университетъ полонъ печестія и что науки, въ немъ преподаваемые, ведутъ къ безбожію и революціи,—пишетъ А. В. Никитенко,—началось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 года. 3-го числа этого мѣсяца, по предписанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ чрезвычайное засѣданіе университетской конференціи явился Руничъ, въ качествѣ предсѣдателя, въ сопровожденіи ближайшаго сотрудника своего и единомышленника, директора университетскаго пансіона, Кавелина. Съ торжествующимъ видомъ, какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь радостномъ событіи, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, гдѣ расточено было немало общихъ мѣстъ патріотическаго и нравственнаго свойства, Руничъ объявилъ собранію, какъ о дѣлѣ, уже дознанномъ, что въ университетѣ господствуютъ зловредныя разрушительныя ученія, съ явнымъ намѣреніемъ преподавателей поколебать алтари и троны, и въ заключеніе назвалъ четырехъ главныхъ виновниковъ, ординарныхъ профессоровъ: исторіи—Раупаха, статистики—Германа, экстраординарнаго профессора философіи Галича и адъюкта статистики Арсеньева. Основаніемъ для этого обвиненія служили выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, разсмотрѣнныя главнымъ правленіемъ училищъ, гдѣ присутствовалъ также и Руничъ... Желая во что бы то ни стало убѣдить высшее начальство въ существованіи зловредныхъ замысловъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и представить для этого новыя удостовѣренія, Руничъ не пренебрегъ и другими средствами, употреблявшимися обыкновенно при производствѣ дѣлъ въ темныя времена,—объщаніями, угрозами и тайными внушеніями лицамъ, болѣе или менѣе отъ него зависѣвшимъ. Изъ нихъ нѣкоторые потомъ

и были взысканы опозорившей их навсегда милостью Рунича, давшего им мѣста и награды за угодливость ему и предательство.

«Сцены, происходившія въ засѣданіяхъ конференціи 3-го, 4-го и 7-го ноября, могли бы показаться, особенно въ настоящее время, невѣроятными, если бы не были засвидѣтельствованы очевидцами и официальными документами. Руничъ являлся тутъ не агентомъ правительства, обязаннымъ узнать и довести до свѣдѣнія его истину, а какимъ-то неограниченнымъ властителемъ, для котораго единственной истиной были уже заранѣе составленные имъ рѣшенія. Онъ съ какимъ-то неистовствомъ предавался удовольствію изливать свою ярость, обвинять и угрожать.»

Въ особенное бѣшенство Рунича приводило, что въ конференціи профессоровъ нашлось нѣсколько «людей мужественныхъ, которые въ обстоятельствахъ трудныхъ умѣли сохранить свое нравственное достоинство и остались вѣрными чести и правотѣ, несмотря на личную, угрожавшую имъ, опасность.»

«Поведеніе этихъ лицъ во время производившихся допросовъ возбуждало величайшее негодованіе Рунича. На дѣланныя ими скромныя и почтительныя замѣчанія по поводу непристойныхъ выходокъ его и на выраженное ими несогласіе подтвердить рѣшительные его приговоры о мнимой преступности обвиняемыхъ онъ не стѣснялся отвѣчать рѣзкими и обидными словами и кончилъ тѣмъ, что началъ явно подозрѣвать ихъ въ злоумышленіи. «Тутъ что-то кроется,—сказалъ онъ въ одномъ изъ засѣданій.—Это—крючки, уловки, ябедничество, наконецъ, заговоръ». И потомъ: «Что это значитъ? Гдѣ я? Такъ ли всегда производятся въ конференціи совѣщанія?» Что эти слова не были минутной вспышкой раздражительности, доказывается тѣмъ, что онъ повторилъ ихъ въ донесеніи своемъ къ министру. Тамъ, съ необыкновеннымъ самодовольствомъ изображая свои подвиги по поводу изобличенія виновныхъ, онъ говоритъ, что это стоило ему неимоверныхъ усилій, такъ какъ вообще почти вся конференція, видимо, благопріятствовала преступникамъ.»

Исходъ начатаго Руничемъ процесса во многомъ обманулъ его собственныя ожиданія. Высшія власти посмотрѣли нѣсколько

снисходительнѣе на дѣло. «Само министерство народнаго просвѣщенія начало, кажется, тяготиться тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, въ которое были поставлены вещи изувѣрной ревностью его агентовъ.» Но университету, какъ учрежденію, отъ этого не стало легче. «Конечно, послѣ всего случившагося профессора Раупахъ, Германъ и другіе не могли уже продолжать свою дѣятельность въ университетѣ, отъ чего послѣдній лишился лучшихъ силъ своихъ и влячалъ печально свое существованіе до самаго вступленія въ министерство графа Уварова.»

Но верхомъ издѣвательства надъ университетами является, конечно, то, что продѣлывалъ въ Казани приснопамятный Магницкій. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Н. И. Шенигъ передаетъ такой разсказъ, который ходилъ о немъ въ Казани.

«Въ Казани, собравъ университетскій совѣтъ, онъ сдѣлалъ предложеніе, что находить мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять созданіе и подобіе Творца, человѣка, на анатомическіе препараты и хранить въ спиртахъ человѣческихъ уродовъ. Профессора прекословить не посмѣли и рѣшили предать землѣ анатомическій кабинетъ съ подобающей почестью. Вслѣдствіе сего заказаны были гробы, въ нихъ помѣстили всѣ препараты, сухіе и въ спиртѣ, и, по отпѣтіи панихиды, въ парадѣ и съ процессіей, понесли на кладбище, гдѣ и предали землѣ.»

Н. П. Загоскинъ въ своей «Исторіи казанскаго университета», правда, показалъ, что это—легендарное сказаніе. Но надо было глубоко поразить воображеніе, чтобы могла родиться подобная легенда, и у Загоскина же приведено достаточно разительныхъ примѣровъ святошества и охранительныхъ неистовствъ Магницкаго, чтобы современниковъ его нельзя было упрекнуть за смѣшное легковѣріе.

Тотъ же Н. И. Шенигъ приводитъ у себя и еще одно казанское преданіе

«Въ другое собраніе университета Магницкій краснорѣчиво изложилъ необходимость соединенія въ ученыхъ людяхъ учености со свѣтскими приличіями и наружными формами и, замѣтивъ, что большая часть гг. профессоровъ, вдавнившись въ ученіе, изслѣдованія и занятія, до того пренебрегаютъ

наружностью, что являются посмѣшищемъ для учащихся, пред-
ложили имъ поочередно приходиться къ нему и получать уроки
и наставленія, какъ входитъ въ гостиныя и дѣлать поклоны,
сообразно съ принятыми въ свѣтѣ обыкновениями. Профессора
опять не посмѣли прекословить и должны были учиться у
него поклонамъ и шарканью, что онъ преподавалъ имъ со
всевозможной важностью, самъ же въ душѣ смѣялся.

Разсказъ кончается неизбежнымъ заключеніемъ: «Выходки
эти до того однако же раздражали благомыслящихъ, а особенно
иностранцевъ, что они всѣ оставили университетъ»...

Какъ же при этомъ министерство могло поддерживать въ
университетахъ достаточную полноту преподаванія? Съ завидной
для современныхъ министровъ простотой. Наличному составу
профессоровъ поручалось заботиться о томъ, чтобы каеэды
не пустовали, хотя бы при этомъ специалисту по литературѣ
приходилось читать курсъ политической экономіи,—какъ то и
было въ петербургскомъ университетѣ послѣ его разгрома. 30
января 1827 г. А. В. Никитенко заноситъ въ свой дневникъ:

«Я много трудился надъ диссертациею «О политической эконо-
міи вообще и о производимости богатствъ, какъ главнѣйшемъ
предметѣ оной». Не скажу, чтобы я доволенъ былъ ею; я не
успѣлъ еще такъ, какъ должно, вникнуть въ сію важную
науку. Бутырскій—хорошій профессоръ словесности, но поли-
тическую экономію плохо читаетъ. Онъ въ вѣчномъ проти-
ворѣчьи съ самимъ собою: сегодня утверждаетъ одно, а завтра
опровергаетъ. Каеэдра политической экономіи, очевидно, не по
немъ. Познанія его въ ней поверхностны. Очень жаль, что
сія высокая наука не имѣетъ у насъ лучшаго преподавателя.
Многіе, однако, полагаютъ, что духъ ея не согласенъ съ су-
ществующимъ у насъ порядкомъ вещей, и потому препода-
ваніе ея у насъ обставлено большими трудностями.»

Соединенными усилиями истинно-русской профессуры и учеб-
наго начальства университеты были очищены, наконецъ, отъ
элементовъ, проявлявшихъ пагубную склонность къ свободѣ
мысли. «Инструкція директору казанскаго университета», Вы-
сочайше утвержденная 17 января 1820 г., въ одномъ изъ
самыхъ существенныхъ своихъ параграфовъ гласила: «Душа

воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность...
Посему, обязанность директора есть непремѣнно наблюдать,
чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы
на самомъ дѣлѣ; чтобы воспитанники университета постоянно
видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со
стороны учителей и надзирателей и чтобы малѣйшее нарушеніе
опаго всегда было наказуемо, несмотря на званія лицъ.» Этой
покорностью и были проникнуты сердца если не юношей (воспо-
минанія Пирогова о «10-мъ номерѣ» московскаго студенческаго
общегитія представляютъ здѣсь очень краснорѣчивое дополненіе
къ елейнымъ требованіямъ помянутаго документа), то сердца
ихъ наставниковъ, дышавшихъ чинопочитаніемъ. И вдругъ опять
неудовольствіе въ высшихъ сферахъ: правительство само оказы-
вается склоннымъ находить, что университеты, которые пришли
было въ такой порядокъ, на дѣлѣ почти что ничего не стоятъ.
Подъ 21 октября 1827 г. тотъ же А. В. Никитенко пишетъ:

«Читалъ мнѣнія членовъ комитета, учрежденнаго для пре-
образования учебныхъ заведеній, о проектѣ академика Паррота.
Не зная самаго проекта, не могу вполне судить о достоинствѣ
сихъ мнѣній. Впрочемъ, изъ нихъ можно заключить, что главная
мысль его слѣдующая: «Всѣ университеты въ Россіи ничтожны
и бесполезны въ своемъ настоящемъ видѣ. Причина сего въ
томъ, что они не имѣютъ хорошихъ профессоровъ. Чтобы водво-
рить въ Россіи просвѣщеніе, надо уничтожить сію причину,
т.-е. всѣхъ профессоровъ въ російскихъ университетахъ уда-
лить и замѣнить ихъ новыми, болѣе достойными сего званія, но
непремѣнно изъ русскихъ же. Какимъ же образомъ сдѣлать
это? Оставить только три университета: Московскій, Харьков-
скій и Казанскій, ибо Петербургскій, по мнѣнію г-на Паррота,
ничѣмъ, однако, не доказанному, совершенно бесполезенъ. Изъ
трехъ вышеупомянутыхъ университетовъ надо выбрать отлич-
нѣйшихъ студентовъ, на каждую каеэдру по одному (всѣхъ
каеэдръ должно быть по 32 въ каждомъ университетѣ) и
отправить ихъ всѣхъ на пять лѣтъ учиться въ Дерптѣ, а потомъ
на два года въ Германіи. По возвращеніи ихъ, отставить всѣхъ
старыхъ профессоровъ и замѣнить ихъ симъ, вновь образо-
ванными.»

«Сперанскій и Строгановъ противъ сего проекта. За него съ разными исключеніями и дополненіями: Ламберто, Блудовъ, Крузенштернъ и Шторхъ.»

Ничто не ново подъ луной, и г. Кассо оказывается лишь блѣдной копіей академика Паррота. Торопимся однако сдѣлать оговорку: въ условіяхъ той эпохи проектъ Паррота имѣлъ совсѣмъ другія оправданія, чѣмъ паровая выводка профессоръ, затѣянная въ наше время г. Кассо.

II.

Планъ академика Паррота оптомъ сфабриковать по заграничнымъ университетамъ нужный Россіи профессорскій составъ,—былъ найденъ черезчуръ прямолинейнымъ даже въ прямолинейное николаевское время. Но основная мысль его,—необходимость создать для русскихъ университетовъ преподавателей изъ русскихъ, ставшихъ въ научномъ отношеніи на уровень Европы,—была усвоена радѣтелями университетовъ въ правительственныхъ сферахъ и стала приводиться въ исполненіе. Первое выступленіе на каеэдрахъ тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые дсвершили свое научное образованіе за границей, единодушно отмѣчается современниками какъ поворотный пунктъ въ исторіи университетовъ.

«Наше студенчество съ 1834 по 1838 г.—пишетъ Ѳ. И. Буслаевъ,—было настоящей эрой, которая отдѣляетъ древній періодъ исторіи московскаго университета отъ новаго, и, какъ нарочно, это была именно самая середина нашего четырехгодичнаго курса. По ту сторону этой грани—старое зданіе университета, старые профессора съ патріархальными нравами и обычаями и такая же старобытная администрація, доведенная къ концу до самоуправства, а по эту сторону—новое зданіе университета, отмѣченное и на его фронтонѣ 1835 годомъ, цѣлая фаланга новыхъ и молодыхъ профессоровъ, только что воротившихся изъ-за границы, гдѣ обучались, каждый по своей специальности, а одновременно съ ними вмѣстѣ явился и новый, тоже молодой (всего сорока лѣтъ) попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ...

«Послѣ двухлѣтняго гнета подъ фѣрулою Дмитрія Павловича Голохвастова, мы, студенты 1834 года, могли вполне оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ и тоже любимецъ императора Николая, былъ человѣкъ рѣшительно добрый и благотворительный, но, странное дѣло, ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполне предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, что угодно. Онъ даже будто вовсе и не любилъ университета, и при насъ въ теченіе двухъ лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся вздѣ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждого съ начала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора или въ учителя, какъ, напримѣръ, Соловьева, Каткова, Селина, Кудрявцева, Шестакова, Кавелина, Ершова, Давыдова...

«Въ первый же годъ своего попечительства графъ Строгановъ оказалъ великую услугу народному просвѣщенію, примиривъ Государя Императора съ московскимъ университетомъ, который онъ не переставалъ держать въ опалѣ со времени печальной исторіи, окончившейся солдатчиною Полежаева и ссылкой Герцена. Николай Павловичъ называлъ нашъ университетъ волчьимъ гнѣздомъ и, когда случалось ему проѣзжать мимо него, долго оставался въ дурномъ расположеніи духа. Потому надобно признать за особую милость къ графу Строганову, что онъ соблаговолилъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ университетъ и именно казеннокоштное общежитіе.»

«Графъ Строгановъ, назначенный попечителемъ,—вспоминаеть о томъ же переломѣ въ университетской жизни С. М. Соловьевъ,—нашелъ университетскій корпусъ въ плачевномъ состояніи... Большая часть профессоровъ были люди бездарные, отсталые, съ нелѣпыми выходками и привычками, подвергавшіеся вслѣдствіе этого насмѣшкамъ студентовъ; мы уже съ трудомъ могли вѣрить рассказамъ нашихъ предшественниковъ до-строгановскихъ о томъ, что позволяли себѣ Смирновы, Маловы, Щедритскіе, Снегиревы на лекціяхъ и экзаменахъ. Строгановъ выгналъ ихъ всѣхъ и замѣстилъ каѳедры новоприбывшими изъ-за границы учеными; отсюда понятно, что онъ связалъ свое дѣло неразрывно съ дѣломъ послѣднихъ, которые нашли въ немъ покровителя и проводителя ихъ мыслей и плановъ; отсюда понятно, какъ онъ смотрѣлъ на эти остатки старины,—на Погодина, Шевырева, Давыдова; онъ держалъ ихъ въ университетѣ по авторитету, какой они успѣли приобрести, и по неимѣнію людей, которыми бы можно было ихъ замѣнить, ибо для каѳедры русской исторіи и русской словесности не посылали молодыхъ людей за границу, а свои еще не подросли...»

1835 годъ отмѣчается, какъ эра, и Костомаровымъ въ его воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ: и тамъ почувствовалось бѣненіе новой жизни, когда на каѳедру взошли вернувшіеся изъ Германіи Лунинъ и Валицкій. Но тотъ же 1835 годъ былъ, какъ извѣстно, годомъ изданія новаго университетскаго устава, носившаго опредѣленно ретроградный, николаевскій характеръ. Ближайшимъ образомъ, положимъ, уставъ этотъ никакъ не отразился на теченіи университетской жизни. Недаромъ и на страницахъ сборника онъ фигурируетъ только въ официальной части: въ воспоминаніяхъ современниковъ ему совсѣмъ не удѣляется вниманія. Отнявъ у университетовъ автономію и сдѣлавъ попечителя ихъ истиннымъ хозяиномъ, уваровскій уставъ лишь закрѣпилъ легально то, что на дѣлѣ всегда существовало. Либерализмъ устава 1804 г. остался на бумагѣ, и не служилъ помѣхой грубѣйшему административному самоуправству ни Руничъ съ Магницкимъ, ни Голохвастовыхъ, Мусинныхъ-Пушкиныхъ и tutti quanti. «Я сдѣлаю то, что васъ будутъ драть розгами... Не говорите мнѣ объ уставѣ,—я вашъ

уставъ»,—кричалъ деканъ Сенковскій въ Петербургѣ на студентовъ, и въ томъ же тонѣ попечители подчасъ обращались съ профессорами. Мусинъ-Пушкинъ въ Казани «часто распекалъ проф. Лукашевскаго и грозилъ, что рано или поздно онъ непременно сошлетъ его куда-нибудь подальше»,—о такихъ сценахъ П. О. Вистенгофъ рассказываетъ какъ о самой обыденной вещи. Наивно было бы поэтому сокрушаться о способѣ стараго либеральнаго фасада, и современники не впади въ подобную наивность. Что значили для нихъ параграфы уставовъ при общемъ царствѣ правительственнаго произвола? Но совпаденіе, на которое мы указали, все-таки носить очень знаменательный характеръ. Одной рукой въ университеты переносится съ Запада наука, безъ которой,—по собственному признацію правительства,—они являются «ничтожными и бесполезными» учрежденіями; другой—на университеты налагается новая крѣпкая узда, и при такихъ условіяхъ самый подъемъ научнаго и моральнаго достоинства профессорской коллегіи является источникомъ новыхъ мучительныхъ страданій въ жизни русской высшей школы, какъ бы по слову: «Кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь».

Дѣйствительно, безумный разгулъ реакціи въ эпоху Священнаго Союза не производитъ на наблюдателя судебъ университетовъ такого впечатлѣнія, какъ позднеѣ иные по формѣ и не настолько грубые акты правительственной репрессіи въ высшей школѣ. При Александрѣ I реакція сразу затоптала своими тяжелыми ногами еще не успѣвшіе сколько-нибудь развиться университеты. Цвѣтомъ преподавательской коллегіи тогда являлись нѣмцы. Не находя больше возможности дѣйствовать въ Россіи, они обратно возвращались въ родные университеты. То было крупной жизненной передрыгой, но изъ-за этого едва ли кто проклиналъ день и часъ, когда онъ рѣшился посвятить себя служенію наукѣ. Масса же русскихъ профессоровъ стояла и въ научномъ и въ общемъ духовномъ отношеніи такъ низко, что безболѣзненно переносила самыя крайнія проявленія правительственнаго произвола. Не слышно нотъ озлобленія и въ воспоминаніяхъ тѣхъ, кто былъ тогда студентомъ. Всѣ признають, что отъ своихъ наставниковъ они получали очень

мало; но съ тѣмъ большимъ жаромъ они настаиваютъ на благодѣтельномъ вліяніи ихъ собственнаго студенческаго общенія. «Въ наше время профессорское слово было часто бѣдно, но студенческая жизнь и умственная дѣятельность, неразрывно съ ней связанная, не были подавлены форменностью и приносили добрые плоды»,—эта оцѣнка К. Аксакова повторяется въ воспоминаніяхъ на разные лады.

Но наступаетъ время, когда на каедрѣ являются такіе люди, какъ Грановскій,—когда на университетскомъ горизонтѣ восходитъ молодая ученая плеяда. Иной становится внутренняя цѣнность университета. Инымъ становится и отношеніе къ нему студентовъ. Въ своихъ запискахъ С. М. Соловьевъ рассказываетъ уже не о студенческихъ кружкахъ и товарищескихъ бесѣдахъ. Онъ говоритъ уже о преподавателяхъ, которымъ онъ обязанъ пробужденіемъ высшихъ умственныхъ интересовъ. На первомъ курсѣ на него самое сильное впечатлѣніе произвелъ проф. Крюковъ. «Крюковъ, можно сказать, бросился на насъ, гимназистовъ, съ огромной массой новыхъ идей, съ совершенно новой для насъ наукой (онъ читалъ древнюю исторію), изложилъ ее блестящимъ образомъ и, разумѣется, ошеломилъ насъ, взбудоражилъ наши головы, вспахалъ, взборонилъ насъ, такъ сказать, и затѣмъ посѣялъ хорошими сѣменами,—за что вѣчная ему благодарность.» Затѣмъ, на второмъ курсѣ, онъ подпадаетъ подъ благотворное вліяніе Грановскаго. Другіе вспоминаютъ, что они вынесли въ Москвѣ отъ лекцій Кавелина, Крылова и т. д. Питомцы провинціальныхъ университетовъ въ ту же пору съ энтузіазмомъ говорятъ о Лунинѣ и Валицкомъ, о Шульгинѣ и Павловѣ, и т. д. Но, становясь достойными своего названія, университеты при сохраненіи николаевскаго отношенія къ наукѣ становятся и мѣстомъ пытки какъ разъ для тѣхъ, кому они были обязаны новымъ своимъ значеніемъ. «Чортъ меня дернулъ съ умомъ и съ сердцемъ родиться въ Россіи»,—этотъ крикъ боли, вырвавшійся изъ груди Пушкина, могъ бы служить эпиграфомъ и къ инымъ воспоминаніямъ о николаевской эпохѣ университетской жизни. Сколько негодованія и презрѣнія къ режиму, подъ игромъ котораго приходилось склоняться, вкладываетъ С. М. Соловьевъ въ характеристику гр. Уварова, сто-

явшаго съ 1833 по 1848 г. во главѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Россіи.

«Уваровъ былъ человѣкъ безспорно съ блестящими дарованіями, и по этимъ дарованіямъ, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесенныхъ изъ общества Штейновъ, Кочубеевъ и другихъ знаменитостей александровскаго времени, былъ способенъ занимать мѣсто министра народнаго просвѣщенія, президента академіи наукъ etc.; но въ этомъ человѣкѣ способности сердечныя нисколько не соотвѣтствовали умственнымъ. Представляя изъ себя знатнаго барина, Уваровъ не имѣлъ въ себѣ ничего истинно-аристократическаго; напротивъ, это былъ слуга, получившій порядочныя манеры въ домѣ порядочнаго барина (Александра I), но оставшійся въ сердцѣ слугою; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, никакой лести, чтобы угодить барину (Императору Николаю); онъ внушилъ ему мысль, что онъ, Николай, творецъ какого-то новаго образованія, основаннаго на новыхъ началахъ, и придумалъ эти начала, т.-е. слова: православіе, самодержавіе и народность; православіе—будучи безбожникомъ, не вѣруя во Христа даже и по-протестантски; самодержавіе—будучи либераломъ; народность—не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки.»

Но наступилъ 1848 годъ, и гр. Уваровъ оказался для Императора Николая I слишкомъ либераленъ, и объ уваровскихъ порядкахъ университетамъ пришлось вспомнить съ сожалѣніемъ. Приведемъ извѣстные отрывки изъ писемъ Грановскаго, которые сообщилъ въ «Быломъ и Думахъ» Герценъ.

«Положеніе наше,—пишетъ онъ въ 1850 г.,—становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значить личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть; теперь ограничили слѣдующими уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ больше 300 студентовъ. Въ московскомъ 1,400

человѣкъ студентовъ; стало быть, надобно выпустить 1,200, чтобы имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ та же участь, напр., лицей. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Иезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы.

«Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее.

«Я рѣшился не идти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать, пусть выгоняютъ сами.»

Одно изъ послѣднихъ писемъ онъ заключаетъ такъ: «Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Гдѣ противодѣйствіе? Тяжело, братъ,—а выхода нѣтъ *живому*.»

Что дѣлали съ наукой, когда на мѣстѣ Уварова водворился Ширинскій-Шихматовъ, описываетъ намъ С. М. Соловьевъ.

«Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ, Ширинскій явился въ Москву и прежде всего, разумѣется, сталъ осматривать университетъ, ходилъ по лекціямъ. Пришелъ ко мнѣ. Лекція была первая въ курсѣ; я говорилъ объ источникахъ русской исторіи, о лѣтописи, утверждалъ ея достовѣрность, опровергалъ скептиковъ, но закончилъ тѣмъ, что она дошла до насъ въ формѣ сборника, при чемъ первоначальный текстъ, приписываемый Нестору, возстановить трудно. Что же? На другой день Ширинскій призываетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ самый начальнический выговоръ за мое скептическое направленіе, что я слѣдую Каченовскому. «Правительство этого не хочетъ! Правительство этого не хочетъ!»,—кричалъ разъяренный татаринъ, не слушая никакихъ объясненій съ моей стороны. Погодишь могъ радоваться выговору, полученному мною отъ министра; но радовался не долго: тотъ же Ширинскій выхлопоталъ высочайшее повелѣніе не подвергать критикѣ лѣтописнаго извѣстія о смерти Димитрія-царевича,—слѣдовательно, волею-неволею нужно было утверждать, что Димитрій убитъ Годуновымъ; точно такъ же запрещено было подвергать критикѣ вопросъ о годѣ основанія русскаго государства, ибо-де 862 годъ назначенъ *преподобнымъ* Несторомъ; запрещено произносить греческія

слова по Эразму, ибо новогреческое произношеніе утверждено православною церковью введеніемъ въ духовныя училища. Понятно, какъ должна была вести себя цензура, подчиненная такому министру...»

Чтобы искоренить духъ невѣрія, Ширинскій-Шихматовъ всеѣмъ уничтожилъ кафедру философіи въ университетахъ, поручивъ чтеніе логики и психологіи священникамъ, профессорамъ богословія.

Самъ Императоръ,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ С. М. Соловьевъ,—больше «не сталъ скрывать своей ненависти къ профессорамъ, этимъ товарищамъ-соумышленникамъ членовъ французскаго собранія. «А эти хорошо себя ведутъ?»—спрашивалъ онъ у харьковскаго попечителя, указывая на профессоровъ при представленіи университета in corpore...»

Съ такой же силой перепуганные 1848 годомъ охранители обрушились и на учащуюся молодежь. «Стремясь водворить духъ повиновенія между учащимися студентами и гимназистами,—вспоминаетъ В. Шульгинъ о бибиновскомъ времени въ Кіевѣ,—стали преслѣдовать какъ уголовное преступленіе разстегнутые мундиры, пестрые панталоны и длинные волосы, вводить между гимназистами маршировку по военному уставу и дрессировать ихъ по одному мановенію начальства стоять, падать, лежать и даже согнѣть и всхрапывать. Стремясь исключить изъ общественныхъ учебныхъ заведеній всякій демократическій элементъ, строго приводили въ исполненіе законъ, не допускавшій податныхъ сословій въ гимназіи. Стремясь заставить студентовъ серьезно и самостоятельно заниматься наукой, ввели переклички на лекціяхъ и сажали въ карцеръ и даже исключали изъ университета за пропускъ нѣсколькихъ лекцій, за «Гомера и Софокла», какъ тогда технически выражались. Стремясь, наконецъ, отвлечь студентовъ отъ разсужденій о политическихъ и общественныхъ вопросахъ въ свободное время отъ лекцій, сквозь пальцы смотрѣли на трату молодыхъ и свѣжихъ силъ въ разгулъ и не нравственныхъ удовольствіяхъ.»

«Въ бибиновское время,—пишетъ объ этомъ же А. Романовичъ-Славатинскій,—форма студенческая соблюдалась строжайшимъ образомъ. За разстегнутый крючокъ, за незастегнутую

пуговицу исключали иногда изъ университета, казенно-коштныхъ медиковъ отдавали въ фельдшера, а словесниковъ—въ учителя приходскихъ школь.» Зато распутство, какъ способъ отвлеченія студентовъ отъ политики, прямо поощрялось. «Однажды Бибиковъ посѣтилъ клиники, которыя были тогда въ зданіи университета. Собравъ студентовъ-медиковъ, онъ держалъ передъ ними рѣчь такого содержанія: Вы-де, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, ходите по веселымъ домамъ, скандальте въ нихъ (подлинныя его слова были много грубѣе), но политикой не занимайтесь; не-то вы-гоню изъ «ниверситета». Такова была его этическая программа... И за нее мы получили царское спасибо на смотру Императора Николая I въ сентябрѣ 1850 г.»

Плоды? Шульгинъ на это отвѣчаетъ такъ: «Плодомъ сильнаго умственнаго возбужденія съ одной стороны и строго-дисциплинарныхъ мѣръ—съ другой, было въ массѣ учащагося молодого поколѣнія ремесленное, механическое обученіе наукѣ, какъ ремеслу, и нравственное огрубѣніе среди кутежей, и только въ очень немногихъ, избранныхъ—сильная внутренняя работа духа, которая хотя вырабатывала развитыя и энергическія натуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовила изъ нихъ озлобленныхъ враговъ общества и всякаго порядка...»

Вотъ когда подготавливалась почва, на которой такіе пышные всходы стали потомъ давать сѣмена бакунинскаго анархизма.

Но если не врагами всякаго порядка, то врагами существующаго порядка становились въ университетѣ всѣ, кто только сохранилъ въ себѣ живую душу. С. М. Соловьевъ былъ, несомнѣнно, по складу своему консервативная натура. Тѣмъ характернѣе, что изъ-подъ его пера вылились бичующія строки, которыми мы заключимъ этотъ бѣглый очеркъ. Припоминая крымскую кампанію, онъ пишетъ:

«Надвигалась страшная туча надъ Николаемъ и его дѣломъ,—туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилѣтнюю ложь, тридцатилѣтнее давленіе всего живого, духовнаго, подавленіе народныхъ силъ, превращеніе русскихъ людей въ полки, за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало

приготовила наша исторія,—именно: самостоятельности и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ самый геніальный и благонамѣренный остается бесполезнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній...

«Въ то время, какъ сталъ грохотать громъ надъ головой новаго Навуходоносора, когда Россія стала терпѣть непривычный позоръ военныхъ неудачъ, когда враги явились подъ Севастополемъ,—мы находились въ тяжкомъ положеніи: съ одной стороны, наше патріотическое чувство было страшно оскорблено униженіемъ Россіи; съ другой—мы были убѣждены, что только бѣдствіе, и именно несчастная война,—могло произвести спасительный переворотъ, остановить дальнѣйшее гниеніе; мы были убѣждены, что успѣхъ войны затащилъ бы еще крѣпче наши узы, окончательно утвердилъ бы казарменную систему; мы терзались извѣстіями о неудачахъ, зная, что извѣстія противоположныя приводили бы насъ въ трепеть...»

Такіе результаты дала проводившаяся желѣзной рукой программа: самодержавіе, православіе, народность. Урокъ внушительный, но скоро позабытый тамъ, гдѣ о немъ больше всего слѣдовало бы помнить, и послѣ небольшого перерыва та же трагедія возобновилась въ университетской жизни, захватывая собой и наше поколѣніе, съ которымъ разыгрался одинъ изъ самыхъ жестокихъ актовъ. Ему и будутъ главнымъ образомъ посвящены наши дальнѣйшія страницы.

Государство и наука.

1911 годъ.

I.

«Въ наше время,—внушалъ Э. Ренанъ Франціи «Наполеона маленькаго», гдѣ еще приходилось дѣлать подобныя внушенія,—на свѣтѣ существуютъ націи двухъ порядковъ: у однѣхъ есть ученые, у другихъ нѣтъ. Эти послѣднія находятся въ такомъ же глубокомъ политическомъ упадкѣ, какъ и въ интеллектуальномъ. Мусульманскій Востокъ соперничалъ съ европейскимъ Западомъ и даже торжествовалъ надъ нимъ до XVI вѣка, т.-е. до зарожденія современной науки. Мусульманскій міръ самъ приготовилъ себѣ гибель, задушивъ въ лонѣ своемъ зародыши науки въ XIII столѣтіи...»

Значеніе наукъ для внутренней и вѣншей національной мощи не долго ускользало отъ вниманія власти въ новыхъ европейскихъ государствахъ. Не ускользнула отъ ихъ вниманія и та сторона дѣла, которую мы приведемъ опять-таки въ Ренановой формулировкѣ. Душой такъ-называемыхъ прикладныхъ знаній, цѣнность которыхъ особенно бросается въ глаза и пастырямъ народовъ, и ихъ стадамъ, всегда являлась и является чистая наука. Ея же культура въ большинствѣ странъ велась и ведется людьми, вынужденными жить своимъ трудомъ. «А между тѣмъ наука, источникъ великаго прогресса, сама по себѣ непродуктивна. Она обогащаетъ тѣхъ, кто ее примѣняетъ, но не истинныхъ своихъ создателей. Ни Нью-

тонъ, ни Лейбницъ не извлекли никакой матеріальной выгоды изъ открытія дифференціального исчисления. Подлинные творцы химіи не получили никакой доли изъ тѣхъ колоссальныхъ промышленныхъ состояній, которыя были приобрѣтены на основаніи ихъ открытій. Жалѣть тутъ нечего, ибо имъ досталась слава. Во всякомъ случаѣ это неизбѣжно. Итакъ, необходимо, чтобы общество вступалось для исправленія этой роковой несправедливости, которою оно пользуется; я неудачно выразился; лучше сказать: чтобы оно авансировало предпріятіе, доходы отъ котораго достанутся ему.»

Первою формой, въ которой выразилось сознаніе государствомъ необходимости оказывать поддержку развитію науки, явилось поощреніе и субсидированіе ученыхъ Обществъ. Первой эпохой такого государственнаго содѣйствія наукъ были XVII и XVIII столѣтія, когда съ легкой руки французскихъ королей Европа покрылась цѣлой сѣтью «Академій», изъ которыхъ одна попала и на берега Невы. Но эти «Академіи наукъ» въ общемъ не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ первоначально возлагались. При многомъ было здѣсь чрезмѣрное вниманіе къ нимъ благопопечительныхъ монарховъ: науки чахли въ придворной атмосферѣ. Но вялый пульсъ ученой жизни академій кореннымъ образомъ зависѣлъ отъ того, что дѣло созиданія науки при ихъ устройствѣ было отдѣлено отъ дѣла ея распространенія.

Истинный путь былъ найденъ здѣсь Германіей въ началѣ XIX в. Яснѣе всего онъ былъ опредѣленъ В. ф.-Гумбольдтомъ, который и вывелъ на него государственное содѣйствіе наукъ. Гумбольдтъ рѣшительно объявилъ несостоятельнымъ тотъ взглядъ, будто бы высшей школѣ надлежитъ думать только о распространеніи добытыхъ наукой результатовъ, оставивъ созиданіе на долю академій. Основною задачей высшей школы для Гумбольдта являлось приобщеніе къ наукѣ своихъ питомцевъ. Если же съ этимъ согласиться,—продолжалъ онъ,—«то при организаціи высшихъ учебныхъ учреждений все должно покоиться на соблюденіи принципа, что на науку слѣдуетъ глядѣть какъ на нѣчто не воплію найденное и никогда не могущее быть найденнымъ воплію и что ее необходимо не-

прерывно искать, какъ таковую. И стоитъ прекратить подобное исканіе въ наукѣ или стоитъ вообразить, что ее нечего извлекать изъ глубинъ духа, что ее можно виѣшне составить путемъ собиранія, какъ все пропало невозвратно и навѣки: пропало для науки, которая при подобномъ отношеніи къ себѣ, разъ оно принимаетъ затяжной характеръ, улетучивается настолько, что ея языкъ даже остается пустою шелухой; пропало все и для государства. Ибо только наука, родящаяся внутри духа и передаваемая внутрь, образуетъ и характеръ. А государству, какъ и человѣчеству, важны не знаніе и рѣчистость, а характеръ и творческая дѣятельность.»

Но если университетъ для достиженія своихъ образовательныхъ задачъ не можетъ обойтись безъ людей науки, то и прогрессъ науки гораздо бѣльшаго долженъ ждать отъ правильно поставленныхъ университетовъ, нежели отъ чисто ученыхъ корпорацій, которыми являлись академіи. «Ибо свободное устное сообщеніе своей науки слушателямъ, среди которыхъ всегда находится извѣстное количество самостоятельно мыслящихъ вмѣстѣ съ преподавателемъ головъ, конечно, разогрѣваетъ того, кто разъ освоился съ веденіемъ такихъ занятій, уже никакъ не меньше, чѣмъ досужее уединеніе писателя или слабо между собою связанная академическая компанія. Движеніе науки въ университетѣ, гдѣ она обращается въ болъшомъ количествѣ головъ,—и притомъ сильныхъ, бодрыхъ, юношескихъ головъ,—безспорно, совершается быстрѣе и живѣе.»

Но университеты такъ тѣсно связаны съ практическими интересами государства. Они готовятъ ему слугъ для разныхъ областей государственнаго управленія, и самъ профессоръ у государства состоитъ на службѣ. Такъ мыслимо ли, чтобы государство,—по своему происхожденію больше всего военно-полицейскій институтъ,—способно было создать для университетовъ и университетскихъ дѣятелей то положеніе, какое необходимо для разсадниковъ свободной по своей природѣ и не терпящей правительственной регламентаціи и виѣшняго давленія науки? Оно должно пойти на это,—такъ отвѣчалъ безъ колебаній Гумбольдтъ. Разъ государство хочетъ обезпечить

обществу тѣ безконечныя матеріальныя и моральныя благодѣянія, которыя приноситъ культура истинной науки, оно не можетъ не считаться съ особою природою этихъ столь чуждыхъ собственной его природѣ учреждений. Передъ разсадниками науки государство, дающее на нихъ общественныя средства, должно наложить на себя рядъ самоограниченій. Собственно говоря, его участіе въ управленіи подобною научною высшею школою желательно лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо, чтобы предотвратить опасность потери внутренней свободы, которая грозитъ всегда коллегіямъ, поставленнымъ виѣ всякаго общественнаго контроля. Помимо же этого государственная власть безъ опасенія погубить душу дѣла не можетъ налагать на университетскую жизнь и работу никакихъ правительственныхъ стѣсненій.

Гумбольдтовъ идеалъ университета сталъ входить въ германскую жизнь какъ часть новаго свободнаго общественнаго строя. Но не успѣлъ онъ еще отдаленно показать всю заключающуюся въ немъ магическую силу, какъ для него началась година испытаній. Силы реакціи, поднявшіяся такъ высоко въ Германіи въ эпоху Священнаго Союза, инстинктомъ чуяли, гдѣ кроется для прочности ихъ торжества главнѣйшая опасность, и требовали полнаго отказа отъ гумбольдтовскихъ идеаловъ. Люди, душой преданные благочестію и престолу, требовали съ пѣной у рта формальнаго провозглашенія принципа, что университеты существуютъ только для «выработки дѣльныхъ служителей церкви и государству». Верховныя правительства избрали средній путь. Не отказавшись отъ мысли содѣйствовать чрезъ университеты движенію впередъ науки, они сочли умѣстнымъ снять съ государства всѣ наложенныя имъ было на себя по отношенію къ высшей школѣ самоограниченія. Наукѣ оставлено было право гражданства въ университетахъ, но уничтожены были гарантіи ея свободы.

И несмотря на это нѣмецкіе университеты смогли остаться вѣрными Гумбольдтовымъ завѣтамъ. Помогла имъ спастись отъ «потока и разграбленія», которому такъ страстно желали ихъ предать вожаки нѣмецкой черной сотни, во-первыхъ, крѣпкая внутренняя связь, объединявшая въ ихъ лонѣ профессорскую

корпорацию и студентов; во-вторыхъ, теплая атмосфера симпатіи, которой ихъ окружало общество, видѣвшее въ нихъ благороднѣйшій изъ плодовъ безвременно пресѣкшагося освободительнаго движенія,—никогда ни профессоръ, ни студентъ не были такъ популярны въ нѣмецкомъ обществѣ, какъ въ эту годину университетскаго безправія; помогла имъ спастись и умная учебная администрація, отстаивавшая упорно ихъ жизненные интересы отъ разрушительныхъ вождельнѣй руководителей «высокой политики» въ родѣ извѣстнаго прусскаго министра фонъ-Витгенштейна; во многомъ имъ помогла и политическая раздробленность Германіи, позволявшая университетскимъ дѣятелямъ, гонимымъ въ одной странѣ, находить въ университетѣ другого государства новую арену. Но надобно замѣтить сверхъ всего, что сами носители верховной власти даже въ моменты, когда ихъ угнетали кошмарныя видѣнія, какъ было послѣ убійства Коцебу, не позволяли себѣ относиться черезчуръ легко къ преслѣдованію людей науки, работавшихъ въ ихъ королевскихъ университетахъ. Въ связи съ убійствомъ Коцебу берлинскій профессоръ де-Ветте былъ обвиненъ въ томъ, что написалъ сочувственное письмо матери убійцы, студента Занда, и что объ этомъ преступленіи онъ и передъ слушателями высказался не такъ, какъ подобало бы лицу, которому ввѣрено нравственное руководство молодежи. Но, чтобы удалить одного де-Ветте, кликъ придворныхъ реакціонеровъ пришлось напрячь всѣ силы. Его процессъ явился событіемъ не только въ университетскомъ, но и въ административномъ, и въ придворномъ мірѣ. Долгое время шла упорная борьба въ правительственныхъ сферахъ изъ-за этого вопроса. И когда король склонился, наконецъ, на сторону гонителей де-Ветте и подписалъ указъ объ его отставкѣ, университетъ вошелъ съ ходатайствомъ, чтобы за де-Ветте, талантливымъ ученымъ безъ всякихъ личныхъ средствъ, было сохранено его профессорское содержаніе. Когда же министр не счелъ возможнымъ этого исполнить, вмѣсто же того препроводилъ де-Ветте лишь годовое его содержаніе, бѣднякъ де-Ветте отослалъ обратно присланныя деньги, предпочитая принять на то, чтобы первое время перебиться, ту сумму денегъ,

которую собрали по подникѣ его товарищи-профессора. И когда Гегель въ частномъ разговорѣ спусти нѣсколько времени позволилъ высказать себѣ ту мысль, что за правительствомъ слѣдуетъ признавать право отстранять профессора отъ преподаванія при томъ условіи, если профессоръ сохранить при этомъ профессорское содержаніе, то Шлейермахеръ вскипѣлъ и назвалъ такое пониманіе дѣла жалкимъ. Двору было доложено объ этой шумѣвшей стычкѣ двухъ знаменитостей съ прибавкой, будто профессора изъ-за этого между собой передрались,—и Шлейермахеръ, бывший у придворныхъ ханжей и реакціонеровъ вообще на самомъ отчаянномъ счету, не потерпѣлъ отъ этой сплетни никакихъ послѣдствій.

Такъ при отсталости политическаго строя въ первой половинѣ XIX в. Германія спасеніемъ своего университетскаго идеала показала, что она все-же была страной старой культуры съ привитымъ еще во времена церковнаго могущества уваженіемъ къ силамъ духа,—съ понятіемъ, что не все цѣнное для человѣчества и государства творится по приказамъ власти или покупается за деньги.

Намъ, русскимъ, съ нашею горькою привычкой къ инымъ приѣмамъ управленія духовною жизнью, кажется даже преувеличенною чувствительностью то страстное негодованіе, съ какимъ историки нѣмецкаго образованія повѣствуютъ о бѣдствіяхъ, которымъ подвергались нѣмецкіе университеты въ эпоху Меттерниха или въ разгулъ реакціи послѣ 1848 года. Гоненія на прогрессивный элементъ среди студенчества и профессуры? Но что же это за гоненія и по числу подвергшихся опалѣ, и по формамъ преслѣдованія, да и по карамъ! Семь гёттингенскихъ профессоровъ открыто обвиняютъ своего короля въ нарушеніи основныхъ законовъ, заявляя, что сами они будутъ вѣрны поправной имъ конституціи и не согласны уступать передъ его насиліемъ. И что же за кара для такихъ революціонеровъ? Для четверыхъ — только отставка, а для троихъ сверхъ того — высылка изъ неширокихъ ганноверскихъ предѣловъ. А за предѣлами Ганноверскаго королевства ихъ ждутъ восторженные обще-нѣмецкія оваліи, національная подписка на матеріальныя ихъ нужды и агитація, чтобы они не

долго оставались безъ кафедръ. Нѣтъ, Западъ, очевидно, понятія не имѣеть, чтѣ называется настоящимъ гоненіемъ на университеты.

Но, по невѣдѣнію своему или по другимъ причинамъ, западные историки остаются себѣ вѣрны. Кому обязана униженная и бѣдная нѣкогда Германія теперешнимъ своимъ могуществомъ и славой? Прежде всего своимъ университетамъ. Кто сохранилъ въ разорванной на мелкіе куски странѣ живое чувство національнаго единства? Университеты. Кто не далъ нѣмецкому народу упасть духомъ и уберечь въ немъ чувство національнаго достоинства и ту энергію, какая была нужна, чтобы за него бороться? Университеты. Кто создалъ базу для современнаго экономическаго могущества Германіи и кто является самой могучей опорой этого могущества и понынѣ? Университеты съ ихъ чистою наукой. Кто разбилъ, наконецъ, тѣ преграды, которыя сосѣди ставили объединенію имперіи и ея политической гегемоніи? Отвѣтъ на это кровью сердца въ минуту униженія написали исконные соперники Германіи французы. «Почему во Франціи не нашлось людей, когда ей грозила гибель?»,—такъ спрашивалъ Пастеръ послѣ Седана, Меца и взятія Парижа и отвѣчалъ: прежде всего потому, что Франція забыла воздавать должное наукѣ. Она пеклась о многомъ,—и о промышленности, и о торговлѣ, и о земледѣліи,—гонясь за прикладною стороною знаній. «А въ то же время нашъ соперникъ, все отдавая на нужды науки, сумѣлъ перевести большую часть своего уваженія и своихъ жертвъ на работы ума въ наиболѣе ихъ возвышенной и свободной части, на прогрессъ наукъ во всемъ, чтѣ онѣ имѣютъ безкорыстнаго, такъ, что имя Германіи связано по какой-то ассоціаціи идей со словомъ университеты... Онѣ понялъ, этотъ народъ, что не существуетъ прикладныхъ наукъ, а только примѣненія науки... Онѣ понялъ, что на той ступени развитія, которой мы достигли и которая обозначается именемъ «новѣйшей цивилизаціи», развитіе наукъ, быть-можетъ, еще болѣе необходимо для нравственнаго благосостоянія народа, чѣмъ для его матеріальнаго процвѣтанія. Общественныя же власти во Франціи съ

давнихъ поръ не вѣдали этого закона соотношенія между теоретической наукой и практической жизнью» 1).

Для всякаго сознательнаго нѣмца всѣ эти утвержденія давно являются безспорными. И потому-то при мысли о судьбѣ университетовъ въ эпоху знаменитыхъ карлсбадскихъ постановлений, въ эпоху германскаго «успокоенія» и «укрѣпленія основъ»,—самые сдержанные историки такъ легко теряютъ самообладаніе. Такъ тѣсно связана была вся будущность страны съ этимъ союзомъ между государствомъ и наукой, который гению Гумбольдта удалось заключить, и такъ легко твореніе Гумбольдта могло быть погублено навѣки. И кѣмъ же? Той жалкой камарильей и той негодной частью бюрократіи, которыя въ минуту національныхъ бѣдствій попрятались было робко по щелямъ и выползли оттуда, чтобы губить высокія геніальныя начинанія, напоминавшія имъ о собственной ихъ трусости и позорѣ. И чтобы отмѣтить эти лица, рука историка невольно берется за каленое желѣзо.

II.

Не буду продолжать исторіи нѣмецкихъ университетовъ,—извѣстно всякому, что послѣ обращенія германскихъ странъ въ правовыя государства ихъ университетское населеніе стало относиться къ разряду «счастливыхъ народовъ», т.-е. такихъ, которые «исторіи не имѣютъ»,—и перейду къ Россіи.

На Западѣ новое государство и новал, истинная наука могутъ считаться ровесниками, и создались они независимо другъ отъ друга. Въ Россіи положеніе иное. Въ Россіи наука много моложе государства, и государство заявляетъ даже претензію смотрѣть и на отечественную науку наравнѣ съ прочей культурой, какъ на свое созданіе. Но съ этихъ гордыхъ заявленій надобно сдѣлать большую скидку. Конечно, еще съ XVI вѣка, особенно же со времени Петра, правительство трудилось, чтобы открыть доступъ европейской образованности въ русское государство, и прилагало свои старанія

1) К. Тимирязевъ. Насущныя задачи современнаго естествознанія, стр. 368—369.

тогда, когда само русское общество относилось къ этому или равнодушно, или даже враждебно. Но гналось правительство только за приложениями науки, только за ея утилитарной стороной. Духъ же науки,—духъ смѣлаго изслѣдованія, не признающаго кромѣ законовъ истины никакой надъ собою власти,—русскимъ правителямъ никогда не былъ по душѣ. Чтобы не отстать отъ вѣка, въ Петербургѣ завели, правда, «Академію наукъ» и при Екатеринѣ II кокетничали нѣкоторое время съ «просвѣщеніемъ». Но когда общество серьезно само вздумало было тронуться въ этомъ направленіи, ему немедленно сдѣлана была правительственною рукой острастка. Съ Елизаветы въ Россіи учреждаются правительствомъ и университеты. Однако, если не увлекаться словомъ и не впадать въ обманъ, давая вѣру торжественнымъ рѣчамъ при открытіи русскихъ университетовъ, то университетскую исторію у насъ надобно начинать гораздо позже. По поводу тяжелыхъ дней, переживаемыхъ сейчасъ московскимъ университетомъ, невольно вспоминается, какъ Руничъ и Магницкій громили въ свое время петербургскій и казанскій университеты. Но параллель тутъ надо проводить съ большою осторожностью, чтобы не нарушить исторической перспективы. Стурдза доносилъ императору Александру I изъ-за границы, что въ Германіи «университеты вмѣсто того, чтобы строить ковчегъ христіанскаго государства, являются разсадникомъ революціоннаго духа и безбожія», а за грѣхи университетовъ, гдѣ вели проповѣдь своихъ идей Шеллингъ и Фихте, крушилась гордыня школъ, скромнѣе и подевольнѣе пныхъ современныхъ гимназій.

И тѣмъ не менѣе родившіеся въ обществѣ запросы на науку все-же пробивали себѣ хоть узенькую дорогу даже въ такихъ университетахъ, какими были русскіе въ александровскую и въ николаевскую эпохи. Не въ ихъ условіяхъ можно было думать о совершенно самостоятельной работѣ на научномъ полѣ. Но чрезъ нихъ все-же проникало въ общество уваженіе къ западной наукѣ и страстное желаніе у избранныхъ умовъ полнѣе къ ней приобщиться. Московскій университетъ сталъ дорогъ всѣмъ, кто любитъ родину и болѣетъ за нее сердцемъ, именно съ темной реакціонной николаевской эпохи.

Однако, будь Россія изолированное государство, гдѣ бы и сейчасъ стояло русское образованіе и что бы доселѣ собою представляла русская наука? Лишь безпощадное соперничество государствъ, которое при всѣхъ своихъ кровавыхъ, мрачныхъ сторонахъ не лишено и благодѣтельныхъ послѣдствій для судьбы народовъ, могло сломить у насъ правительственный обскурантизмъ и косность, могло развязать русскому обществу руки и дать ему возможность создать въ Россіи настоящую науку. Какъ ни суди Наполеона III,—писалъ по свѣжей памяти объ его смерти Зибель,—Европа обязана его поминать добромъ за то, что онъ освободилъ ее крымской кампаніей отъ нестерпимаго давленія николаевской Россіи. Но и сама Россія неизвѣстно чѣмъ бы теперь была безъ этого удара по государству бичемъ исторической Немезиды.

Рухнули николаевскіе фасады. Передъ глазами всѣхъ раскрылось то разореніе народной жизни, которое скрывалось за ними. Послѣ банкротства старой правительственной системы передъ Россіей, столкнутой съ пьедестала Наполеономъ III, стала та же задача, которая стояла на полвѣка раньше передъ Германіей, разгромленной Наполеономъ I: привести жизнь страны въ должное соотвѣтствіе съ повелительными требованіями вѣка. Только Россіи задача эта была предъявлена въ гораздо болѣе трудномъ видѣ, ибо она отстала отъ движенія впередъ культуры неизмѣримо дальше, чѣмъ Германія начала XIX вѣка. Общность условій вызвала при поискахъ спасенія и схожіе шаги. Свобода и наука, какъ душа широко разлитаго образованія, которое одно способно придать освобожденной личности истинную цѣнность,—таковъ былъ кличъ передовой Германіи въ эпоху Штейна, таковъ былъ кличъ и передовой Россіи въ эпоху, принесшую странѣ актъ 19 февраля 1861 года.

Къ занятіямъ наукой, слабо представленнымъ тогда въ Россіи, рванулись поэтому благороднѣйшія и одареннѣйшія натуры, можно сказать, съ религіознымъ пыломъ. Я не могу не привести здѣсь строкъ, въ которыхъ вспоминаетъ объ этомъ времени К. А. Тимирязевъ. «Если спросить: «Какая была самая выдающаяся черта этого движенія?», можно, не задумываясь, отвѣтить однимъ словомъ: энтузіазмъ. Тотъ увле-

кающій человѣка и возвышающій его энтузіазмъ, то убѣжденіе, что дѣлается дѣло, способное поглотить всѣ умственные влеченія и нравственные силы,—дѣло, не только лучше всякаго другого могущее скрасить личное существованіе, но, по глубокому сознанию, и такое дѣло, которое входитъ необходимой частью въ болѣе широкое общее дѣло, какъ залогъ подъема цѣлаго народа, подъема умственного и матеріальнаго. Этотъ энтузіазмъ былъ отмѣченъ чертой полного безкорыстія, доходившаго порою до почти полного забвенія личныхъ потребностей. Въ то время въ наукѣ вообще еще не народился новый типъ, для обозначенія котораго потребовались и неологизмы «Streber», «arriviste», у насъ, при общемъ чиновничьемъ строѣ жизни,—просто «карьеристъ». Не наука несла человѣку различныя блага земныя, а человѣкъ самъ себя безраздѣльно приносилъ на служеніе наукѣ, не жалѣя ничего, порою до послѣдней рубашки. Это слово не стоитъ здѣсь въ качествѣ простого риторическаго украшенія. И. И. Мечниковъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ жизни А. О. Ковалевскаго рассказываетъ, что въ самый разгаръ своихъ работъ въ Неаполѣ, нуждаясь въ деньгахъ на связанные съ ними расходы, Александръ Онуфриевичъ былъ вынужденъ продавать свои послѣднія рубашки. Будущій историкъ поставитъ эти рубашки Ковалевскаго, конечно, не ниже извѣстныхъ серебряныхъ ложекъ несчастнаго Бернара Палисси»¹⁾.

И эта вѣра въ науку сотворила чудеса. Въ борьбѣ противъ нашихъ университетовъ враги ихъ любятъ уничивать ихъ указаніемъ на Западъ: если бы русская наука была какъ тамъ, тогда бы и мы согласны были оказывать ей такое же почтеніе. Да сколько же лѣтъ западной наукѣ и сколько русской? Или одинъ народъ въ своей научной жизни не дѣлалъ такого «Суворовскаго перехода», какой съ 50-хъ до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка сдѣлала Россія. Кто хочетъ нагляднѣе себѣ это представить, пусть возьметъ въ руки тотъ прекрасный очеркъ К. А. Тимирязева, откуда я заимствовалъ приведенную выше картину.

Но наша бѣдность, порожденная тѣмъ же отсутствіемъ науки и образованія, дѣлала для Россіи совершенно невозможнымъ развитіе науки безъ государственнаго ей содѣйствія. Если и въ другихъ странахъ первостепенно важны тѣ государственныя авансы, о которыхъ говорится у Ренана, то въ Россіи они являлись и, къ сожалѣнію, все еще являются для науки вопросомъ жизни. Крѣпче, чѣмъ гдѣ-либо, спаяна бѣдностью у насъ связь между государствомъ и наукой. Отсюда же и повтореніе въ нашей исторіи того конфликта между правительственной властью и университетами, какъ носителями науки, который пережила въ свое время Германія. Только у насъ конфликтъ этотъ явился въ еще болѣе острой формѣ.

Свобода и наука,—вотъ условія, чтобы Россія могла отвоевать себѣ должное мѣсто среди культурныхъ націй: такъ говорила «эпоха великихъ реформъ», и нѣкоторое время правительство склонно было исполнить оба требованія программы. «Наука, господа,—проповѣдывалъ, разъѣзжая по Россіи, даже такой министръ, какъ Норовъ,—всегда была для насъ одною изъ важнѣйшихъ потребностей, но теперь она—первая.» А параллельно шло освобожденіе крестьянъ, введеніе городского и сельскаго самоуправленія и рядъ реформъ, въ которыхъ общество, не безъ основаній, считало возможнымъ видѣть подготовку къ переводу Россіи на основы правового государства. Затѣмъ отказъ правительства дѣлать дальше хоть шагъ на пути къ свободѣ и даже попятное его движеніе въ этомъ отношеніи. Но отъ признанія необходимости науки для Россіи и ретроградное правительство не сочло возможнымъ отказаться, ибо всѣмъ было ясно, что безъ нея не могутъ удовлетворяться въ условіяхъ жизни XIX вѣка ни фискальныя, ни административныя, ни военныя нужды такого государства, какъ Россія. Правительство при этомъ изыскивало всѣ мѣры къ тому, чтобы «обезвредить» эту науку, безъ которой ему же самому больше никакъ нельзя было обойтись. Однако «вредъ» тутъ приносило научное образованіе самой своей природой, и втунѣ оставались всѣ измышлявшіяся для его «оздоровленія» средства, равно какъ репрессивныя драконовскія мѣры.

¹⁾ К. Тимирязевъ. Пробужденіе естествознанія, стр. 29.

Мы не хотимъ сказать, конечно, чтобы мѣры эти проходили даромъ. То пышное развитіе университетовъ, какъ носителей науки, которое сулила Россіи ихъ весна, осталось въ области обманутыхъ надеждъ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыя правительство поставило работу университетскихъ дѣятелей науки, таланты перестали туда рваться, какъ въ пору, когда и юнкеръ Бекетовъ, и правовѣдъ Ковалевскій, и саперъ Сѣченовъ всѣ словно волшебствомъ превращались въ звѣзды профессуры. Среди же тѣхъ, кто все-таки готовъ былъ сдѣлать изъ университетской работы подвигъ жизни, рука заботившейся объ оздоровленіи университетовъ правительственной власти чаще всего выхватывала самыхъ одаренныхъ. И среди лицъ, уже стоявшихъ на работѣ, далеко не было прежняго энтузіазма и подъема. Университетская атмосфера стала не такой, гдѣ легко нарождаются и зрѣютъ смѣлыя научныя идеи. А вмѣстѣ съ тѣмъ подтачивались какъ прежнія здоровыя отношенія преподавателей со студентами, такъ и горячая вѣра общества въ свои университеты. Но въ университетахъ все-же не умерла наука; изъ университетовъ тотъ, кто къ этому стремился, все-же выносилъ научное образованіе, а съ нимъ роковымъ образомъ въ нашихъ условіяхъ и вражду къ существовавшему въ Россіи строю.

Въ Россіи,—съ негодованіемъ и яростью восклицала Катковъ, требуя новыхъ репрессій противъ университетовъ,—есть два правительства: одно—законное, главные органы котораго находятся въ Петербургѣ, другое—самозванное, интеллигентское, главой котораго является московскій университетъ. Надобно же положить этому двоевластію конецъ.

И полагали этому конецъ разными способами и гнули выю интеллигенціи желѣзною рукой на пагубу для нея и для самихъ себя. Трудно дѣйствительно учесть ужаснѣйшій ущербъ, который терпѣла и терпитъ наша родина отъ отношеній, сложившихся у насъ между такими двумя факторами культуры, какъ государство и наука въ широкомъ смыслѣ. Потери, испытываемыя наукой и образованіемъ, ясны еще представляются общественному сознанию. Но развѣ государство само не изуродовало себя больше всего именно тѣмъ, что оно

сдѣлало невозможнымъ для интеллигента быть въ то же время правительственнымъ человѣкомъ? «Борьба съ крамолой», «искорененіе крамолы»,—что это въ концѣ-концовъ, какъ не борьба съ теченіями, необходимо зарождавшимися отъ соприкосновенія Россіи съ европейской наукой, и какъ это подѣйствовало на всю дѣятельность правительственнаго механизма? Отсюда превращеніе администраціи въ аппаратъ прежде всего для ловли «неблагонадежныхъ», отсюда искаженіе дѣятельности судовъ, отсюда, наконецъ, и остановка дѣятельности законовъ съ введеніемъ всякихъ исключительныхъ положеній. Въ счастливыхъ странахъ общество трудится и созидаетъ, правительство же законами и примѣненіемъ ихъ регулируетъ эту созидательную работу. У насъ одни стремятся устранить помѣхи къ созиданію, другіе ихъ за это преслѣдуютъ, ловятъ и караютъ. Что же остается при этомъ отъ общественной и правительственной энергій на долю созидательной работы,—объ этомъ краснорѣчиво говоритъ разруха нашей народной жизни.

Однако, раньше, въ самые острые періоды борьбы, правительство все-же не дѣлало послѣднихъ выводовъ изъ того обстоятельства, что негодные ему по духу работники науки могутъ существовать въ Россіи почти лишь исключительно на общественныя средства, отпускаемые тѣмъ же государствомъ. «Наука, господа, всегда была для насъ одной изъ важнѣйшихъ потребностей...» и, глядя на Западъ,—потомъ пришлось взглянуть и на страну Восхода Солнца,—государство хотя съ неудовольствіемъ, но наладало на себя извѣстныя самоограниченія относительно состоявшихъ у него «на службѣ» людей науки. Самоограниченія эти совершенно необходимы для самаго существованія у насъ «чистой», т.-е. единой истинной науки. Кто отдалъ ей свой трудъ и свой талантъ и кому она за самоотверженіе дала проникнуть въ скрытыя для другихъ тайны,—цѣнность того для общества неизмѣрима. Извѣстны слова Гёксли о Пастерѣ: «Онъ одинъ своими открытіями уплатилъ большую часть нѣмецкой контрибуціи». А это, можетъ-быть, еще не главное,—прибавляетъ нашъ К. А. Тимирязевъ. «Кто попытается хоть приблизительно оцѣнить ту бездну горя и душевныхъ мукъ, которыя исчезли и еще исчезнутъ съ лица

земли благодаря Пастеру». Но, съ другой стороны, какъ же и ослабляетъ самого себя въ жизненной борьбѣ тотъ, кто отдался чистой наукѣ безраздѣльно. Человѣка безъ самостоятельной матеріальной обезпеченности благоразуміе всегда заставитъ отказаться отъ научнаго влеченія, если онъ не увѣренъ, что ренановскій общественный авансъ данъ ему будетъ на условіяхъ прочныхъ и согласныхъ съ достоинствомъ носителя науки. Кто отдался наукѣ, полагаясь на обезпеченіе, гарантируемое дѣятелямъ университета, тотъ, несомнѣнно, въ большинствѣ случаевъ оказывается до такой степени у правительства въ рукахъ, какой не знаетъ отдаленно ни одинъ практическій работникъ равнаго таланта. И, понимая это, правительство у насъ нерѣдко со злорадствомъ дергало за эти струны, но не натягивало ихъ черезъ мѣру. Горекъ былъ русскій казенный хлѣбъ многимъ служителямъ науки. Имъ часто совѣтовали не забывать, что правительство «ихъ кормитъ». И все-же существовалъ *tacitus consensus*, по которому правительство не позволяло себѣ, не считаясь съ особенностями работы на научномъ полѣ, смотрѣть на университеты просто какъ на департаментъ, гдѣ нанятые имъ «служители» отбываютъ присутственные часы. Даже у нашего министерства просвѣщенія всегда теплилось сознаніе, что при однихъ ученыхъ «какъ прикажете» не могутъ въ годномъ видѣ существовать университеты, и хотъ оно охотно подносило чашу горечи къ уставамъ профессоровъ Божіей милостью, къ уставамъ ученыхъ-идеалистовъ, однако остерегалось наливать ее черезчуръ полно.

Лишь въ наши дни явились политики, которые рѣшили здѣсь «надъ *i* поставить точку». Сто лѣтъ тому назадъ профессора въ Россіи такъ и назывались: «чиновникъ по философіи», «чиновникъ по словесности» и т. д. Послѣ того мы проходили пору идеализма, когда понятія «чиновникъ» и «профессоръ» казались исключаящими другъ-друга. Теперь кругъ замыкается, и «реалисты» въ правительственныхъ сферахъ прямо ставятъ вопросъ: «Вы, гг. философы, словесники и какъ бы васъ ни звали, берете отъ правительства жалованье по 20-мъ числамъ? Да. Значить... И нечего тутъ говорить, что вы не можете преподавать въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ это

должно считаться бесплоднымъ или унижительнымъ для достоинства науки. Кромѣ условій, обозначенныхъ въ «Уставѣ о службѣ гражданской», правительство не заключало съ гг. университетскими преподавателями никакихъ условій. Университеты именуются правительственными. Правительство покажетъ и на дѣлѣ, что не наука съ ея требованіями, а общая администрація въ нихъ хозяйка.»

«20-е число»: имъ мотивировалъ недавно томскій попечитель свое неслыханное обращеніе съ профессорами. «20-е число»,— вотъ аргументъ, съ которымъ къ профессорамъ, повиннымъ въ либерализмъ, власть предрѣшающая вообще обращается сейчасъ особенно охотно. А пресмыкающаяся пресса подхватываетъ со злораднымъ ликованіемъ: «20-е число: кто что на это скажетъ?»

Бываютъ разные отвѣты на подобные вопросы. Я приведу одинъ, который приходитъ мнѣ на память. Передъ увольненіемъ негоднаго епископамъ Ренана изъ Collège de France при Наполеонѣ III министерство сначала попробовало было выжить его оттуда безъ скандала. Ренану предложенъ былъ другой платный постъ въ Національной Библіотекѣ, а содержаніе, присвоенное его кафедрѣ, было опредѣлено на инья цѣли. Формальнымъ основаніемъ тутъ служило то, что какъ Ренану все равно правительство не разрѣшаетъ выступать публично, то и не слѣдуетъ ему получать профессорскія деньги. Иного поста,—написалъ тогда Ренанъ министру,—я не приму. Со своей кафедрой, которая мнѣ дорога, какъ главное дѣло жизни, я добровольно не расстанусь. А что касается денежныхъ вашихъ разсужденій, то я отвѣчу вамъ, слѣдуя знаменитому примѣру: *Pecunia tua tecum sit*.

Помянутый примѣръ—апостолъ Петръ съ грознымъ его отвѣтомъ Симону, пришедшему купить даръ Святаго Духа. «Но Петръ сказалъ ему: Серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги.»

Это проклятіе пало на голову правительства Наполеона III Седаномъ.

ПОСЛѢДНІЯ МѢРОПРІЯТІЯ
г. ШВАРЦА.

Министерство и частная инициатива.

1910 годъ.

Частныя школы.

Статистика среднихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія даетъ такія цифры. Къ 1-му января 1909 г. во всей Россійской имперіи насчитывалось мужскихъ гимназій 338, прогимназій—65, реальныхъ училищъ—254, женскихъ гимназій—677, прогимназій—281. Въ итогѣ получается 657 мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и 958 женскихъ. Женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній насчитывается, такимъ образомъ, въ Россіи почти въ полтора раза больше, чѣмъ мужскихъ. Встрѣтившись съ этимъ фактомъ, бюджетная коммисія Государственной Думы признала его высоко-знаменательнымъ. «Если принять во вниманіе, что уже многія наши мужскія гимназіи отпраздновали свои столѣтніе юбилеи, а женскія начали возникать только въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія; что расходваніе средствъ на женскія гимназіи и прогимназіи изъ государственнаго казначейства весьма незначительно и большинство ихъ содержится на мѣстныхъ или частныхъ средства, то нельзя не видѣть здѣсь самостоятельнаго стремленія русскаго общества къ болѣе высокому образованію женскаго подрастающаго поколѣнія». Коммисія не ограничилась однако констатированіемъ указаннаго факта. Она сочла необходимымъ поставить и такой вопросъ: «Не существуетъ ли въ Россіи какихъ-либо причинъ, сдерживающихъ стремленіе общества къ такой же энергіи въ дѣлѣ мужскаго средняго образованія, какое оно проявляетъ въ отношеніи женскаго?» Вопросъ этотъ, по мнѣнію

комиссии, «надлежит выяснить министерству народного просвещения».

Но министерство озабочено совсем другим. Разъ число частных средних учебных заведений, мужских и женских вмѣстѣ, переросло число казенныхъ, то не плодотворно ихъ надобно, а надобно измыслить мѣры, чтобы существующія прибрать къ рукамъ покрѣпче. Пускай, согласно выводамъ бюджетной комиссии, въ общемъ итогѣ «государственное казначейство затрачиваетъ на содержаніе средних учебных заведений немного развѣ болѣе одной третьей части дѣйствительной ихъ стоимости населенію страны»; но министерство все же желаетъ жать даже тамъ, гдѣ сѣяло вовсе не оно, и частныя учебныя заведенія не находятъ милости предъ его лицомъ.

Не говоримъ о рядѣ мѣръ, направленныхъ противъ частной инициативы въ дѣлѣ средней школы, которыя приписались въ отдѣльных учебных округахъ. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ среди членовъ окружающаго попечителя совѣта представители частных учебных заведений образовали такую внушительную группу, что съ ними начальству округа приходилось считаться особенно серьезно. Округъ отдѣлялся отъ такой докучки очень просто: безъ всякихъ разговоровъ и предупрежденій рѣшено было не посылать больше въ частныя школы приглашенныхъ на засѣданія повѣстоковъ. Казенныхъ директоровъ достаточно, чтобы все обдумать и за частныхъ педагоговъ. Если же они чего-нибудь не предусмотрятъ, то вѣдь страдать отъ этого придется лишь частнымъ заведеніямъ. Такъ что же тутъ церемониться и связывать себя подобной обузой. Не говоримъ и про «захватную» политику кievскаго округа, который при общемъ переполохѣ родителей въ прошломъ году задумалъ путемъ соотвѣтственныхъ мѣропріятій перевести самую видную изъ частныхъ мужскихъ гимназій въ разрядъ казенныхъ. Но мы не можемъ не остановить вниманія читателей на общей мѣрѣ министерства, которая, — если она не будетъ пресѣчена рукой правительствующаго сената въ порядкѣ охраны частныхъ правъ, — способна будетъ очень «сдерживать стремленіе общества къ энергіи въ дѣлѣ образованія», — все равно, будетъ ли рѣчь идти о мужскомъ образованіи или о женскомъ.

«Министерство народного просвѣщенія разъяснило, что частныя учебныя заведенія не могутъ безъ разрѣшенія правительства ни передаваться, ни приобрѣтаться за плату или по наслѣдству, потому, что право на открытіе и содержаніе учебнаго заведенія есть право личное, предоставляемое правительствомъ опредѣленнымъ лицамъ. Имущество частныхъ учебных заведений министерство дѣлитъ на двѣ категоріи: 1) приобрѣтаемое на собственныя средства содѣлателей учебных заведений и 2) приобрѣтаемое на сборы за плату за ученіе. Имущество первой категоріи министерство считаетъ принадлежащимъ владѣльцу училища, а имущество второй категоріи — принадлежащимъ училищу и не подлежащимъ продажѣ или переходу по наслѣдству.»

Кто знаетъ, что такое значить поставить на ноги новую школу; кто знаетъ, цѣной какого самоотреченія и какихъ лишений оплачиваются тутъ долгіе и долгіе годы; кто знаетъ, что въ идейныхъ предпріятіяхъ такого рода необходимыя вначалѣ жертвы несутъ нерѣдко цѣлый кружокъ преподавателей, являющійся по дружескому договору съ формальнымъ собственникомъ заведенія участникомъ въ его успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ; кто знаетъ, что имущество частныхъ учебных заведений, приобрѣтаемое съ виду на сборы за плату за ученіе, приобрѣтается въ сущности часто на разницу между нормальнымъ преподавательскимъ вознагражденіемъ и тѣмъ ничтожнымъ minimum'омъ его, какой соглашаются себѣ назначить заинтересованные въ успѣхѣхъ предпріятія педагоги; кто понимаетъ, далѣе, что для лица, вложившаго жизнь въ сформированіе частной школы, школа его является не лавочкой для извлеченія дохода, а прежде всего живымъ духовнымъ существомъ, которое спокойно можно передать на попеченіе лишь родитѣлю по духу; кто ясно представляетъ себѣ, наконецъ, къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ вести порядокъ, создающій особыя покушныя привилегіи тамъ, гдѣ конкуренціи и безъ того такъ мало мѣста, — тотъ содрогнется отъ вышеприведенныхъ лаконичныхъ строкъ. Биться всю жизнь надъ дѣломъ, которое скорѣе всѣхъ другихъ изнашиваетъ и старитъ, и въ награду жить подъ угрозой, что волею начальства даже подъ старость ты не воспользуешься плодами

жизненных трудовъ, что собирать ихъ будетъ совсѣмъ другое лицо, «одобренное начальствомъ»,—такова участь человѣка, который въ россійскомъ государствѣ неосторожно вздумаетъ взять на себя педагогическую инициативу.

Но, можетъ быть, напротивъ, новая мѣра министерства народнаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ только о крайности его идеализма? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допускать, чтобы такое высокое занятіе, какъ воспитаніе юношества, оказывалось въ зависимости отъ низменныхъ, меркантильных побужденій. Нѣтъ, интересы воспитанниковъ школы и безъ того достаточно уже ограждались. Огромны тѣ права, какими обладаетъ министерство въ регулированіи жизни частныхъ учебныхъ заведеній. Какъ аргусъ, наблюдаетъ оно въ нихъ за каждымъ шагомъ, требуя подчиненія всему, что только указывается свыше, и въ крайнемъ случаѣ ему нетрудно любое изъ нихъ стереть съ лица земли. Къ чему же тутъ бить еще ихъ по карману? Какой въ томъ можно найти смыслъ, кромѣ одного,—кромѣ желанія держать ихъ такъ, чтобы они дышать не смѣли. Если же отъ этого ихъ поразительно высокое число пойдетъ на убыль, то министерству будетъ мало горя. На его знамени написано: «Порядокъ!»; порядка же въ его вѣдомствѣ, конечно, окажется тѣмъ больше, чѣмъ меньше тамъ останется докучливыхъ частныхъ учебныхъ заведеній.

Учительскіе курсы.

За министерствомъ народнаго просвѣщенія числится новый подвигъ. Всѣ обратили, конечно, вниманіе на отказъ, который получила отъ министерства комиссія по устройству учительскихъ курсовъ въ Петербургѣ, ходатайствовавшая о разрѣшеніи по примѣру прежнихъ лѣтъ устроить этимъ лѣтомъ курсы для учителей средней школы. Самъ по себѣ фактъ—въ скорбныхъ условіяхъ русской дѣйствительности довольно заурядный. Но очень характерна здѣсь мотивировка: мы сами приняли на себя заботу о подготовкѣ учителей средней школы, а потому частная дѣятельность въ этомъ отношеніи является излишней.

Почти излишнимъ является разборъ этого поразительнаго отвѣта по его буквѣ. Проекты министерства о лучшихъ способахъ

подготовки учителей должны еще пройти чрезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ, и когда выйдутъ они оттуда,—совершенно неизвѣстно. «Рабочее» министерство насыпало «неработоспособную» Думу цѣлымъ ворохомъ проектовъ по своему вѣдомству, которые Думѣ предстоитъ по большей части въ корень переработать. Скоро да неспоро. Но если бы Дума даже поторопилась особенно съ учительскимъ проектомъ министерства, что жъ изъ того? Почему подготовка учителей должна стать монополіей министерства? «Частная дѣятельность въ этомъ отношеніи является излишней». Нѣтъ, «жатва многа», и тутъ всѣмъ хватитъ дѣла. Если же бы министерство оказалось право, если бы оно сумѣло одно удовлетворить эту назрѣвшую потребность, то для чего тутъ прямое запрещеніе частной инициативы? Вѣдь, соотвѣтственныя министерскія учрежденія будутъ средства свои подкрѣплять изъ государственнаго бюджета и будутъ надѣлены особыми правами. При равномъ качествѣ, гдѣ же частнымъ предпріятіямъ конкурировать съ ними. Безъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ частная инициатива прекратится.

Все это совершенно очевидно. Но столь же очевидно и то, что не по буквѣ этого отвѣта надо его цѣнить. Мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ недоразумѣніемъ. Мы здѣсь находимъ характерное проявленіе исконаго и пагубнѣйшаго бюрократическаго принципа; все то, что дѣлается не чрезъ правительство, должно считаться противоправительственнымъ начинаніемъ. Что же съ собой приноситъ этотъ членъ изъ бюрократическаго символа вѣры? Не говоримъ про оскуднѣніе жизни, про превращеніе многихъ областей ея въ пустыню. Но тутъ еще есть сторона, которая не такъ глубоко проникла въ общественное сознаніе, хотя высокіе политическіе умы неоднократно привлекали къ ней вниманіе.

«Что можетъ дѣлать при такомъ порядкѣ человѣкъ, сколько-нибудь энергично стоящій за усвоенные имъ взгляды,—какова бы ни была оцѣнка правильности ихъ? Только одно: стараться овладѣть правительственною властью, чтобы силой доставить торжество идеѣ, которую онъ не можетъ проводить мирнымъ путемъ убѣжденія. Все, такимъ образомъ, становится го-

сударственнымъ вопросомъ. Самое скромное честолюбіе вынуждено облекаться въ политическую форму... Апостоль Павелъ въ наши дни вынужденъ былъ бы думать о министерствѣ; Лютеръ и Кальвинъ должны были бы стать политическими заговорщиками». (Ренанъ).

— Поменьше политики вообще и никакой политики въ школьномъ мірѣ,—твердитъ наше правительство, указывая на примѣръ Западной Европы. Развѣ въ Европѣ политика мѣшаетъ въ университетахъ профессорамъ и студентамъ заниматься? А въ средней и въ народной школѣ,—развѣ тамъ думаютъ о чемъ-нибудь, кромѣ ученя? Такъ пусть же министерство просвѣщенія и у насъ изгонитъ всякую политику изъ школы.—Европѣ не завидовать нельзя. Благо ей, что юношество и воспитатели его могутъ спокойно трудиться надъ ближайшею своею задачей. Политика виѣ узкаго сравнительно предѣла нигдѣ не можетъ являться самоцѣлю. Политика есть средство, чтобы обезпечить достиженіе возможно полного расцвѣта индивидуальной дѣятельности и жизни. Но вдумайтесь же иѣсколько поглубже въ причины мира, царящаго въ европейской школѣ. Что, напримѣръ,—въ германскихъ государствахъ не существуетъ правительственныхъ институтовъ для подготовки педагоговъ? Они, конечно, существуютъ: ихъ и копируетъ наше министерство въ своемъ проектѣ. Что же,—это побуждаетъ тамъ правительственную власть преслѣдовать частную инициативу въ столь гибкомъ и сложномъ дѣлѣ? Совсѣмъ напротивъ: ей оказывается всякое поощреніе и поддержка. Итакъ, чтобы удалить политику изъ школы, необходимо начать сверху,—ея необходимо поубавить въ министерствѣ. Пока же министерство главной своей задачей будетъ считать гоненіе на неблагонадежность и подавленіе частной инициативы, пока оно будетъ дышать самовластіемъ и полицейскимъ духомъ, до тѣхъ поръ школа роковымъ образомъ будетъ оставаться царствомъ политики, и не помогутъ тутъ ни строгіе уставы, ни драконовская дисциплина. Тамъ, гдѣ на языкѣ администраціи «не черезъ насъ» означаетъ «противъ насъ»,—«тамъ все становится государственнымъ вопросомъ», во вредъ и обществу и государству.

Права и экзамены.

(«Правила объ испытаніи лицъ женскаго пола въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній».—1910 годъ).

I.

Сколько въ Россіи молодежи, учащейся въ разнаго рода высшихъ школахъ? Сколько у насъ считается юношей и дѣвицъ, отдающихъ «праздникъ жизни, молодости годы» на приобрѣтеніе научнаго образованія или по крайней мѣрѣ на стремленіе его приобрѣсти? По даннымъ имѣющейся у насъ въ распоряженіи свѣжей частной анкеты на 1-е января 1910 года, искомыя числа опредѣлялись такъ: всего свыше 100 тысячъ; изъ нихъ мужчинъ—около 75-ти тыс. и женщинъ—около 30-ти тыс. Цѣлая рать.

Сколько расходуетъ государствомъ на облегченіе доступа къ научному образованію мужчинъ? У насъ нѣтъ въ настоящую минуту подъ-руками данныхъ для другихъ вѣдомствъ,—духовнаго, военнаго, юстиціи, промышленности и торговли,—которыя затрачиваютъ тоже немалыя суммы на содержаніе своихъ высшихъ учебныхъ заведеній; но для насъ будетъ довольно указать, что министерство народнаго просвѣщенія одно имѣетъ израсходовать на этотъ предметъ въ текущемъ году свыше 7-ми милліоновъ. А сколько то же министерство удѣляетъ на долю женщинъ? 155 тысячъ. На пять студентовъ у насъ приходится двѣ студентки; на каждый рубль, расходуемый министерствомъ для студентовъ, студенткамъ приходится до-

вольствоваться 2-мя копѣйками, для точности прибавимъ: съ небольшимъ 1).

Но развѣ это—все? Милліоны, ассигнуемые казной, идутъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ только на текущіе расходы. А основное оборудованіе, а достодолжное обзаведеніе учебно-вспомогательными пособиями? Возьмемъ Москву. Московскій университетъ. Цѣлый кварталъ аудиторныхъ корпусовъ и разныхъ институтовъ въ центральной части; цѣлый городокъ клиникъ на окраинѣ Москвы,—на Дѣвичьемъ Полѣ. А женскій университетъ, который официально именуется московскими высшими женскими курсами? До самаго послѣдняго времени у нихъ не было ничего, что они могли бы назвать своимъ. Подобно средневѣковымъ университетамъ они «были построены только изъ людей». Да и теперь, когда у нихъ завелось одно свое владѣніе, развѣ они не остаются въ общемъ все той же «перипатетической школой»? Не по тѣнистымъ садамъ въ Аоніахъ гуляютъ только «нищущія жемчужины знанія» молодые женщины. Ихъ участь—бѣготня во всякую погоду по пыльнымъ или грязнымъ стогнамъ города Москвы между широко разбросанными мѣстами, гдѣ удалось имъ отыскать пріюты для своихъ запятій. Но нашимъ курсамъ жаловаться еще нельзя. Съ гордостью могутъ они носить названіе столичныхъ. Надобно взять провинцію,—хотя бы тотъ же привлекшій на себя недавно всеобщее вниманіе Харьковъ. Убогъ по обстановкѣ и харьковскій университетъ; но онъ—дворецъ науки сравнительно съ лачугой мѣстныхъ женскихъ курсовъ. Читаніе лекцій происходитъ въ проходныхъ комнатахъ, и опыты, которые въ Москвѣ даже курсистки продѣлываютъ въ лабораторіяхъ сами, въ Харьковѣ часто онѣ видятъ только начерченными на доскѣ: средства не допускаютъ сколько-нибудь серьезной самостоятельной работы слушательницъ тамъ, гдѣ безъ нея нѣтъ и подлиннаго введенія въ университетскую науку.

Такая скудность средствъ не позволяетъ, далѣе, высшимъ

1) Изъ указанной суммы 155 тыс. руб. львиная доля приходится на долю одного учрежденія,—женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ. На долю всѣхъ прочихъ женскихъ курсовъ остается лишь 11,600 р. А ихъ насчитывается въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія 25.

женскимъ курсамъ сформировать свои самостоятельныя преподавательскія коллегіи. Развѣ возможно, чтобы нашлись профессора, которые всецѣло отдавали бы свой трудъ веденію дѣла въ высшихъ женскихъ школахъ, когда при крайнемъ напряженіи своихъ ресурсовъ курсы не могутъ довести оплату этого труда даже до половины того, что платится въ университетахъ? А вѣдь и университетское профессорское жалованье теперь самимъ правительствомъ признано ненормально низкимъ. Отсюда же пронстекаетъ рядъ явленій, весьма невыгодно отражающихся на жизни курсовъ. Читать на курсахъ лекціи,—на это многіе университетскіе преподаватели еще находятъ время. Но отдавать усовершенствованію курсовъ свои думы, но вкладывать въ нихъ душу,—на это, за рѣдкими счастливыми для курсовъ исключеніями, почти ни у кого изъ занимающихся на нихъ преподаваніемъ профессоровъ не остается силъ. Такъ дѣло и идетъ, тривіально выражаясь, «самоплавомъ». Не могутъ курсы сколько-нибудь серьезно приходить на помощь и бѣднѣйшимъ изъ своихъ питомицъ. Не говоря уже о стипендіяхъ, которыми такъ богаты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, университеты, женскіе курсы не имѣютъ возможности сколько-нибудь широко практиковать даже освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, такъ какъ на этой платѣ зиждется все ихъ существованіе. И вотъ извѣстныя всякому, кто присматривался къ жизни учащихъ женщинъ, поистинѣ трагическія картины: чтобы не отказаться отъ ученія, сотни и тысячи молодыхъ дѣвушекъ отказываются отъ пищи, и полученіе образованія покупается цѣной глубокаго, нерѣдко непоправимаго истощенія организма. Нѣтъ, много надобно было смѣлости и даже чего-то менѣе похвальнаго, чѣмъ смѣлость, чтобы при наличности такихъ условій говорить такъ, какъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія народнымъ представителямъ, оправдывая предпріятое имъ изгнаніе женщинъ изъ университетовъ: «Пусть не указываютъ мнѣ на примѣръ Запада, пусть не указываютъ на Францію и на Германію, открывшія двери университетовъ для женщинъ. Это свидѣтельствуется только, что въ дѣлѣ женскаго образованія западныя страны отстали отъ Россіи. Россія для высшаго образованія

женщинъ создала отдѣльныя школы, и этотъ строй гораздо совершеннѣе того, при которомъ оба пола обучаются совмѣстно...—Нѣтъ, было время, когда Россія въ женскомъ образованіи шла впереди Европы; теперь благодаря премудрой государственной политикѣ она успѣла остаться позади. Нѣтъ, наши женщины имѣли всѣ основанія пробиваться въ настоящіе мужскіе университеты. Нѣтъ, то великое расточеніе силъ и здоровья, которое при трехъ десяткахъ тысячъ работающихъ на курсахъ дѣвушекъ и женщинъ представляетъ собой громадную общественную растрату, тяжело ложится на совѣсть русскаго общества и государства.

Государства? Да спрашивается, на что ему учащіяся женщины нужны? Какъ-будто въ самомъ дѣлѣ оно ихъ приглашаетъ приступать къ наукѣ? Какъ-будто въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ оно не прилагало добросовѣстныхъ усилій, чтобы никакихъ высшихъ женскихъ школъ у насъ не возникало? И вдругъ теперь его за эту «частную» затѣю требуютъ къ отвѣту.

O Scythicam responsionem... скиѣскій отвѣтъ и скиѣская политика! Вѣдь не въ XX вѣкѣ надобно еще толковать про то, что государство—не синонимъ сословія, дѣлящагося на 14 служебныхъ классовъ, что роль науки не сводится къ приготовленію чиновниковъ, что высшія научныя учрежденія оплодотворяютъ всю народную жизнь, во всѣхъ ея безконечно многообразныхъ проявленіяхъ. Возьмемъ Германію. Въ міровой борьбѣ народовъ изъ-за подобающаго мѣста на земномъ шарѣ развѣ она не изъ науки сковала себѣ главное орудіе, которымъ стала страшна своимъ соперникамъ и на континентѣ, и за океаномъ. Что же, она свои неслыханные для насъ расходы на университеты нормируетъ по числу лицъ, представляющихся на государственный экзаменъ? И думаютъ ли мужи правительственного совѣта, что русское государство устоитъ, сражаясь голыми руками противъ такой сосѣдки? Но все равно,—будемъ говорить съ этими мужами на собственномъ ихъ языкѣ. Для насъ довольно и того, что министерство просвѣщенія само признало, наконецъ, высшее женское образованіе необходимымъ даже при узкомъ пониманіи государственныхъ задачъ. «Край-

ній недостатокъ въ учителяхъ,—такъ пишетъ министерство въ своемъ «Изложеніи дѣла», которое приложено къ новымъ «Правиламъ объ испытаніяхъ лицъ женскаго пола въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній»,—крайній недостатокъ въ учителяхъ какъ для старшихъ классовъ женскихъ гимназій, такъ и для мужскихъ гимназій побудилъ министерство народнаго просвѣщенія испросить Высочайшія соизволенія (25-го сентября 1901 г. и 26-го августа и 6-го октября 1906 г.) на представленіе министру права допускать къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лицъ женскаго пола, получившихъ высшее образованіе.» Такая острая нужда въ учителяхъ сказалась еще 10 лѣтъ тому назадъ. А что мы будемъ дѣлать въ ближайшее десятилѣтіе, когда Россія, вводя всеобщее народное обученіе, должна покрыться необъятной сѣтью школъ, когда намъ каждый годъ долженъ приносить новыхъ училищъ въ среднемъ 15.000? Гдѣ сформируются достойнымъ образомъ для нихъ народные наставники, если не обезпечить страну достаточнымъ количествомъ учебныхъ заведеній съ курсомъ, по крайней мѣрѣ подходящимъ къ средней школѣ? Послѣднее звено въ этой цѣпи умозаключеній, какъ кажется, не требуетъ формулировки.

Примемъ еще въ расчетъ, что министерство предприняло коренную реформу всей системы русскаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ,—отъ школы грамотности до университетовъ. Вниманіе народныхъ представителей скоро надолго будетъ занято работой надъ этимъ высокимъ и отвѣтственнымъ вопросомъ. Казалось бы, тутъ можно было ждать, что положеніе учащихся русскихъ женщинъ тоже станетъ предметомъ органической реформы, что на плачевныя условія ихъ труда будетъ указано народнымъ представителямъ съ начертаніемъ путей, которыми дѣло могло бы быть выведено на надлежащую дорогу. Однако на это у министерства не нашлось еще досуга. Правда, въ помянутомъ выше документѣ, оно само провидитъ въ будущемъ время, когда въ Россіи явятся «женскіе университеты». Правда, въ докладѣ бюджетной комиссіи Государственной Думѣ мы читаемъ: «При обсужденіи смѣты 1909 г. выражено было пожеланіе о необходимости развитія, *при надлежащей*

поддержку, высших женских учебных заведений, и желание это встречено было сочувственным отзывом со стороны министра народного просвещения. В смѣтѣ 1910 г. сочувствіе это еще не нашло себѣ реального выраженія, но соотвѣтственныя мѣропріятія находятся уже въ подготовительномъ періодѣ.» Но это все—когда-то будетъ! Покамѣсть же на-ряду съ проектомъ новаго общаго устава для мужскихъ университетовъ въ области женскаго высшаго образованія министерство смогло предложить на обсужденіе народнымъ представителямъ лишь новыя экзаменаціонныя правила да предложеніе нѣсколько уравниять въ правахъ академически образованныхъ мужчинъ и женщинъ. Что же, и на томъ спасибо. Притомъ же, изучая принципы, легшіе въ основу проекта университетскаго устава, и тѣ педагогическіе взгляды, которые опредѣлили составленіе «экзаменаціонныхъ правилъ», перестаешь жалѣть, что *это* министерство не выработало полной органической реформы высшей женской школы. Быть-можетъ, лучше подождать, но пусть подобная коренная мѣра будетъ проведена руками, которыя не повинуются велѣніямъ головъ, до такой степени погрязшихъ въ старыхъ педагогическихъ и административныхъ суетвѣріяхъ и предрасудкахъ. Новыя «Правила», однако, заслуживаютъ во всякомъ случаѣ внимательнаго разбора.

II.

Государству,—такъ докладываетъ Думѣ въ своей запискѣ министерство просвѣщенія,—женщины съ высшимъ образованіемъ нужны для его службы, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ вѣдомствъ—въ нашемъ. «Учебное начальство поставлено въ необходимость назначать учительницами и въ женскія, и въ мужскія учебныя заведенія лицъ женскаго пола, получившихъ высшее образованіе». Поэтому «представляется необходимымъ установить для лицъ женскаго пола званіе «учительницы гимназій» на тѣхъ же основаніяхъ, какъ то уже сдѣлано для мужчинъ учрежденіемъ званія «учителя гимназій» 1).

1) Въ приложеніи къ „Изложенію дѣла“ проектъ закона относящійся сюда пунктъ 3-й формулированъ такъ: „Лицамъ женскаго пола, имѣющимъ

Далѣе,—продолжаетъ тотъ же документъ,—«представляется вполне справедливымъ дозволить лицамъ женскаго пола въ общемъ порядкѣ пріобрѣтать ученныя степени». И это не остается средствомъ платоническаго удовлетворенія ученаго честолюбія. П. 12-й «Правилъ» указываетъ, что «женщинамъ съ дипломами доктора и магистра присвоиваются права, предоставленныя симъ званіямъ на ученую и учебную дѣятельность, а также и на службу въ учебныхъ заведеніяхъ, согласно уставамъ сихъ послѣднихъ». Отсюда слѣдуетъ, что отнынѣ женщинамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ открыта профессорская карьера.

Итакъ, дверь къ женскому равноправію въ вѣдомствѣ просвѣщенія пріоткрывается рукою самого министра. Только пріоткрывается, конечно. Едва ли можно обѣщанія записки толковать распространительно. Едва ли можно думать, что изъ учительницъ или изъ профессоровъ женщинамъ можно будетъ переходить и на высшіе административныя посты,—что мы можемъ увидѣть женщинъ на попечительскихъ мѣстахъ или даже на такихъ, какія занимаютъ теперь гг. Шварцъ, Георгіевскій и Ульяновъ. Тутъ въ дѣло вступитъ неумолимая грамматика: въ законѣ говорится лишь о попечителяхъ учебныхъ округовъ, а не о попечительницахъ, лишь о товарищахъ попечителей и министра, а не объ ихъ товаркахъ, для министерскаго же поста препятствіе окончательно непреодолимо, такъ какъ для обозначенія женщины-министра въ нашемъ ле-

свидѣтельство на званіе учительницы гимназій и занимающимъ должности по учебной службѣ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, представить тѣ же права на вознагражденіе, какія присвоены лицамъ мужскаго пола, занимающимъ соотвѣтственныя должности въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ; въ отношеніи же правъ на пенсіи и единовременныя пособія изъ государственнаго казначейства тѣмъ же лицамъ женскаго пола предоставить впредь до пересмотра Устава о пенсіяхъ права, коими пользуются преподавательницы женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства м. и. пр. по званію домашней учительницы или наставницы.—Надо надѣяться, что въ Государственной Думѣ найдутся лица, которыя въ связи съ новымъ закономъ или даже и помимо него возбудятъ вопросъ о пересмотрѣ пенсіоннаго устава, такъ какъ теперешнія пенсіи для учительницъ поистинѣ могутъ быть названы нищенскими.

кейконѣ не существуетъ соотвѣтственнаго слова.—Шутка? Нѣтъ, почему же? Вѣдь, въ той же разбираемой нами запискѣ необходимость созданія особыхъ женскихъ испытательныхъ комиссій основывается на томъ, что про комиссіи при университетѣ въ законѣ сказано: «Желающій подвергнуться испытанію въ комиссіи...» Значитъ, *желающая* должна идти въ другое мѣсто. Недаромъ министерствомъ правятъ три филолога, и не они поступятъ въ законодательствѣ правами окончаній женскаго и мужскаго рода.

Но все равно. Вопросъ о высшихъ административныхъ должностяхъ—вопросъ если не праздный, то вопросъ принципа. Вопросъ же объ условіяхъ пріобрѣтенія «званія учительницы гимназій», это—вопросъ дѣйствительности, вопросъ тысячъ курсистокъ и десятковъ тысячъ,—а ковенно, если представить связь средней школы съ низшей,—даже миллионъ учениковъ и ученицъ.

Безъ привлеченія квалифицированнаго женскаго труда страна не въ силахъ удовлетворить потребности въ среднемъ образованіи для ея дѣтей. Отсюда какъ-будто напрашивается выводъ: значитъ, государство должно придти на помощь тѣмъ женщинамъ, которыя вступили на академическую дорогу. Но министерство довольствуется меньшимъ. Пусть женщины попрежнему учатся какъ знаютъ. Дѣло же государства—только создать особый аппаратъ для отбора тѣхъ, кому удастся справиться съ задачей. Для министерства видъ современнаго положенія высшаго женскаго образованія выяснилъ только «необходимость установить порядокъ пріобрѣтенія лицами женскаго пола документовъ, удостоверяющихъ, что полученное ими образованіе вполне соотвѣтствуетъ университетскому и можетъ быть признано высшимъ». Въ такого рода документахъ нуждается учебное начальство, «чтобы не впасть въ ошибки, вредныя для учебныхъ заведеній». Но контроль этотъ лежитъ и въ интересахъ самихъ женщинъ. «Въ этомъ нуждаются и тѣ лица женскаго пола, которыя проходятъ высшіе женскіе курсы; имъ тоже необходимо имѣть о своихъ знаніяхъ документъ, который былъ бы достаточно авторитетенъ и для нихъ, и для общества, и для правительства.»

Какъ наиболѣе цѣлесообразную министерство предлагаетъ при этомъ систему такого рода. Будутъ учреждены государственныя испытательныя комиссіи «на тѣхъ же основаніяхъ, какъ для лицъ мужскаго пола», но «съ нѣкоторыми отступленіями, вызываемыми положеніемъ высшихъ женскихъ курсовъ». Отъ лицъ, желающихъ подвергнуться испытанію въ комиссіи, требуются два свидѣтельства: объ окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи и «о прослушаніи нѣкотораго курса наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи (русскомъ или иностранномъ)». Затѣмъ идетъ взысканіе средне-образовательныхъ недоимокъ. «Необходимо установить требованіе дополнительныхъ знаній изъ курса мужскихъ гимназій». Что же касается диплома одной изъ высшихъ женскихъ школъ, то онъ для министерства служитъ лишь гарантіей, «что приступающая къ испытанію прошла необходимыя практическія занятія». Въ смыслѣ же экзаменовъ дипломъ этотъ ни отъ чего не освобождаетъ. «Высшіе женскіе курсы, какъ петербургскіе и московскіе, такъ и всѣ остальные, суть «частныя учебныя заведенія», а потому свидѣтельства, выдаваемые ими, не могутъ имѣть силы официального документа». Согласно этому они не могутъ быть принимаемы комиссіей къ зачету, «къ освобожденію экзаменуемой отъ испытанія по тѣмъ или инымъ наукамъ, какъ то дѣлается въ комиссіяхъ для мужчинъ, прошедшихъ университетскій курсъ. Экзаменуемая должна подвергнуться испытаніямъ по всѣмъ предметамъ факультетскаго курса и того отдѣленія, которое избираетъ экзаменуемая». Если ей сразу сдать всѣ эти предметы тяжело, она можетъ воспользоваться льготой—разрочить свои экзамены на два года. Ну, а затѣмъ остается уже немного: стоитъ подвергнуться въ одной изъ испытательныхъ комиссій добавочному испытанію по педагогикѣ, исторіи педагогическихъ ученій, по методикѣ избраннаго для преподаванія предмета, а также по психологіи и логикѣ, да отбыть въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній «пробные полгода»,—и новая «учительница гимназій» готова.

Итакъ, экзамены средне-учебные простые, экзамены средне-учебные дополнительные, экзамены на курсахъ на право

представиться къ экзаменамъ въ комисіи, экзамены въ комисіи и, наконецъ, экзамены педагогическіе дополнительные,— какъ тутъ не вспомнить извѣстное народное великопостное меню: рѣдька триха, рѣдька ломтиха, рѣдька съ квасомъ, рѣдька съ масломъ, рѣдька такъ... Кушанье горькое. Но если оно необходимо какъ для здоровья самихъ стремящихся къ высшему образованію женщинъ, такъ и для блага общества и государства, то нечего заботиться о пріятномъ вкусѣ. Одинъ вопросъ: дѣйствительно ли система эта справедлива и цѣлесообразна? Дѣйствительно ли отъ нея можетъ получиться что-нибудь, кромѣ «несваренія желудка»?

Экзамены дополнительные по программѣ мужскихъ гимназій... Дѣвушка приступила къ занятіямъ на курсахъ съ меньшею подготовкою, чѣмъ студенты. Отъ этого ей было труднѣе на первыхъ ступеняхъ введенія въ науку. Но вотъ путемъ затраты добавочныхъ усилій и времени она сравнялась съ коллегами своими мужского пола. Нѣтъ, стой: за нею числятся образовательныя недомки. Такіе-то и такіе изъ проходящихся въ гимназій общеобразовательныхъ предметовъ ею не были пройдены или пройдены были въ недостаточномъ объемѣ. Такъ не угодно ли хотя бы по окончаніи высшихъ курсовъ садиться за латинскую грамматику или за дополнительные главы по элементарной математикѣ или еще за что-нибудь въ такомъ же родѣ. Матеріалъ этихъ предметовъ ей уже ни зачѣмъ не нуженъ. Ко времени окончанія университетскаго курса онъ улетучивается обыкновенно и изъ головъ учащихъ мужчинъ, причемъ никто не думаетъ интересоваться тѣмъ, напримѣръ, насколько кончающій филологъ твердъ въ тригонометріи или въ логарифмахъ. Формальное развитіе? Такъ, если уже доказано, что человекъ овладѣлъ избраннымъ имъ отдѣломъ науки, не все ли равно, на чемъ онъ развилъ необходимую для этого умственную силу? Разъ зданіе готово, кому какая надобность освѣдомляться, что за лѣса стояли при его постройкѣ? Но нѣтъ, находятъ же люди, которымъ это представляется чрезвычайно важнымъ, и на бѣду у этихъ лицъ въ рукахъ оказывается власть ¹⁾.

¹⁾ Въ письмахъ А. П. Чупрова, идущихъ отъ его студенческаго времени, встрѣчается упоминаніе такого рода: „для заработка я ишу переводовъ, а

Однако, если отъ подобнаго требованія отказаться, то это значитъ поставить будущихъ «учительницъ гимназій» не въ равныя условія съ ихъ конкурентами-учителями. Учителя гимназій могутъ возроптать. На что? Что ихъ самихъ въ гимназій учили лучше, нежели женщинъ? Такъ это—перевѣсъ, прибавочное орудіе въ жизненной борьбѣ. Нельзя иначе рассуждать, если къ даваемому средней школой образованію относиться вполне серьезно, если его считать за благо. Если же смотрѣть на прохожденіе гимназическаго курса иначе, если въ различныхъ гимназическихъ предметахъ видѣть лишь горькія пилюли, которыя надобно проглотить для полученія права на доступъ къ государственному пирогу, то и съ такой «практической» точки зрѣнія нечего будетъ студентамъ мужского пола толковать о привилегированномъ положеніи ихъ конкурентокъ.

Мы говорили уже про то, какая бездна раздѣляетъ условія, въ которыхъ работаютъ юные адепты науки въ государственныхъ университетахъ, отъ тѣхъ, въ какія по «частнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ» поставленъ трудъ курсистокъ. Но есть въ Св. Писаніи грозное слово: «Имущему дастся и пріумножится, а у неимущаго отнимется», и, слѣдуя ему, наше министерство съ тѣхъ самыхъ, кому меньше дано, предлагаетъ взыскивать гораздо больше. Курсисткамъ предстоитъ платить двойную экзаменаціонную повинность. Для ихъ просѣва на экзаменаціонной мельницѣ устанавливается двойной грохоть, двойное рѣшето. Нѣтъ, тутъ ни у кого языкъ не повернется, чтобы вести рѣчь о слишкомъ облегченныхъ для женщинъ условіяхъ доступа къ учительству въ гимназіяхъ.

не уроковъ, такъ какъ по элементарнымъ наукамъ самъ довольно слабъ".— Такъ же мало способны были, надо думать, къ «решетиванію по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса» и многіе другіе наши знаменитые профессора, вышедшіе изъ старыхъ семинарій. При томъ взглядѣ на дѣло, который лежитъ въ основаніи разбираемыхъ мѣропріятій нашего министерства, всѣхъ ихъ ранѣе допущенія къ магистерскому или докторскому диспуту надобно было бы посадить за пополненіе недоученнаго по гимназическому курсу. Всѣ бы они такой экзаменъ, конечно, сдали,—и мѣсяцы, отнятые на него отъ другихъ работъ, явились бы, конечно, чистымъ ущербомъ для интересовъ русскаго просвѣщенія.

III.

За экзаменаціоннымъ столомъ встрѣчаются профессоръ и студентъ. Профессоръ «испытываетъ» студента въ знаніи своего предмета. Самъ онъ въ году, читая курсъ, готовился къ каждой отдѣльной лекціи, что не мѣшало ему въ аудиторіи повременамъ справляться со своимъ конспектомъ, куда онъ заносилъ нужныя цитаты, даты, цифры и т. д. Студентъ,—если попался хорошій экзаменаціонный субъектъ—отвѣчаетъ по курсу такъ, какъ не отвѣтилъ бы сразу профессоръ, если бы имъ предложено было помѣняться ролями. Какъ фонографъ воспроизводитъ онъ все, что издатель курса стенографировалъ при произнесеніи лекцій, и если кромѣ памяти онъ обладаетъ плавной рѣчью, то отвѣтъ получается блестящій. Но блескъ этотъ для всякаго опытнаго преподавателя нисколько не является ручательствомъ за настоящее, серьезное знаніе предмета. А то свободное распоряженіе фактическимъ матеріаломъ, то щегольство знаніемъ данныхъ, которыя самъ профессоръ не считаетъ нужнымъ содержать постоянно въ головѣ, это—лишь *tour de force* хорошей памяти, не имѣющей ровно никакой внутренней цѣны. Къ концу экзаменаціонной сессіи студентъ—кладезъ всякой премудрости. Черезъ самое короткое время онъ мало что уже помнитъ по тѣмъ предметамъ, которые онъ только «готовилъ», не занимавшись ими въ году. Благодѣтельная природа быстро освобождаетъ мозгъ отъ легшаго было на него груза фактовъ. *Ad instans examen et in futuram oblivionem*—для предстоящаго экзамена и грядущаго забвенія.

Такова экзаменаціонная картина по крайней мѣрѣ при массовыхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ; при системѣ, когда профессоръ экзаменуетъ рядъ незнакомыхъ ему слушателей «по билетамъ». Приобрѣтеніе подобныхъ,—въ трехъ четвертяхъ своихъ ни для чего не нужныхъ,—экзаменаціонныхъ знаній и при хорошей памяти требуетъ немалого труда; для тѣхъ же, у кого память послабѣе, это—крестъ, подъ тяжестью котораго и изнываетъ множество студентовъ на своемъ ака-

демическомъ пути. Такимъ образомъ, разъ въ высшей школѣ воцаряется многопредметность и производится строгій экзаменаціонный контроль по всеѣмъ предметамъ, у тѣхъ, кто не артистъ въ искусствѣ быстрого запоминанія на короткій срокъ, это стѣсняетъ въ высшей степени возможность проводить годы ученія такъ, чтобы полученное ими образованіе дѣйствительно имѣло право называться высшимъ. Примѣтами такого образованія, какъ извѣстно, служитъ приобщеніе къ методамъ научнаго изслѣдованія и связанное съ этимъ развитіе въ умѣ способности производить самостоятельную оцѣнку окружающихъ явленій и порождать самостоятельныя идеи. «Въ конечномъ счетѣ высшее образованіе есть методъ». Методы же научнаго изслѣдованія усваиваются не путемъ тщательнаго запоминанія прочитанныхъ профессорами курсовъ со всеѣмъ включеннымъ туда пестрымъ фактическимъ матеріаломъ.

Но какъ же быть? Если со свидѣтельствами объ окончаніи высшей школы связаны права, должно же государство производить контроль успѣшности студенческихъ занятій? Должно, конечно, но не должно ставить его такъ, чтобы контроль являлся самъ по себѣ однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію тѣхъ успѣховъ, которые онъ долженъ обнаружить. Правда, нигдѣ еще не найдены способы производить подобную формальную, требующуюся для государства провѣрку результатовъ занятія наукой въ высшей школѣ безъ всякаго ущерба для сути дѣла. Но вѣдь есть степени,—и при двойномъ экзаменѣ по каждому предмету, какъ это проектируется въ «Правилахъ объ испытаніи лицъ женскаго пола», всякая мѣра оказывается превзойдена.

Однако женщины имѣютъ право представляться въ государственную испытательную комиссію лишь со свидѣтельствомъ, что онѣ «прослушали *нѣкоторый* циклъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи». Только въ комиссіи онѣ будутъ «подвергаться испытаніямъ по *всѣмъ* предметамъ факультетскаго курса». Но министерство тутъ же прибавляетъ: «Это побудитъ высшіе женскіе курсы обратить вниманіе на полноту факультетскаго преподаванія». И побудитъ, конечно. Кто держитъ въ рукахъ программу экзаменовъ, тотъ держитъ въ рукахъ и

программу предварительныхъ занятій. А «полнота» при этомъ будетъ достаточная. Вѣдь министерство наше и понинѣ живеть по старой вѣрѣ въ существованіе какого-то общеобразовательнаго идеала, — вѣрѣ, создавшейся на почвѣ дидактическаго матеріализма, — и при всемъ своемъ преклоненіи передъ Греціей оно забыло о мудромъ правилѣ *πολυμηδία νόσος οὐ διδάσκει* — многознаніе не воспитываетъ умъ.

Здѣсь мы коснулись однако такой стороны дѣла, которую самое по себѣ стоитъ отмѣтить на-ряду съ двойнымъ расточеніемъ женскихъ силъ на мало плодотворную экзаменаціонную работу. Пусть министерство не будетъ даже требовать, чтобы слушательницы приносили съ курсовъ свидѣтельства о томъ, что онѣ тамъ прошли съ успѣхомъ такія-то и такія науки; пусть оно согласится удовлетвориться свидѣтельствомъ, что слушательница была записана на лекціи такихъ-то и такихъ профессоровъ. Пусть женщины экзаменуются по всеѣмъ предметамъ лишь одинъ разъ въ государственной испытательной комиссіи. И все-же какъ положеніе отдѣльныхъ слушательницъ, такъ и положеніе самыхъ женскихъ курсовъ будетъ при проектированномъ порядкѣ гораздо хуже, чѣмъ положеніе студентовъ и занятій въ университетѣ.

Многіе помнятъ еще весну университетскаго устава 1884 года; многіе помнятъ еще дебютъ государственныхъ экзаменовъ въ Россіи, когда, — на тѣхъ по крайней мѣрѣ факультетахъ, гдѣ науки предъявляютъ высокія требованія къ памяти, — подъ конецъ сессіи нервы студентовъ и профессоровъ положительно отказывались выдерживать такое испытаніе на крѣпость. То, что оказывалось терпимымъ при прежней разсрочкѣ на четыре учебныхъ года, то стало совершенно нестерпимо, когда все эти билетные экзамены сгрудились. Я живо помню, въ какомъ состояніи самъ пріѣзжалъ съ такихъ экзаменовъ покойный А. И. Чупровъ, горячо относившійся ко всему, что касалось преуспѣянія любимаго имъ университета. «Что же это такое! — съ отчаяніемъ говорилъ онъ. — Да они всехъ студентовъ съ ума сведутъ. То-и-дѣло выйдетъ студентъ къ столу, возьметъ билетъ, постоитъ, подрожитъ, молча положитъ билетъ обратно и со слезами на глазахъ идетъ вонъ изъ залы. Вѣдь «удовле-

творительно» теперь приходится писать всякому, кто скажетъ у стола хотя нѣсколько связанныхъ словъ».

Университеты начали борьбу съ этой варварскою системою и вышли изъ нея побѣдоносно. Большая часть экзаменовъ снова производится по мѣрѣ прохожденія студентомъ курса, пося нерѣдко форму *colloquium*'а, при которой испытаніе можетъ получать не одно контрольное, но и педагогическое значеніе. А женщинамъ теперь предлагаютъ попробовать то, отъ чего пришлось освободить студентовъ. Правда, имъ позволяется разсрочивать экзамены на два года. Толчокъ для первыхъ этимъ, конечно, ослабляется. Но каково въ ту пору, когда прошедшій высшую школу человѣкъ жаждетъ стать, наконецъ, изъ ученика самостоятельнымъ дѣятелемъ на избранномъ имъ поприщѣ жизни, еще два года оставаться на положеніи губки, имѣющей впитать въ себя и снова выпустить опредѣленный министерствомъ *quantum* экзаменаціонной влаги.

Зло можетъ пойти и глубже. Система, предлагаемая министерствомъ, можетъ отравить самый источникъ, откуда женщины получаютъ высшее образованіе. Университеты, не знающіе конкуренціи и обладающіе прочной организаціей и прочными традиціями, могутъ довольно спокойно относиться къ предпринимаемымъ правительствомъ въ ихъ области экспериментамъ. Они все перетрутъ, что къ ихъ задачамъ не подходитъ. Сумѣли они перетереть уставъ 1884 года. Сумѣютъ перетереть и новый шварцевскій уставъ, если ему суждено будетъ осуществиться. Тутъ надобно жалѣть только о времени и силахъ, которыя неизбежно растрачиваются на эти операціи. Но женскіе курсы — учрежденія, еще не успѣвшія окрѣпнуть, и при начавшей развиваться между ними конкуренціи они рискуютъ подъ вліяніемъ предложенной министерствомъ системы сбиться на очень печальную дорогу. Верхъ станутъ мало-по-малу брать тѣ изъ заведеній, которыя выкинутъ за бортъ истинный идеаль высшаго научнаго образованія и откровенно напишутъ на своихъ дверяхъ: «Оранжеви для выгонки въ ранній экзаменаціонный цвѣтъ». А пышный экзаменаціонный цвѣтъ, — какъ то показываетъ примѣръ Франціи, гдѣ чрезмѣрное развитіе конкурсныхъ экзаменовъ представляетъ язву на учебномъ организмѣ, — не-

рѣдко даетъ des fruits secs, на вѣткѣ засохшіе плоды. Счастье еще для женскихъ курсовъ съ этой стороны, что пока ихъ преподавательскія collegiи по большей части совпадаютъ съ collegiями соотвѣтственныхъ университетовъ. Вѣрные университетскому духу профессора не согласятся и на курсахъ заниматься выводомъ скороспѣлокъ. Иначе курсы по этой наклонной плоскости легко могли бы скатиться такъ низко, что никто не согласился бы признавать выносимое съ нихъ образованіе высшимъ, и не помогли бы тутъ никакіе выдаваемые правительствомъ «достаточно авторитетные документы».

Европа и мы.

(По поводу проекта новаго университетскаго устава.—1910 годъ).

Въ видѣ прелюдіи къ дебатамъ въ Думѣ по поводу предпринятаго имъ похода противъ автономіи русскихъ университетовъ министерство народнаго просвѣщенія нашло умѣстнымъ опубликовать въ послѣднихъ книжкахъ своего «Журнала» кое-какіе изъ отзывовъ, данныхъ заграничными профессорами касательно проекта новаго нашего университетскаго устава; но не того проекта, который находится теперь на разсмотрѣніи Думы,—его г. Шварцъ съ товарищами не счелъ за благо представить заграничной критикѣ на судъ,—а лишь того, который остался въ картонахъ министерства, подъ именемъ «проекта графа Ив. Ив. Толстого».

Смыслъ хода ясенъ. Такъ-называемый «проектъ И. И. Толстого» на дѣлѣ не былъ проектомъ министерства. Онъ выработанъ былъ комиссіей, собранной названнымъ министромъ, но для министра онъ являлся лишь выраженіемъ desiderata прогрессивнаго профессорскаго круга. Министръ,—насколько намъ извѣстно,—не скрывалъ, что до внесенія проекта въ законодательныя учрежденія онъ сдѣлаетъ съ заявленныхъ тамъ требованій свободы порядочную скидку. Поэтому и составители проекта ставили цѣну, такъ-сказать, съ запросомъ, чтобы было съ чего скинуть. Но кромѣ этого разчета,—его пойметъ всякій, кому когда-нибудь приходилось вести изъ-за проектовъ торгъ съ бюрократіей, считающей верхомъ правительственнаго искусства именно скидки съ общественныхъ запросовъ,—кое-что здѣсь диктовалось также бурной реакціей противъ нестоваго

министерскаго произвола, въ жертву которому брошены были университеты уставомъ 1884 года. На крайностяхъ проекта и сосредоточилось вниманіе нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ специалистовъ, которымъ гр. И. И. Толстой послалъ его на отзывъ. Отсюда же для нынѣшняго министерства явилась возможность представлять свою реакціонную затѣю такъ, какъ будто бы въ ея защиту оно имѣетъ право сослаться на крупные авторитеты, говорящіе отъ вѣкового опыта Западной Европы.

Сцена изъ старой, затасканной трагикомедіи. Сколько безмыслицъ, сколько реакціонныхъ мѣръ сваливалось уже на голову злосчастной русской школы съ видимаго благословенія западныхъ специалистовъ и при торжественныхъ указаніяхъ на примѣръ Западной Европы! Попытка закрѣпить народную школу святѣйшему синоду—примѣръ Германіи, Голландіи и Англіи, гдѣ духовенство (нисколько не похожее на наше) играетъ въ народномъ образованіи такую роль. Мучительный, зловредный экспериментъ надъ средней школой, извѣстный подъ именемъ толстовской классической системы,—примѣръ всѣхъ европейскихъ культурныхъ странъ (которыя какъ разъ тогда и приготовились къ борьбѣ за устраненіе монополіи этого стараго типа школы). И, наконецъ, развѣ творцы устава 1884 года тоже не сослались на образецъ Германіи въ такихъ нововведеніяхъ, какъ гонорарная система и государственные экзамены,—затѣи, въ русскихъ условіяхъ потерпѣвшія полное фіаско?

Такъ значить намъ Западъ не указъ? Такъ значить Россіи надо до всего доходить своимъ умомъ, все дѣлать «отъ себя», не обращая вниманія на чужой опытъ? Зачѣмъ же такъ. Но только

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать
И, Боже сохрани, какъ худо!

«И, Боже сохрани, какъ худо», хотя бы въ оправданіе можно было сослаться на прямой совѣтъ того или другого изъ заграничныхъ специалистовъ, знающихъ въ совершенствѣ у себя дома технику данной области, но не знающихъ Россіи¹⁾.

¹⁾ Среди западныхъ ученыхъ, подававшихъ голосъ по поводу реформы русскихъ университетовъ, былъ, сколько намъ извѣстно, и проф. Ягичъ.

Одинъ изъ спрошенныхъ гр. И. И. Толстымъ нѣмецкихъ знатоковъ университетскихъ отношеній, отзывъ котораго,—такъ можно полагать,—кажется нашему министерству крупнымъ козыремъ въ его игрѣ, нынѣ покойный профессоръ Фр. Паульсенъ, создалъ себѣ въ наукѣ имя тѣмъ, что показалъ, какъ надо ставить въ исторіи и въ жизни школьные вопросы. Исторія школы совсѣмъ не покрывается исторіей писанныхъ ея уставовъ; жизнь школы неотдѣлима отъ совокупности всей жизни создаваемаго ея народа и должна разсматриваться на фонѣ общаго религіознаго, научнаго, экономическаго, политическаго и соціальнаго ея развитія,—такъ Паульсенъ твердилъ неутомимо, развертывая въ своихъ трудахъ компетентной рукой картину школьныхъ судебъ въ родной своей странѣ. Заповѣдь эта—святая истина. Заповѣдь эта составитъ грань въ наукѣ о школьномъ дѣлѣ и въ практикѣ строенія и управления въ области школы. Но, къ сожалѣнію, эти приемы мысли далеко еще не стали общимъ достояніемъ, и самому ихъ пионеру случалось кое въ чемъ грѣшить на практикѣ противъ формулированныхъ имъ же теоретическихъ принциповъ. Къ такимъ погрѣшностямъ приходится отнести и его рѣшимость дать заключеніе о перестройкѣ высшей школы въ странѣ, ни прошлаго, ни настоящаго которой онъ не имѣлъ случая подробно изучить. Прибавимъ только, что отзывъ этотъ писанъ былъ уже слабѣющей рукой, что ею уже начертана была тогда та оригинальная авто-эпитафія, которая теперь высѣчена на памятникѣ надъ скромной его могилой.

Въ духѣ научныхъ завѣтовъ покойнаго историка образованія мы сами должны будемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, чѣмъ поучительна для Россіи картина жизни германскихъ университетовъ. Тогда и въ отзывахъ «иностранныхъ специалистовъ», помѣщенныхъ на страницахъ «Журнала Министерства Просвѣщенія», цѣннымъ покажется не то, ради чего министерство сочло полезнымъ ихъ воспроизвести.

Ему никто не можетъ отказать въ знаніи Россіи. Но его отзывъ не опубликованъ на-ряду съ отзывами Лексиса, Паульсена, Э. Ленинга и группы профессоровъ-голландцевъ. Почему?

Въ чемъ залогъ процвѣтанія нѣмецкихъ университетовъ? Не въ совершенствѣ ли правительственныхъ уставовъ, которыми регулируется ихъ жизнь? Далекю нѣтъ. Взять хотя бы Пруссію, главное изъ германскихъ государствъ. Ея университеты и понынѣ во многомъ подчинены постановленіямъ, включеннымъ въ Das allgemeine Landrecht,—въ это законодательство «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма», когда въ Германіи тенденціи просвѣщеннаго абсолютизма достигли кульминаціонной точки. Прусскій законъ содержитъ въ себѣ и сейчасъ такое архаическое опредѣленіе XVIII вѣка: «Школы и университеты суть государственныя учрежденія, имѣющія своей задачей наставленіе юношества въ полезныхъ знаніяхъ и наукахъ». Но что же? Развѣ въ сентябрѣ нынѣшняго года на празднованіи столѣтняго юбилея берлинскаго университета это помѣшаетъ представителямъ не только академическаго, но и правительственнаго оффиціального міра чествовать Пруссію, именно за то, что она первая вняла горячей проповѣди В. Ф.-Гумбольдта, Шлейермахера и Фихте «объ университетахъ въ нѣмецкомъ смыслѣ», что она первая въ Берлинѣ стерла съ университета старую школьную печать, что она первая провозгласила университетъ прежде всего созидателемъ и носителемъ науки? И развѣ эти привѣтствія не будутъ выражать собою жизненную правду вопреки архаизму соотвѣтственной статьи закона?

Или возьмемъ статьи уставовъ разныхъ нѣмецкихъ университетовъ (въ Германіи каждый университетъ имѣетъ свой уставъ), которыя относятся къ положенію студентовъ. Чего тутъ нѣтъ! Кунсткамера! «Какіе-то уроды съ того свѣта». Съ годъ тому назадъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ органовъ нѣмецкой прессы посвятилъ этому вопросу горячую статью съ требованіемъ, чтобы изъ уставовъ убраны были такія административныя окаменѣлости. Мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ ея начала:

„Frei ist der Bursch!“ Такъ поютъ, такъ подчасъ искренно вѣрятъ питомцы almae matris, и съ еще большимъ убѣжденіемъ поютъ и повторяютъ это тѣ, кто стоитъ отъ студенчества подальше. Однако свѣжія происшествія въ Берлинѣ и Марбургѣ довольно въ странномъ свѣтѣ выставляютъ эту хваленую „академическую свободу“. Что дѣло тутъ оказывается не безъ гнили, теперь иному это стало ясно. Но

даже въ студенческихъ кругахъ мало найдешь людей, которые бы знали, сколько опеки и частью даже сокращенія правъ прописано въ дѣйствующихъ „правилахъ“ для студентовъ. Докторъ П. Симанкъ заслуживаетъ признательности за то, что онъ въ своей небольшой брошюрѣ „Die Reformbedürftigkeit der Gesetzgebung für Studierende“ на основаніи документальныхъ данныхъ обнаружилъ плачевность этихъ правилъ почти во всѣхъ нашихъ высшихъ школахъ. Кто хочетъ отъ души поохотатъ, тотъ можетъ тоже прочесть эту книжку: онъ не раскается, навѣрное, послѣдовавъ совѣту. За смѣхомъ только пусть онъ не забываетъ и о серьезной сторонѣ дѣла... 1)

Дѣло имѣетъ и свою серьезную сторону, конечно, но для посторонняго наблюдателя всего важнѣе то, что и студенчество, и общество нѣмецкія могутъ жить, не подозрѣвая о существованіи въ законѣ различныхъ «до-мартовскихъ», иначе говоря, до-революціонныхъ, иначе говоря, допотопныхъ правилъ. Frei ist der Bursch,—если это не безусловно правда, то въ этомъ правды несравненно больше, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ параграфахъ уставовъ.

Въ смягченномъ видѣ то же можно сказать и о положеніи профессоровъ въ университетахъ. Въ прошломъ году появилась въ свѣтъ общедоступная работа В. Наумана «Нѣмецкіе университеты», назначенная ближайшимъ образомъ для ознакомленія австрійской публики съ укладомъ высшей школы въ Германской имперіи. Говоря объ юридическомъ положеніи нѣмецкихъ профессоровъ, авторъ замѣчаетъ: «У самыхъ образованныхъ людей (въ Германіи) мнѣ приходилось встрѣчать на этотъ счетъ самыя путанныя мнѣнія. Профессора приглашаются факультетами, министру принадлежитъ лишь утверженіе: это—самый распространенный взглядъ. И точно такъ же очень распространено убѣжденіе, будто профессоръ безъ его согласія не можетъ быть переведенъ въ другой университетъ и что ближайшимъ образомъ дисциплинарная власть надъ профессорами принадлежитъ сенату. Всѣ эти мнѣнія вполне ошибочны, противорѣча дѣйствующимъ законамъ и постановленіямъ». Но тотъ же авторъ даетъ матеріалъ и для того, чтобы понять, какъ очень образованные нѣмцы могутъ жить въ подобныхъ странныхъ

1) Frankfurter Zeitung, № 346 за 1908 г.

заблужденіяхъ. Онъ сообщаетъ между прочимъ такого рода фактъ. Прошлой осенью, при обсужденіи въ Верхней палатѣ баварскаго ландтага проекта новаго устава о гражданской службѣ, группа либеральныхъ депутатовъ напала на представляемое тамъ министерству право переводить профессора изъ университета въ университетъ, какъ переводятся другіе чиновники съ мѣста на мѣсто. Критики объявляли это неслыханнымъ и нестерпимымъ новшествомъ. Новшества нѣтъ здѣсь ровно никакого,—такъ отвѣчалъ въ ландтагѣ отъ имени правительства министръ финансовъ.—Новый кодексъ воспроизвелъ здѣсь только то, что значилось въ старомъ. Мѣнять здѣсь что-нибудь было бы неудобно, такъ какъ законъ о службѣ гражданской поставилъ себѣ задачей создать одинаковое положеніе для всѣхъ ея чиновъ. «А сверхъ того я считаю это совершенно лишнимъ, такъ какъ за 61 годъ (т.-е. какъ разъ съ революціи 1848 года) ни разу не было случая, чтобы какого-нибудь профессора переводили». И то сказать. Попробуй сейчасъ министръ народнаго просвѣщенія въ Баваріи перевести какое-нибудь изъ свѣтилъ мюнхенскаго университета,—Брентано, Байера, Пельмана или кого-нибудь другого,—«для пользы службы» въ Эрлангенъ или Вюрцбургъ, что бы тутъ случилось? Ученаго стали бы упрашивать не обращать вниманія на такую дерзость, не отрясать на Баварію прахъ отъ своихъ ногъ, не переходить въ другое государство, остаться въ Мюнхенѣ, а министръ поѣхалъ бы искать гдѣ-нибудь захолустья, чтобы укрыться отъ общественнаго негодованія. И въ этомъ случаѣ помянутое «заблужденіе» вѣрнѣе отражаетъ жизнь, чѣмъ текстъ закона.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ законнымъ правомъ нѣмецкихъ министерствъ участвовать въ вопросахъ о замѣщеніи каедръ. Здѣсь писанный законъ нѣсколько ближе сходится съ практикой. Но и здѣсь министерство ни въ одномъ германскомъ государствѣ думать не смѣетъ о томъ, чтобы пользоваться всей предоставляемой ему закономъ полнотой власти, и каждый разъ, какъ только общество чуетъ въ какомъ-нибудь формально законномъ шагѣ министерства намѣреніе повліять на характеръ преподаванія въ университетѣ, оно грудью встаетъ противъ подобныхъ посягательствъ на то, что всякій интелли-

гентный нѣмецъ считаетъ палладиумомъ высшей школы,—за неприкосновенность *Lern- und Lehrfreiheit*. Кое-какія прегрѣшенія противъ нея,—особенно въ авторитарной Пруссіи,—«высокія мѣста», положимъ, повременамъ учиняють подѣ шумокъ. Но въ общемъ дѣло идетъ такъ, что всѣ упомянутыя В. Науманомъ «ложныя мнѣнія» упорно склонны разрастаться, находя обильное питаніе въ дѣйствительномъ теченіи университетской жизни. Законы, подѣ которыми живутъ нѣмецкіе университеты, далеки отъ совершенства, но университеты воспитали такое поколѣніе людей, которое силой общественнаго мнѣнія удерживаетъ руку правительства всякій разъ, когда оно испытываетъ искушеніе посягнуть на духовную автономію университетовъ. Нѣтъ, «*Akademische Freiheit*» въ Германіи не пустое слово, и общество нѣмецкое имѣетъ основанія съ гордостью смотрѣть на свои университеты тѣмъ болѣе, что оно само хранитъ ихъ отъ грубаго прикосновенія администраторовъ, сидящихъ въ министерствѣ.

Такъ обстоитъ дѣло съ университетами въ Германіи. Чѣмъ же здѣсь можетъ съ пользой заимствоваться у Германіи Россія?

Тѣмъ самымъ,—скажемъ мы,—чѣмъ передовые ея круги и позаимствовались уже давно,—глубокимъ убѣжденіемъ, что безъ духовной автономіи университетъ неспособенъ выполнить истинное свое призваніе, что въ ней—жизненный нервъ университета, что безъ нея отъ университета остается только имя. Какія строки изъ опубликованныхъ министерствомъ отзывовъ германскихъ профессоровъ слѣдуетъ русскому обществу принять ближе всего къ сердцу? Тѣ, несомнѣнно, гдѣ проф. Лѣнингъ,—вполнѣ правительственный человекъ, членъ прусской палаты господъ,—даетъ характеристику устава 1884 года. Со спокойнымъ, дѣловымъ видомъ онъ преподноситъ собранный тамъ букетъ цвѣтовъ рѣдкаго колера и аромата. Въ Россіи профессоровъ во всякое время можно отставить отъ должности по усмотрѣнію министра, «если они, по его мнѣнію, неспособны къ исправленію возложенной на нихъ должности или почему-либо неблагонадежны, или сдѣлали вину, извѣстную начальству, но такую, которая не можетъ быть доказана фактами». Попечитель можетъ запретить чтеніе лекцій любому приватъ-доценту, если узнаетъ, что

«его преподаваніе явно направлено къ распространенію среди слушателей вредныхъ воззрѣній». Относительно распредѣленія лекцій и занятій по днямъ и часамъ министръ издаетъ правила, основываясь на которыхъ факультеты составляютъ на каждый семестръ расписанія, которыя по разсмотрѣніи въ совѣтѣ подлежатъ утвержденію министра, и т. д., и т. д. Итогъ: въ Россіи нѣтъ ни свободы науки, ни свободы преподаванія. Безъ этого же для Лѣнинга, какъ и для всякаго нѣмецкаго профессора, не можетъ быть и рѣчи объ университетахъ,—по крайней мѣрѣ объ «университетахъ въ нѣмецкомъ смыслѣ».

Но,—продолжаетъ тотъ же Лѣнингъ,—и здѣсь къ нему при-
мыкають всѣ другіе отзывы, не исключая и голландскихъ, хотя послѣдніе высказались по этому поводу чрезвычайно осторожно,—проектъ 1906 года бросаетъ русскіе университеты изъ огня въ полымя. Въ стремленіи обезпечить за университетами необходимую духовную автономію, составители проекта шагнули черезъ край, слишкомъ ослабивъ въ ихъ управленіи элементъ высшей правительственной власти.—За апологию значенія правительственнаго элемента въ жизни университетовъ, отзывы эти, очевидно, и были извлечены нашимъ министерствомъ изъ картоновъ. Слушайте, слушайте: вотъ что говорятъ западные авторитеты. Положимъ, они попутно высказываютъ и кое-что другое, не столь пріятное для департаментскихъ ушей. Но что подѣлаешь. Это пришлось уже *mit in den Kauf nehmen*.

Не ставя вовсе своей задачей разборъ «проекта гр. И. И. Толстого»,—не онъ теперь на сценѣ, а проектъ г. Шварца,—мы сдѣлаемъ по этому поводу только одно теоретическое замѣчаніе. Гдѣ пролегаетъ граница юридической свободы, необходимой для обезпеченія данному учрежденію потребной для его успѣшной дѣятельности фактической свободы,—такой вопросъ не допускаетъ рѣшеній, одинаково приложимыхъ ко всякому времени и мѣсту. Въ каждой странѣ въ каждую пору въ связи со всѣмъ укладомъ жизни отвѣтъ будетъ особый.

Общая формула при этомъ выведена давно и хорошо известна. Она гласитъ: чѣмъ крѣпче у администраціи рука, чѣмъ больше она вмѣшивается фактически во всѣ проявленія народной жизни, тѣмъ крѣпче должны быть и законодательныя гарантіи

свободы, тѣмъ тщательнѣе должна охраняться законами возможность для лицъ и учреждений отстаивать свою индивидуальность и проявлять свою инициативу. Напомню иллюстраціи, дававшіяся къ этому положенію у французовъ. Въ XVIII столѣтіи французское законодательство было тираннично. Въ XVIII столѣтіи законъ не обезпечивалъ французамъ свободы мысли. Но административный аппаратъ былъ еще въ первобытномъ состояніи, и Франція легко дышала. Законы о печати грозили тяжкими карами вплоть до смертной казни, и чрезъ сѣти тогдашней цензуры прошелъ цѣлый Вольтеръ. Первое изданіе «Духа законовъ» не было разрѣшено; но за 18 мѣсяцевъ появились 22 неразрѣшенныхъ изданія гениальнаго творенія Монтескье. Теперь, когда напечатанный въ Голландіи памфлетъ былъ бы арестованъ уже на первой пограничной станціи, Франція безъ свободы мысли, обезпеченной закономъ, окончательно бы задохлась.

Согласно этому приходится сказать: совѣтъ нѣмецкихъ спеціалистовъ придерживаться при новомъ русскомъ университетскомъ законодательствѣ поближе къ германскимъ нормамъ въ опредѣленіи отношеній между университетами и министерствомъ данъ былъ безъ надлежащаго вниманія къ приведенной теоремѣ,—безъ надлежащаго вниманія къ тому, какъ глубоко различенъ общій правовой строй въ Германіи и въ Россіи,—или же подъ вліяніемъ иллюзіи, извинительной въ 1906 году, когда Россія какъ будто подавала надежды стать истинно-конституціоннымъ государствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, во Франціи университеты имѣютъ еще меньше юридической автономіи, чѣмъ у нѣмцевъ. Во Франціи нѣтъ ректора, который являлся бы главой университета. На университетскихъ совѣтахъ предсѣдательствуетъ «ректоръ академіи», т.-е. попечитель учебнаго округа. Что же?—можно это ставить Россіи въ образецъ, не принимая во вниманіе разницы государственнаго строя? Нѣтъ, если бы въ Россіи водворилась,—не говоримъ, парламентская республика, а только отвѣтственность министровъ передъ Думой, весь вопросъ объ университетской автономіи перешелъ бы на другую почву. Излагая исторію реформы французскихъ университетовъ при Третьей республикѣ,

говоря про развитіе ихъ автономіи, теперешній попечитель парижскаго учебнаго округа Лиаръ пишетъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ: «Такъ факультеты стали фактическими хозяевами въ установленіи учебныхъ плановъ. Не то, чтобы право издавать ихъ перешло въ руки факультетовъ изъ рукъ отвѣтственнаго министра. Но съ этихъ поръ министры, все министры, приняли за правило ничего не рѣшать въ такихъ вопросахъ, не запросивъ факультеты, и не считать непосредственно исполнимымъ ничего, кромѣ того, что факультеты сами свободно требуютъ или принимаютъ»¹⁾. Откуда же у министровъ, которые при наполеоновской имперіи держались недосягаемыми олимпійцами, явилась склонность добровольно подчинить себя такому правилу, объ этомъ, конечно, не приходится распространяться. Если бы и у насъ Государственная Дума знала, что въ случаѣ неразумнаго или недобросовѣстнаго распоряженія министра предоставленно ему относительно университетовъ властью народныя представители имѣютъ право показать ему изъ министерства двери, она могла бы смѣлѣе отвести высшей администраціи ея долю полномочій. Но тамъ, гдѣ министръ съ самой Думой позволяетъ себѣ объясняться высокомернымъ тономъ, тамъ, гдѣ онъ Думѣ болѣе чѣмъ прозрачно намекаетъ, что ему ни за чѣмъ не нужны даваемые ею указанія и совѣты,—тамъ у народныхъ представителей есть самыя серьезныя основанія при выработкѣ новаго закона объ университетахъ не слишкомъ расширять кругъ министерской власти. «Перенимать съ умомъ» значитъ подражать Западной Европѣ въ университетской политикѣ по духу. Буква же европейскаго законодательства въ русскихъ условіяхъ дастъ совсѣмъ не германскій и не французскій результатъ.

При этомъ недостаточно вписать въ законъ гарантіи автономіи университетовъ. Надобно позаботиться о томъ, чтобы находилась сила, способная охранять дарованное закономъ право. Въ Европѣ эгидой университетовъ служить могучее общественное мнѣніе и конституціонный строй. Въ Россіи значенія этихъ факторовъ нельзя высоко ставить. Поэтому въ Россіи университеты должны имѣть такую организацію, чтобы они сами спо-

собны были постоять за себя противъ административныхъ посягательствъ. Внутреннее управленіе различныхъ нѣмецкихъ университетовъ организовано различно. Въ однихъ университетскій совѣтъ имѣетъ сравнительно широкое поле дѣятельности; другіе университеты болѣе децентрализованы по факультетамъ. Изъ спрошенныхъ нѣмецкихъ спеціалистовъ Паульсенъ съ Лёнигомъ оказались сторонниками децентрализаціи, и собственный проектъ г. Шварца, бьющій прежде всего по положенію совѣтовъ въ русскихъ университетахъ, можетъ сослаться на эти авторитеты. Врядъ ли однако кто согласится безъ дальнихъ разсужденій признать ихъ мнѣніе правильнымъ и въ Россіи, гдѣ дѣло имѣетъ такую сторону, съ которой Германія, къ ея счастью, не приходится считаться. Проф. Лёнингъ пишетъ: «Авторъ этихъ строкъ въ качествѣ ординарнаго профессора въ дерптскомъ и роштокскомъ университетахъ много лѣтъ состоялъ въ университетахъ, гдѣ собраніе ординарныхъ профессоровъ должно было голосовать по вопросамъ, предложеннымъ факультетами. На основаніи этого опыта онъ находитъ, что недостатки, связанные съ этимъ порядкомъ, съ лихвой покрываютъ его достоинства». Лёнингъ былъ профессоромъ въ Дерптѣ въ концѣ 70-хъ годовъ. Но если бы ему пришлось попасть туда опять, когда Дерптъ пересталъ быть Дерптомъ, а превратился въ Юрьевъ, когда тамъ «пекся» объ университетѣ г. Ульяновъ, когда тамъ стали разыгрываться преслѣдованія въ родѣ тѣхъ, которому подвергся ректоръ Пассекъ, проф. Лёнингъ глубже задумался бы, вѣроятно, надъ констатируемымъ у него же въ запискѣ фактомъ,—что съ самаго 1804 года, когда русскіе университеты впервые получили свою организацію, совѣтъ игралъ въ нихъ такую роль, какой онъ не имѣлъ въ другихъ университетахъ. Притча о прутьяхъ поодинокѣ и прутьяхъ связанныхъ давно извѣстна. Divide et impera—девизъ министерскаго проекта. L'union fait la force—девизъ защитниковъ совѣта.

¹⁾ L. Liard. L'enseignement supérieur en France, II, 391.

Политика въ школѣ.

(По поводу неутвержденія А. А. Кизеветтера профессоромъ московскаго университета.—1910 годъ).

Статья первая.

Въ печати одновременно появилось два сообщенія изъ круга дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Одно гласитъ: «Министръ запросилъ медицинскій факультетъ московскаго университета о мотивахъ, побудившихъ его избрать на означенную кафедру Маклакова, а не выступавшаго его конкурентомъ на конкурсѣ профессора новороссійскаго университета Головина».

Читаешь и глазамъ не вѣришь. Министръ торжественно самъ заявлялъ Думѣ: «Я—законникъ... Спросите хотя бы Милюкова, хотя бы поляковъ, и тѣ вамъ скажутъ, что я—законникъ». И вдругъ такой законникъ *par excellence* какъ будто забываетъ, что по закону выборы профессоровъ производятся въ университетскихъ совѣтахъ закрытою подачею голосовъ и что запросъ начальства въ такихъ условіяхъ страдаетъ отсутствіемъ необходимѣйшаго изъ качествъ,—смысла, ибо на него никто не можетъ дать отвѣта. Но почему же не допустить тутъ и наличности «смягчающихъ обстоятельствъ»? Министръ не только всѣмъ сердцемъ прильпился къ точному соблюденію закона: онъ въ то же время душой болѣетъ, что въ школу проникаетъ политика. Понятно, какъ долженъ былъ онъ взволноваться мыслью, что при баллотировкѣ двухъ конкурентовъ на кафедру офталмологіи въ московскомъ университетѣ совѣтъ могъ ока-

заться доступенъ какимъ-нибудь инымъ соображеніямъ, кромѣ оцѣнки ихъ ученыхъ заслугъ и качествъ, что черные шары посыпались въ урну Головина какъ мѣтка его политической окраски. И, взволновавшись картиной ущерба, который подобное вторженіе политики въ университетъ способно причинить наукѣ, министръ торопливо потребовалъ у совѣта объясненій. Кто же не извинитъ его, что онъ при этомъ на минуту забылъ законы?

Рядомъ однако красуется другое сообщеніе. «Министръ не нашелъ возможнымъ утвердить профессоромъ московскаго университета по кафедрѣ русской исторіи приватъ-доцента А. А. Кизеветтера». Почему? Будь Государственная Дума въ сборѣ, министру, вѣроятно, пришлось бы и официально держать отвѣтъ на этотъ напрашивающійся вопросъ. Но и безъ словъ министра мотивы его дѣйствій выяснитъ нетрудно. Дѣйствительно, что министерство могло бы имѣть противъ А. А. Кизеветтера на кафедрѣ московскаго университета? Достаточны ли его ученые заслуги? Кто же ихъ не признаетъ! Защита А. А. Кизеветтеромъ обѣихъ диссертаций одинаково являлась дѣйствительнымъ праздникомъ науки, на которомъ официальные оппоненты сами спѣшили присоединить свои голоса къ хору общихъ поздравленій. Судьи, достаточно компетентные и для министерства, вынесли рѣшеніе, что А. А. Кизеветтеръ вполне способенъ удерживать знамя русской исторіи на высотѣ, на которую подняли его въ московскомъ университетѣ С. М. Соловьевъ и В. О. Ключевскій. Но, можетъ быть, являясь выдающимся изслѣдователемъ, А. А. Кизеветтеръ лишенъ другого качества, необходимаго профессору? Быть можетъ, онъ не обладаетъ даромъ слова? Нѣтъ, въ лѣтописяхъ высшихъ женскихъ курсовъ въ періодъ, когда они существовали подъ названіемъ «Коллективные уроки», записано, какъ распорядительницы бились, отыскивая въ Москвѣ залу, способную вмѣстить всѣхъ, кто хотѣлъ бы слушать юнаго лектора, тогда еще лишь расправлявшаго крылья; съ годами же А. А. Кизеветтеръ успѣлъ подняться еще выше въ ряду избранниковъ, которымъ дано приковывать своею рѣчью вниманіе аудиторіи къ любому поднятому ими, хотя бы самому трудному и сложному вопросу. Такъ почему же министръ рѣшилъ ставить А. А. Кизеветтеру

преграды на прямой его дорогѣ? Зачѣмъ министръ стѣсняетъ его дѣятельность на поприщѣ, гдѣ русское общество имѣетъ основаніе ждаты всего больше отъ его ума, познаній и таланта? Отвѣтъ тутъ можетъ быть одинъ. А. А. Кизеветтеръ позволилъ себѣ роскошь выработать не только собственные ученые, но и собственные политическіе взгляды и имѣлъ смѣлость высказывать ихъ всюду, — въ общественныхъ собраніяхъ, въ Государственной Думѣ и въ печати. А такъ какъ взгляды эти не таковы, чтобы сходиться съ видами сферъ, гдѣ обитаютъ гг. министры, то г. Шварцъ и не нашелъ возможнымъ утвердить выборъ А. А. Кизеветтера на кафедре въ московскомъ университетѣ. Для г. Шварца это опять-таки вытекаетъ изъ принципа: политикѣ не должно быть мѣста въ школѣ...

Но что же это за невозможная игра словами!

По Петербургу ходятъ упорно слухи о близкомъ выходѣ въ отставку г. Шварца. Много ли найдется у насъ людей, которые отнеслись бы съ огорченіемъ къ подобной вѣсти? Два съ половиной года стоитъ г. Шварцъ во главѣ своего вѣдомства, — и что оно собою представляетъ? Г. Шварцъ взялъ въ руки власть въ моментъ высоко отвѣтственный, но и высоко благодарный. Послѣ конвульсій, въ которыхъ она билась при освободительномъ движеніи отъ яда, вошедшаго въ ея кровь за время господства стараго режима, русская школа успокоилась и жаждала реформъ. Школа устала питаться хотя бы и справедливой злобой. Вездѣ царило желаніе приняться за созидательную работу, за пополненіе уроновъ и ущербовъ, нанесенныхъ школѣ тѣмъ долгимъ временемъ, когда въ ней все должно было уступать мѣсто политикѣ, когда не было жертвъ, которыхъ ее не представляли бы приносить Толстые и Деляновы Молоху съ именемъ «политическая благонадежность». И школѣ дружественно протягивало руку молодое народное представительство, гдѣ даже теперешнее угодливое передъ правительствомъ большинство, по видимому, ясно сознаетъ, что съ старой школой новая Россія жить не можетъ. Много ли надо было, чтобы при такихъ условіяхъ истекшіе два съ половиной года явились эрой въ исторіи министерства просвѣщенія, чтобы отъ нихъ повело свое начало непрерывно поступательное движеніе въ жизни школы? Довольно-

было бы, чтобы сильный новою поддержкой Думы министръ рѣшительно сказалъ коллегѣ, вѣдающему «внутренній дѣла»: «Руки прочь: политика — политикою, школа — школой», и школа, освобожденная отъ посягательствъ лицъ, стремящихся обработать ее въ *instrumentum regni*, отвѣтила бы на это расцвѣтомъ. Теперь же, — какъ посмотришь, — на что ушли эти дорогіе два съ половиной года? На то, чтобы снова, подъ флагомъ изгнанія политики, сдѣлать всю школу полицейскимъ царствомъ, на то, чтобы снова въ школѣ даже вопросъ о твердомъ знакѣ въ концѣ словъ могъ получать политическую окраску, на то, чтобы снова дѣятели школы смотрѣли какъ на злыхъ своихъ враговъ на непосредственное свое начальство, на то, чтобы ихъ энергія снова тратилась на изысканіе способовъ обхода обветшавшихъ статей закона и свѣже-ретроградныхъ административныхъ предписаній, — словомъ на то, чтобы какъ можно дальше подвинуть школу назадъ, къ тому, какой она была въ тѣ времена, когда г. Шварцъ былъ молодъ.

Но если люди только старѣютъ, то страны, бываетъ, также молодѣютъ, и обновленная Россія проведетъ принципъ отдѣленія политики отъ школы не по рецепту г. Шварца, а по тому, который восторжествовалъ въ Европѣ. Вѣдь даже въ Пруссіи, — въ авторитетной Пруссіи Бисмарка и Вильгельма II, — общество бьетъ правительственныхъ агентовъ по рукамъ при всякомъ ихъ поползновеніи стѣснить свободу преподаванія въ высшей школѣ, и съ краскою стыда въ лицѣ, со скрежетомъ зубнымъ, оно сейчасъ вспоминаетъ о временахъ, когда правительство изъ-за политики отстранило Вирхова отъ университетскаго преподаванія, — о временахъ, которыя не случайно совпадаютъ съ эпохой экономическаго убожества и глубокаго политическаго униженія государства. Такъ будетъ и Россія вспоминать объ административныхъ подвигахъ, которые мы вынуждены заносить на столбцы лѣтописи русскаго образованія. Историкъ, быть можетъ, сопоставитъ «невозможность» для г. Шварца видѣть А. А. Кизеветтера профессоромъ въ московскомъ университетѣ съ тѣмъ запросомъ, который пытались-было внести въ Государственную Думу г. Пуришкевичъ и его единомышленники, и, сопоставивъ, безъ труда пойметъ, въ чемъ

было дѣло. Но пусть не говорятъ: *comprendre c'est pardonner*. Въ годину, какую приходится переживать нашей странѣ, покрывать своимъ именемъ такую школьную политику, это—изъ тѣхъ грѣховъ, которымъ нѣтъ прощенья.

Статья вторая.

— Нѣтъ, какъ они могли подумать, что Кизеветтеръ будетъ утвержденъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ! «Нѣтъ, очевидно, гг. профессора, избравшіе Кизеветтера, просто были въ веселомъ расположеніи духа и пожелали пошутить». Вѣдь, «чтобы шагъ за шагомъ прослѣдить біографію этого избранника московскихъ профессоровъ, вѣрнѣе,—того кадетскаго большинства, которое буквально терроризируетъ московскій университетскій совѣтъ,—потребовался бы длинный рядъ статей», и съ пѣной у рта «Россія» преподноситъ нѣсколько фактовъ, выбранныхъ на пробу. Кизеветтеръ сверхъ диссертаций издалъ руководство для ораторовъ и публицистовъ партіи народной свободы; Кизеветтеръ на памятное Столыпинское «Не запугаете» отвѣтилъ извѣстною репликою «Руки прочь»; Кизеветтеръ послѣ «одной изъ лучшихъ рѣчей гр. Вл. Бобринскаго» предложилъ Думѣ его не слушать и заняться дѣломъ; наконецъ, Кизеветтеръ наканунѣ роспуска второй Думы, когда правительство заявило требованіе о выдачѣ Церетелли и другихъ крайнихъ лѣвыхъ, предложилъ вопросъ этотъ передать въ комиссію, прибавивъ, что «она, конечно, вынесетъ свое отрицательное рѣшеніе». И этого вамъ мало?

Вполнѣ довольно всякому, и ни за чѣмъ не требуется тутъ «длинный рядъ статей». Не требовалось, пожалуй, и одной: такъ громко само за себя говорить дѣло. Совѣтъ московскаго университета выбралъ А. А. Кизеветтера на кафедре не потому, что «былъ терроризованъ» собственнымъ своимъ кадетскимъ большинствомъ,—какой терроръ тамъ, гдѣ идетъ закрытая подача голосовъ, да и зачѣмъ бы большинству совѣта понадобилось пускаться въ ходъ противъ совѣта, т.-е. противъ себя же, терроръ? Совѣтъ московскаго университета выбралъ А. А. Кизеветтера профессоромъ за его ученыя заслуги. Министръ

же не утвердилъ совѣтскій выборъ изъ-за того, что А. А. Кизеветтеръ мыслить не такъ, какъ гр. Вл. Бобринскій и П. А. Столыпинъ, т.-е., иначе говоря, за то, что онъ не исповѣдуетъ такихъ политическихъ убѣжденій, какія проводитъ партія, находящаяся у власти. Чистѣйшій случай вторженія политики въ дѣло школы; характерный образчикъ порядка, при которомъ министерство просвѣщенія состоитъ въ плѣну у російскаго полицейскаго начальства.

Въ своемъ проектѣ новаго университетскаго устава министръ счелъ нужнымъ отмѣтить дѣйствительно достойный замѣчанія фактъ: сейчасъ больше 100 кафедръ пусты въ университетахъ. Чтобы бороться съ этимъ, министръ предлагаетъ законодательнымъ учрежденіямъ давать на приготовленіе молодежи къ профессорскому званію побольше денегъ.

Деньги деньгами. Безъ нихъ, конечно, трудно обойтись. Но не въ деньгахъ лежитъ конечное рѣшеніе вопроса. Вы признаете, что Россіи нужны профессора по всѣмъ включеннымъ въ университетское преподаваніе предметамъ? Вы признаете также, что уровень талантовъ въ профессорскомъ кругу было бы желательно повысить? За чѣмъ же дѣло стало? Средство въ рукахъ, средство недорогое и дѣйствующее быстро: выведите политику изъ школы! Почему кафедры пусты? Гдѣ обрѣтаются талантливые люди, которые могли бы ихъ съ честью занимать? Спросите у преподавателей въ университетахъ. Сколько изъ нихъ дадутъ вамъ скорбнымъ тономъ дословно одинаковый отвѣтъ: «Откуда же взять преемниковъ? Только намѣтишь среди учениковъ кого-нибудь съ талантомъ и преданностью наукѣ,—глядишь, онъ выхваченъ изъ университета полицейскою рукою. Выпускъ за выпускомъ такъ очищается трудами полицейскаго и собственнаго учебнаго начальства, что трудно выбрать, кому бы можно было предложить остаться при университетѣ». А изъ предложенныхъ университетомъ къ оставленію мало развѣ по полицейскимъ соображеніямъ бракуется со стороны учебныхъ округовъ? А изъ людей, прошедшихъ уже самую трудную, начальную часть тернистой профессорской дороги, мало развѣ такихъ, которыхъ вы заставили отказаться отъ призванія? И тамъ, гдѣ уже пусты сотня кафедръ, вы изъ-за

политическихъ своихъ соображеній заставляете еще пустовать другія! Кто на два слишкомъ десятка лѣтъ лишилъ русскіе университеты такихъ талантовъ, какъ Муромцевъ и Ковалевскій,—чтобы говорить только о самыхъ крупныхъ? Кто сбиль съ профессорской дороги Милокова? Кто пробуетъ теперь сбить Кизеветтера съ прямой его профессорской дороги? Тѣмъ, кто повиненъ въ этомъ,—тѣмъ не помогутъ никакія деньги въ заботахъ ихъ о достолюбомъ замѣщеніи каедръ въ высшихъ школахъ. Бездарностей ученыхъ подъ пару тѣмъ публицистическимъ бездарностямъ, которыхъ они за деньги могли достать для своего органа «Россія»,—они, быть можетъ, въ нѣкоторомъ количествѣ и разведутъ на ассигнованныя деньги. Но въ мірѣ знанія бездарности бесплодны, пустота царитъ кругомъ занятыхъ ими каедръ, и не идетъ отъ нихъ ученаго потомства. Живыя же силы будутъ въ высшей школѣ лишь тогда, когда окончится этотъ нестерпимый гнетъ на общественную совѣсть.

Статья третья.

«Ты сердисься, Юпитерь...» Да еще какъ! Желчью брызжетъ «Россія», давая свой отвѣтъ намъ по дѣлу Кизеветтера.

«Отвѣтъ клеветникамъ». Кто же оклеветанъ? Поскольку въ публицистической мазнѣ «Россіи» можно разбираться, жертвой клеветы приходится признать, во-первыхъ, ее, «Россію», съ «ея министромъ» г. Шварцемъ, а во-вторыхъ, гг. профессоровъ російскихъ университетовъ.

О профессорахъ особо. Поговоримъ пока лишь о министрѣ и взявшихъ на себя его защиту официозныхъ публицистахъ. Такъ ихъ оклеветали? А какъ же нѣтъ? Мы такъ поставили вопросъ. Совѣтъ московскаго университета избралъ А. А. Кизеветтера на каедру за его ученые заслуги; министръ не утвердилъ избранника университета за расхождение его съ правительствомъ въ области политическихъ вопросовъ: характерный примѣръ опустошительнаго вторженія политики въ дѣло школы. Вотъ это и представляетъ собой «клевету». Если А. А. Кизеветтеръ не утвержденъ, то потому, что онъ и всѣ ему по-

добные «кадеты» суть вовсе не антиправительственные только, а прямо противогосударственные люди.

„Давно пора, казалось бы, перестать вести ту недостойную игру словами, весь смыслъ которой сводится къ попыткамъ явно противогосударственную дѣятельность изображать въ качествѣ дѣятельности только противоправительственной въ узкомъ смыслѣ этого слова. Если какъ характеръ дѣятельности, такъ и вся обстановка ея, а равно и очевидныя, одинаково для всѣхъ ясныя конечныя стремленія не оставляютъ сомнѣній, что рѣчь идетъ не о борьбѣ противъ данной правительственной мѣры или даже противъ даннаго правительства, а о борьбѣ вообще противъ всякаго правительства, и при этомъ такой, которая будетъ продолжаться, пока не произойдетъ общій политическій переворотъ, долженствующій измѣнить первооснову государственности, то говорить о томъ, что такая дѣятельность есть дѣятельность противоправительственная, а не противогосударственная, значитъ разсчитывать на легковѣріе слушателей или, что еще хуже, завѣдомо заниматься политическимъ шулерствомъ“.

Если же такъ, то мыслимо ли упрекать министра, будто онъ отдаетъ высшую школу въ жертву политическимъ интригамъ и страстямъ? Нѣтъ, «устраненіе профессора, своими поступками доказавшаго, что онъ боролся и борется противъ основъ русской государственности, есть устраненіе политики изъ школы, а не внесеніе ея въ школу».

Аргументація эта блещетъ лишь силой страсти и далека отъ логическаго совершенства. Вѣдь, если бы даже дѣло обетояло такъ, какъ силится изобразить его «Россія», то все же актъ министра остался бы по существу вмѣшательствомъ политики въ дѣло школы. Его лишь можно было бы защищать соображеніями, что полная свобода высшаго преподаванія отъ всякихъ политическихъ воздѣйствій есть вещь, недостижимая въ условіяхъ современнаго политическаго быта,—что въ той же, на примѣръ, Германіи съ ея высокимъ почитаніемъ *Lehrfreiheit* каедра государственнаго права не будетъ никогда поручена лицу, открыто выступавшему сторонникомъ анархическихъ идей Э. Реклю или графа Льва Толстого. Но мы хотимъ при этомъ обратить вниманіе на другое. Откуда у «Россіи», которая вообще склонна «дерзать», вдругъ появляется такая щепетильность, когда заходитъ рѣчь о политикѣ и шко-

лѣ? Почему не рѣшается она прямо сказать то, что и представляет собой въ данномъ случаѣ жизненную правду: для насъ профессора—чиновники, приставленные къ тому, чтобы готовить будущихъ чиновниковъ разныхъ видовъ службы. Поэтому мы не желаемъ терпѣть въ средѣ ихъ лицъ, позволяющихъ себѣ роскошь независимости взглядовъ. Зачѣмъ вмѣсто того «Россія» предпочитаетъ «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ» изъ партіи, которой само правительство при первой Думѣ чуть было не предложило принять участіе во власти, строить какихъ-то російскихъ эрвентовъ? Зачѣмъ она идетъ на все, лишь бы сказать: нѣтъ, мы являемся настоящими противниками вмѣшательства политики въ дѣло высшей школы?

Старый маневръ, извѣстный всякому, кому случалось слѣдить за отраженіемъ борьбы политическихъ партій въ жизни школы. Но такъ какъ онъ и теперь не данъ еще окончательно въ архивъ, то къ нему стоитъ, быть можетъ, поближе присмотрѣться.

Въ самомъ дѣлѣ, когда на европейскомъ континентѣ съ конца XVIII вѣка стала развиваться политическая жизнь и началась неразрывная съ ней борьба партій, всякая партія, оказывавшаяся во власти, долгое время пыталась налагать руку въ числѣ другихъ государственныхъ учрежденій и на школу. «У кого юношество подъ вліяніемъ, за тѣмъ и будущее»,—развѣ это не соблазнительная мысль?

Болѣе ловкіе политики скоро однако поняли, что напроломъ идти здѣсь значить не дойти до цѣли. Если взять университеты,—особенно въ тѣхъ ихъ отдѣлахъ, которые занимаются вопросами жизни общества и государства,—къ чему бы здѣсь повело полное уничтоженіе свободы преподаванія, къ чему бы здѣсь повело гласное проведеніе принципа, что профессора, какъ всѣ чиновники, во взглядахъ своихъ должны соображаться съ видами начальства? Отвѣтъ на это, въ тонѣ негодующаго протеста, давался много разъ и подчасъ въ очень картинныхъ формахъ.

Высшая школа, назначенная для разработки общественныхъ наукъ и подчиненная обязательству сообразоваться съ политическими взглядами власть имущихъ,—въ ней столько же смыс-

ла, какъ если бы кто пригласилъ медика для выясненія своего состоянія и необходимаго режима и сталъ ему грозить: «если ты у меня найдешь то-то или то-то или если ты поставишь мнѣ такой-то и такой-то прогнозъ,—смотри, тебѣ не сдобровать». Кто не желаетъ слышать про свое здоровье правды, тому оплачивать консультацію врача—пустая трата денегъ.

То же самое разъяснялось сравненіемъ такого рода. Представьте, что правительство завело статистическое бюро, сказавъ ему заранѣе, какія цифры должны будутъ получиться въ результатъ его анкетъ,—такія, на примѣръ, чтобы ясно стало, что населеніе растеть и богатѣеть. Много ли въ подобной затѣѣ было бы толка?..

«Гдѣ результатъ статистическаго изслѣдованія оказывается заранѣе предписанъ, тамъ лишнее считать и вычислять; развѣ для вида, въ цѣляхъ надувательства. То же самое приходится сказать и про политическую экономію или про общее ученіе о государствѣ. Указанныя науки должны вырабатывать научныя понятія, способныя охватить дѣйствительность, какъ она реально существуетъ. Если же понятія эти предписываются извнѣ или на образованіе ихъ вліяютъ милости и угрозы, то помянутыя дисциплины ниспадають на степень призрачныхъ софистическихъ операцій, которыя можетъ цѣнить лишь властвующая партія, какъ средство удержаться во власти. Народъ, какъ цѣлое, не имѣлъ бы здѣсь никакого интереса—кромѣ интереса отдѣлаться отъ нихъ какъ можно скорѣе. Народу нужны неподкупные, свободные отъ всякихъ постороннихъ вліяній искатели истины: замалчиваніе и обманъ могутъ здѣсь только навлечь погибель» (Паульсенъ).

Положимъ, многимъ политическимъ партіямъ внутренне ни до чего подобнаго нѣтъ дѣла. Но университеты, поставленные въ открытую зависимость отъ нихъ, не могутъ годиться и на то, что заставляетъ такого рода партіи гнаться за высшей школой. Съ особой силой развивалъ это въ своей «Политикѣ» проф. Дальманъ, одинъ изъ знаменитыхъ семи героев геттингенской университетской эпопеи. У государства,—говорилъ онъ,—могучая рука. Она можетъ согнуть университеты, какъ угодно. Она можетъ изгнать оттуда свободную науку и превратить

университеты въ ремесленные заведенія. Но одного не сможетъ сдѣлать никакая сила: чтобы молодежь не стала презирать такіе университеты. Попробуйте, и вы получите молодое поколѣніе не только ни къ чему не годное, но и вдобавокъ еще гораздо болѣе склонное къ неповиновенію власти.

Какъ же, однако, быть политикамъ, стремящимся господствовать надъ университетами и черезъ университеты? Путь все же есть. Надобно только подражать примѣру того премудраго прусскаго монарха, который, — по словамъ Вольтера, — собираясь усвоить принципы Макіавелли, счелъ нужнымъ ранѣе написать *Antimachiavell*. Нужно тянуть университеты на свою колодку, клянясь въ преданности принципу, что въ высшей школѣ политикѣ не должно быть мѣста. Люди потоньше ведутъ подобную игру съ сознательнымъ двуличіемъ. Но среди государственныхъ мужей бывають и такіе, которые работаютъ по этому шаблону, оставаясь сами съ своею совѣстью въ полномъ мирѣ. На благо имъ головы ихъ устроены такъ несложно, что имъ искренно кажется, будто «политикой» занимаются лишь тѣ, кто критикуетъ существующій порядокъ; въ тѣхъ же, кто склоненъ поддерживать его своими аргументами, въ тѣхъ они видятъ «истинныхъ слугителей общественной пользы и науки».

Въ качествѣ же *ultima ratio*, когда надо во что бы то ни стало убрать съ дороги особо неприятное лицо и вообще учинить открытое насиліе надъ высшей школой, на сцену выступаетъ извѣстный принципъ: *salus populi suprema lex*. «Представителямъ наукъ, — писалъ по этому поводу Паульсенъ, — предметомъ которыхъ является политическая и социальная жизнь, тоже приходится повременамъ попадать въ конфликты съ господствующими силами и подвергаться обвиненіямъ «въ ереси». Положимъ, тутъ нѣтъ правовѣрія въ точномъ смыслѣ: государство не обладаетъ каноническимъ ученіемъ о своей сущности, своихъ задачахъ и правахъ, какъ церковь; оно — не учрежденіе для ученія, оно — единство силы; столь же мало можно говорить про официальную доктрину объ обществѣ и его жизнедѣятельности. Взамѣнъ того, каждая торжествующая партія провозглашаетъ принятую ею доктрину правовѣріемъ, объявляя всякое враждебное ученіе ложнымъ и опаснымъ. Съ тѣмъ

вмѣстѣ она стремится силой правительственной власти не допустить проникновенія подобныхъ «ересей» въ общественныя школы или ихъ искоренить оттуда, при чемъ аргументація всегда одна: «Такія лжеученія подкапываютъ безопасность общества и государства; поэтому представляющіе общество и государство авторитеты обязаны передъ самими собой бороться съ ними, ибо право самосохраненія здѣсь въ то же время является и долгомъ».

Таковъ рецептъ, по которому работаетъ «Россія», какъ выразительница желаній партіи, въ данное время пребывающей у власти. Было бы наивно спрашивать у нея серьезно, откуда почерпнула она свое непререкаемое ученіе о томъ, что суть «истинныя первоосновы русской государственности». Откуда? *Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas* ¹⁾. А Кизеветтеръ и прочіе «кадеты» должны быть признаны «потрясателями основъ». Иначе, какъ бы мы стали противъ нихъ бороться, не провозглашая открыто господства права силы?

«Потрясатели основъ», «враги общественного порядка», — какая длинная вереница историческихъ картинъ встаетъ при этомъ передъ глазами. Особенно онѣ богаты движеніемъ и красками въ бурной французской исторіи XIX вѣка. Злосчастный *l'ordre social* — сколько ненужныхъ, но мучительныхъ насилій было прикрыто этимъ именемъ въ борьбѣ французскихъ партій, быстро смѣнявшихъ другъ друга въ обладаніи властью. Вотъ Тьеръ, который послѣ политическаго и социальнаго землетрясенія 1848 года такъ страстно проповѣдуетъ необходимость «всѣмъ моральнымъ силамъ страны объединиться» и повергнуть въ прахъ общаго врага — «противообщественные элементы», куда онъ относилъ всѣхъ истинныхъ поборниковъ демократіи и свободы. Дѣло успѣшно шло къ тому, чтобы вернуть Францію на ея «историческую государственную первооснову», т. е. къ законной монархіи, — и вдругъ переворотъ 1851 года, и тотъ же Тьеръ тайкомъ бѣжитъ черезъ бельгійскую границу, какъ «врагъ общественного порядка», ибо кому же теперь не стало ясно, что истинная основа французской государственности и обществен-

¹⁾ Такъ хочу, такъ повелѣваю, воля моя да будетъ вмѣсто разумныхъ оправданій.

ности создана была Наполеономъ I и возрождается его племянникомъ Луи Наполеономъ. Много народа поплатилось свободою и жизнью за несогласіе съ этой политической догмой, пока Седанъ не превратилъ сразу ея носителя въ «жалкаго авантюриста». Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и тотъ же Тьеръ снова на улицахъ Парижа старается изъ крови сдѣлать цементъ для укрѣпленія «расшатаннаго общественнаго зданія», съ тѣмъ, чтобы быстро уступить мѣсто охранителямъ еще болѣе серьезнаго клерикально-реакціоннаго толка, образовавшимъ «правительство нравственнаго порядка». Но будетъ. Благо французамъ, что для нихъ все это давно уже стало легендарнымъ. Благо французамъ, что для нихъ періоды торжества реакціи въ прошломъ столѣтіи являются какой-то фантазмагоріей и что страна теперь почти отказывается понимать, какъ нѣкогда такіе дѣятели науки, какъ Вильменъ и В. Кузенъ, какъ Мишле и Кюне, какъ Бартеlemi Сентъ-Илеръ и Ренанъ, и рядъ другихъ должны были прекращать преподаваніе въ высшей школѣ изъ-за стремленія правительства «вывести политику изъ школы».

Совсѣмъ это не дѣло,—писалъ тогда же столь компетентный наблюдатель, какъ славный математикъ и статистикъ и въ то же время попечитель учебнаго округа М. Курно. «Истинныя причины политическаго возбужденія и успокоенія вовсе не въ курсахъ университетскихъ лекцій. Если же политика туда и проникаетъ, то потому, что она проникаетъ всюду, и отставкой нѣсколькихъ профессоровъ ея движенія не остановишь». Высшей же школѣ,—доказывалъ Курно,—этими наносится ударъ подъ самый корень, такъ какъ ее начинаютъ обѣгать наиболѣе живые и талантливые люди; и этотъ слуга правительства настойчиво рекомендовалъ ему возстановить отнятую послѣ переворота несмѣняемость профессоровъ, чтобы каѳедры имѣли достойныхъ замѣстителей. Исторія однако, какъ извѣстно, учитъ всѣхъ, за исключеніемъ тѣхъ, кому особенно слѣдовало бы цѣнить ея уроки,—за исключеніемъ политиковъ, добравшихся до обладанія властью.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПРИ г. КАССО.

Предвѣстники университетской катастрофы.

1910 годъ.

Запросъ правыхъ въ Гос. Думѣ.

«Правда ли, что въ университетѣ...» «Правда ли, что въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ...» Доносъ на русскую учащуюся молодежь и на ея наставниковъ, смѣющихъ утверждать, что «общечеловѣческая правда противъ околоточно-участковой не въ примѣръ превосходнѣе». Это извѣстно. Это изъ Щедрина,—изъ разговора между свиньей и Правдой.

Нѣтъ, это вовсе не изъ литературы. Это—изъ жизни, изъ текущей жизни. Дѣйствіе происходитъ не тамъ, куда его перенесъ Щедринъ, а въ третьей Думѣ. Но и Щедринъ, вѣдь, свою литературу бралъ изъ жизни. И на повѣрку, это—одно и то же. Щедринъ недаромъ придалъ своему діалогу заголовокъ: «Прерванная сцена». Сцена теперь возобновилась. Вотъ и все.

Но и неумоима же порода патриотическихъ доносчиковъ въ своемъ опутываньи высшей школы «сѣтью дурачки-предательскихъ подвоховъ». Стоитъ подумать, съ какихъ поръ отравляютъ университетамъ жизнь хранители «историческихъ основъ», заложенныхъ на русской почвѣ еще въ эпоху скивовъ. Катковъ съ Леонтьевымъ... но развѣ раньше скивы не выгнали изъ университета самого Каткова? Татарщина Ширинскаго-

Шихматова. А раньше заскорузлая славянщина Шишкова. Еще же раньше такъ заклеименная пушкинскимъ перомъ фигура кн. Голицына, при которомъ Руничъ и Магницкій стяжали лавры, мѣшающіе спать Пуришкевичу съ его братіей приборной. Казанскій университетъ едва успѣлъ возникнуть, какъ уже Магницкій предлагалъ снести его съ лица земли для поученія Россіи и Европы. «Актъ объ уничтоженіи казанскаго университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ книжаломъ». И получается въ итогѣ, что гоненія на вольный духъ въ русской высшей школѣ почти такъ же стары, какъ и она сама.

Да, уже цѣлый вѣкъ идетъ какая-то жестокая трагедія, напоминающая мнѣ о божествѣ, пожиравшемъ собственныхъ дѣтей изъ страха принять отъ нихъ погибель. Одной рукой государственная власть пасаждала въ Россіи университеты и высшія профессиональныя училища, другой она громила ихъ въ угоду «истинно-русскимъ людямъ»,—кличка, которую давно присвоили себѣ духовные потомки скивовъ и сарматовъ. Готовя государству слугъ для самыхъ отвѣтственныхъ постовъ въ народной жизни, русскіе университеты всегда должны были, обливаясь кровью въ сердцѣ, видѣть, какъ по навѣтамъ хранителей «основъ» государство многихъ изъ ихъ питомцевъ препровождало по знаменитой Владимірской дорогѣ, да и другимъ, успѣвшимъ уберечься, служеніе въ рядахъ администраціи, дышавшей скивскимъ духомъ, было не дѣломъ жизни, а пожизненною каторгой. Исторія высшаго образованія въ Россіи—сплошной мартирологъ, и тяжкій крестъ беретъ на свои плечи тотъ, кто у насъ рѣшается посвятить жизнь на служеніе наукѣ.

Съ какой же стати однако,—спросить насъ,—заговорили вы по поводу послѣдняго думскаго доноса о вольномъ духѣ въ высшей школѣ? Тамъ говорится, правда, и о вольномъ духѣ, но,—особенно въ смягченной комиссіей редакціи,—тамъ больше говорится о другомъ: о нравственности учащихся, о денеж-

ныхъ злоупотребленіяхъ въ ихъ средѣ, о посѣщеніи посторонними лицами университетовъ. Оставьте! Все это—лишь прицѣпки. Все это—лишь смердящій соусъ съ кухни союза русскаго народа. Денежная отчетность... личная нравственность... союзникамъ сначала въ своей средѣ надобно было бы кое-что почистить. Авгіевы стойла! Цѣль новаго доноса вполне ясна: и прямо, и черезъ удары по студентамъ онъ хочетъ поразить профессоровъ, не боящихся открыто исповѣдывать ненавистные доносчикамъ принципы,—дерзающихъ и въ жизни, и съ кафедръ утверждать то, что щедринскую свинью приводило въ особенную ярость: «свобода есть драгоценнѣйшее достояніе человѣческихъ обществъ» и «законы одинаково всѣхъ должны обезпечивать, потому что въ противномъ случаѣ человѣческое общество превратится въ хаотическій сбродъ враждующихъ элементовъ». И если дѣло дойдетъ до дачи объясненій главой правительства по этому доносу, то для страны желательно, чтобы объясненіе прошло безъ недомолвокъ.

Есть виды гнета, гоненій, безнравственности которыхъ еще усугубляется полной безмыслицей поставленной себѣ гонителями задачи. Вы, вы, правители—способны ли вы дѣлать свое правительственное дѣло хоть въ самой скромной мѣрѣ,—хотя настолько, чтобы государственный механизмъ совсѣмъ не развалился,—не пользуясь при этомъ услугами тѣхъ интеллигентовъ, которыхъ готовить для службы обществу высшая школа? Нѣтъ, отнимите у васъ университеты, и государство разсыпется подъ вашими руками. Недаромъ вы и сами подерживаете на казенныя деньги эти «волчьи гнѣзда», какъ выражался императоръ Николай I. Такъ уступите неизбежности и дайте университетамъ жить спокойно.

Но,—скажутъ намъ,—развѣ служеніе наукѣ, необходимой для общественнаго блага, несовмѣстимо съ почтительностью къ тому, что въ каждый данный моментъ правительствомъ признается за «основы»? Есть же высоко даровитые ученые, которые работаютъ себѣ надъ своимъ предметомъ и ничего не критикуютъ. У насъ ихъ, правда, мало. Какой-то непонятный злой рокъ дѣйствительно завелъ почти всѣ русскіе таланты въ оппозиціонный лагерь. Но, вѣдь, въ Европѣ дѣло

обстоять совсѣмъ иначе. Почему же русской профессурѣ не вести себя по образцу такъ высоко стоящей въ научномъ отношеніи европейской? Чтобы желать этого, не надобно быть скиномъ или сарматомъ. Правительство же ничего другого не желаетъ.

Нѣтъ, не бываетъ, не создано еще такой науки, которая не развивала бы въ своихъ adeptaxъ критическаго смысла, которая не приучала бы ихъ цѣнить выше всего, — выше самой жизни, — умственную свободу. Конечно, встрѣчаются и исключенія. Встрѣчаются ученые съ гипертрофіей какого-нибудь одного интереса, искажающей строй ихъ духовной жизни. Бываютъ трусы, не смѣющие проявлять стремленія къ свободѣ. Бываютъ честолюбцы, изъ-за карьеры кривящіе душой. Но это не мѣшаетъ общему правилу о дѣйствіи науки на сознание оставаться въ силѣ. Наука требуетъ свободы мысли, и кто вкусилъ разъ отъ плода науки, тотъ становится уже способенъ жить по дорогому бюрократіи принципу: nicht raisonniere! Европа, на университеты которой ссылаются консерваторы отечественнаго пошиба, даетъ оружіе только противъ нихъ. И тамъ, — хотя бы въ Германіи, — были попытки превратить высшія школы въ разсадники непросвѣщающаго просвѣщенія. Попытки любопытныя. Онѣ недавно вспоминались по поводу юбилея берлинскаго университета. Магницкій нашъ былъ не самостоятеленъ: онъ въ своихъ ретроградныхъ завываніяхъ только вторилъ прусскимъ реакціонерамъ. Однако умная бюрократія сама сознала, куда заводитъ такой путь, и подъ ея давленіемъ верховная власть взяла назадъ свои разрушительные планы. Трение между правительствомъ и университетскими кругами, правда, и въ Германіи ощущалось долго. Кончилось же оно тогда, когда правительство объединенной имперіи, поднявшись на уровень политическаго пониманія университетовъ, дало, наконецъ, обществу основныя гарантіи, необходимыя для существованія правового государства. И, помирившись со своей интеллигенціей, правительство вмѣстѣ съ страной пошло гигантскими шагами къ вершинамъ мірового могущества и славы. Такъ долго ли намъ переть противъ рожа, долго ли намъ глядѣть, какъ истощается Россія въ

борьбѣ противъ того, въ чемъ все народное спасеніе, — въ борьбѣ противъ того, чего правительство не можетъ во имя самосохраненія уничтожить и въ то же время во имя охранительныхъ принциповъ не соглашается терпѣть? Бросьте же за бортъ, наконецъ, скинскіе охранительные принципы. Только тогда появятся и твердыя основы, только тогда почувствуется и твердая государственная почва подъ ногами.

Итогъ. Уже тридцать лѣтъ прошло, какъ наша высшая школа не выходитъ изъ непрерывнаго состоянія броженія. За это время ее несмѣтное число разъ пытались «оздоровить» и «успокоить», отыскивая «корень зла» и находя его, по указаніямъ патріотическихъ доносовъ, то въ профессорахъ, то въ самихъ студентахъ. А между тѣмъ истинный корень зла сразу указанъ былъ той же щедринской Правдой. «Корень зла, свинья? корень зла... корень зла... Въ тебѣ, свинья!»

Кровопротіе въ одесскомъ университетѣ.

Къ исторіи русскихъ университетовъ прибавилась новая, невиданная даже въ ихъ скорбной лѣтописи страница. Сравнительно коротокъ еще ихъ вѣкъ, но горькимъ опытомъ они безъ всякаго сравненія богаче европейскихъ, и за послѣднія 25 лѣтъ надъ ними такъ часто разражались бѣды, что общество почти устало сострадать. Но даже наиболѣе притупленные жестокою безсмыслицею русской жизни нервы — и тѣ, конечно, не могли не затрепетать при сообщеніи о новомъ университетскомъ событіи, случившемся въ Одессѣ. «Въ химической аудиторіи была сходка. Начальство вызвало полицію». Это обыкновенно. Но дальше идутъ фразы, производящія впечатлѣніе кошмара. «Прибывшій полицеймейстеръ во главѣ усиленнаго наряда полиціи направился въ зданіе, осыпаемый градомъ пуль изъ оконъ зданія. По приказанію полицеймейстера былъ данъ залпъ, послѣ чего стрѣльба изъ оконъ прекратилась. Одинъ студентъ раненъ смертельно въ затылокъ, одинъ — въ ногу; одинъ контуженъ. Всего ранено трое студентовъ... Чиновъ полиціи ранено семь». Въ университетскихъ стѣнахъ, какъ на полѣ сраженія, льется кровь... Запросъ объ этомъ «прис-

шестви» въ Государственной Думѣ,—запросъ, который не ставитъ себя ждать и въ срочности которому, конечно, не откажутъ,—броситъ на всѣ подробности тяжелой катастрофы должный свѣтъ. Но какъ бы эти подробности ни развернулись, само событіе все-таки останется ужаснымъ.

И гдѣ же разразилась эта неслыханная катастрофа? Въ томъ университетѣ, который за послѣднее время со стороны присяжныхъ успокоителей и въ Государственной Думѣ, и въ министерствѣ просвѣщенія служилъ предметомъ восторженныхъ похвалъ въ отличіе отъ прочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ собою за послѣдніе годы новороссійскій университетъ? Опредѣлить это можно очень кратко. Новороссійскій университетъ за это время сталъ таковъ, какими г. Пуринкевичъ и его единомышленники хотѣли бы видѣть всѣ русскіе университеты. Стараніями мѣстной университетской и общей администраціи тотъ идеаль, который положенъ въ основу новаго общаго устава російскихъ университетовъ, былъ уже осуществленъ въ Одессѣ. Профессорская коллегія подверглась должной переборкѣ, и въ нее влитъ былъ истинно правительственный духъ. Всѣмъ памятно судебное преслѣдованіе, возбужденное министерствомъ противъ профессоровъ Занчевскаго и Васьковскаго, бывшихъ ректора и проректора новороссійскаго университета, по обвиненію въ бездѣйствіи власти. Посты эти были поручены взамѣнъ столь слабымъ лицъ инымъ, рука которыхъ не страдаетъ недостаткомъ силы. Такою крѣпкою рукой въ университетѣ было создано и близкое подобіе шварцевскаго института «приставовъ». Они здѣсь только назывались «смотрителями зданія», съ обязанностью слѣдить за поведеніемъ студентовъ вообще, а въ частности за тѣмъ, чтобы студенты не устраивали никакихъ собраній хотя бы для переговоровъ по самымъ невиннымъ вопросамъ ихъ обыденной университетской жизни. За исключеніемъ группы такъ-называемыхъ «союзниковъ»,—характеръ этой группы достаточно извѣстенъ,—вся прочая студенческая масса была распылена, и каждый индивидуумъ былъ предметомъ бдительнаго надзора. Студенты жаловались, что сыщиками кишитъ университетъ, что агенты тайной полиціи сидятъ даже въ аудиторіяхъ во время лекцій.

Пусть тутъ играетъ свою роль болѣзненная подозрительность. Но ее надо было на этотъ ладъ настроить. Кто слишкомъ громко возвышалъ свой голосъ противъ новаго режима, того смиряли различными дисциплинарными взысканіями, среди которыхъ особенно дѣйствительными признавались такія мѣры, какъ лишеніе права на освобожденіе отъ платы и на полученіе пособій и стипендій, что въ нашихъ студенческихъ условіяхъ равносильно во многихъ случаяхъ прямому обреченію на голодъ. А исключенные изъ университета становились предметомъ особаго вниманія со стороны такой администраціи, какою управляется Одесса.

На радость всѣмъ поклонникамъ крѣпкой руки казалось, что въ Одессѣ найденъ вѣрный путь къ желанному успокоенію университетовъ. Передъ защитниками университетской автономіи постоянно подчеркивалась разница между тишиной, царящею въ Одессѣ, и шумомъ въ другихъ университетахъ. И вдругъ за мертвой тишиною—взрывъ, показавшій, какое броженіе происходило подъ одесскимъ гнетомъ. Хотѣли терроромъ обратить университетъ въ арену мирныхъ занятій исключительно наукой и обратили въ поле настоящаго кровопролитнаго сраженія, создали неслыханный, даже, казалось бы, немыслимый въ исторіи образованія фактъ. Тому, кто сколько-нибудь способенъ учиться изъ событій, это—нагляднѣйшій урокъ краснорѣчье всѣхъ доказательствъ. Но по его жестокости судьба могла бы насъ отъ него избавить. Слишкомъ много...

Походъ „Новаго Времени“.

И ненавидитъ же реакціонный лагерь университеты... Въ Одессѣ разразилась прискорбнѣйшая катастрофа. Можно бы было ждать, что хоть простое чувство общественнаго приличія побудитъ всѣ политическія партіи выразить русской высшей школѣ чувства состраданія при видѣ испытаннаго ею горя, или, по крайней мѣрѣ, заставить хоть на короткій срокъ прекратить на нее нападки. Но если кто такъ думалъ, тому пришлось недолго оставаться въ заблужденіи. Горе... приличіе... мысль, что трагедія разыгралась какъ-разъ въ университетѣ,

администрировавшемся по реакціонному рецепту,—все это надобно оставить на долю наивнымъ или стыдливимъ людямъ. Реакція куеть себѣ оружіе изъ всякаго желѣза, лишь бы оно было горячо, и печальное событіе въ одесскомъ университетѣ немедленно было использовано реакціонерами, чтобы начать генеральный штурмъ на всѣ русскіе университеты.

Съ особымъ пыломъ бросилось на этотъ штурмъ «Новое Время». Въ одномъ субботнемъ номерѣ газета помѣстила сразу три большихъ статьи, вышедшихъ изъ-подъ пера г. Богданова (члена Государственной Думы), г. Меншикова и г. Ежова, гдѣ авторы различными путями стремятся къ одной общей цѣли,—снести съ лица земли всякую память о «Временныхъ правилахъ» 1905 г. съ ихъ самостоятельностью профессорскихъ коллегій, разрѣшеніемъ студенческихъ организацій и связью между студенчествомъ и профессорами. Атаку на студенческія организаціи взялъ на себя г. Богдановъ, атаку на профессоровъ—г. Меншиковъ, заботу о расшатываніи связи между учащими и учащимися въ университетахъ—г. Ежовъ. При этомъ г. Богдановъ и г. Меншиковъ нападаютъ съ фронта. Г. Богдановъ начинаетъ свою статью «Неотложное дѣло» прямо съ изъявленія скорби о томъ, что «университетскій уставъ взятъ изъ Государственной Думы» и что надолго отложены всѣ связывавшіяся съ нимъ надежды. Одна изъ намѣчавшихся уставомъ реформъ,—продолжаетъ онъ,—должна однако безотлагательно быть проведена независимо отъ судьбы общаго устава, и эта мѣра состоитъ въ полномъ искорененіи студенческихъ сходокъ и организацій. Только собранія внѣ университета на тѣхъ же основаніяхъ, какъ для всѣхъ російскихъ гражданъ—и ничего другого! И пусть не говорятъ: много разъ пробовали запрещать, все равно,—выходило только хуже. По мнѣнію г. Богданова, если изъ запрещеній ничего не выходило, то потому лишь, что они были недовольно тверды. Покрѣпче руку,—въ родѣ, какъ въ Одессѣ,—и запрещеніе приведетъ къ желаннымъ результатамъ.

Безъ обиняковъ и г. Меншиковъ высказываетъ свои обвиненія противъ профессоровъ въ статьѣ «Хирургическая мѣра». Смутьяновъ изъ студентовъ повелѣно исключать. Прекрасно.

Жаль только, что подобное распоряженіе не восплѣдовало раньше. Слѣдуетъ строгій выговоръ со стороны г. Меншикова гг. министрамъ за трехнедѣльное бездѣйствіе власти и наставленіе, какъ они должны ею пользоваться нынѣ. «Побольше настойчивости. Ничто такъ не подстрекаетъ къ бунту, какъ слабость сопротивленія ему. Что касается академическаго бунта, то слишкомъ ясно, что не одни студенты повинны въ немъ. Вина броженія лежитъ на профессорской корпораціи. Если тутъ нѣтъ явно преступныхъ выступленій, то есть болѣе опасныя, скрытыя, которыя правительство должно разслѣдовать и оцѣнить въ полной мѣрѣ. *Исключеніе*—превосходная мѣра и единственно серьезная. Отдѣлить овецъ отъ козлищъ—ничего лучшаго не будетъ придумано даже при кончинѣ міра. Но исключеніе вредныхъ людей должно вестись съ хирургической строгостью».

Совсѣмъ иначе берется за задачу г. Ежовъ. Онъ даже впадаетъ въ видимое противорѣчіе съ г. Меншиковымъ. Статья его носитъ заглавіе: «Университетская трагедія». Въ чемъ эта «университетская трагедія»? Въ томъ,—утверждаетъ авторъ,—что нѣтъ достойныхъ своего званія профессоровъ. Ну, что сейчасъ за профессор, хотя бы въ наблюдаемомъ имъ московскомъ университетѣ? «Слаба, рыхла и не авторитетна теперь наша московская профессура». «Послушайте, что говорятъ студенты, почитайте, что печатаетъ о профессорахъ журналъ «Студенческая Жизнь». Вообще, «вполнѣ понятно, что студенчество имѣетъ основанія критически относиться къ своимъ профессорамъ, не довѣрять ихъ искренности и возмущаться кое-какими явленіями среди самихъ своихъ воспитателей и наставниковъ». Отсюда и успѣхъ революціонной пропаганды. «Попавъ на такую шаткую позицію, молодой студентъ, конечно, колеблется, не знаетъ, кого слушать, чьи завѣты исполнять, какимъ богамъ молиться,—и его беретъ въ полонъ первый краснбай-агитаторъ». Однако противорѣчіе г. Ежова съ г. Меншиковымъ идетъ не глубоко. И г. Ежовъ видитъ рѣшеніе университетскаго вопроса въ замѣнѣ «наемниковъ, которые видятъ волка и бѣгаютъ», добрыми пастырями, которые травятъ волка. Въ видѣ образчика добраго пастыря

рисуетя между прочимъ извѣстный одесскій проф. Головинъ, забаллотированный московскимъ медицинскимъ факультетомъ. Итакъ, усилія гг. ново-временцевъ комбинированы. А тактика, построенная на забрасываніи грязью и на уничтоженіи профессуры, могла бы въ случаѣ успѣха еще усилить рознь между студентами и профессорами, что для враговъ университетовъ, конечно, является однимъ изъ главныхъ залоговъ окончательной побѣды.

«Новое Время» давно уже играетъ въ глазахъ общества роль флюгера, указывающаго, откуда дуетъ вѣтеръ и какой надо ждать погоды «въ сферахъ», и на статьи его обращаютъ вниманіе не за ихъ аргументацію, а какъ на знаменіе времени. Тѣмъ же, кто всего ближе заинтересованъ въ отраженіи начавшейся атаки,—наличному составу учащихся и учащихся въ университетахъ,—надо особенно замѣтить, какъ бы хотѣлось «Новому Времени» и тѣмъ, кто пользуется его услугами, взлелѣять всѣ существующія между профессурой и частью студенчества сѣмена раздора. Слово «universitas», «университетъ», первоначально означало «universitas magistrorum et scholarium», «союзъ преподавателей и студентовъ» таковой-то высшей школы. Если когда умѣстна подобная историческая справка, то именно теперь.

Конфликтъ г. Кассо съ московскимъ университетомъ.

1911 годъ.

Постановленіе совѣта московскаго университета 2 февр. 1911 года ¹⁾.

«Совѣтъ Императорскаго московскаго университета въ настоящій тяжелый моментъ своей вѣковой исторіи считаетъ необходимымъ обратиться къ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія съ представленіемъ по поводу проникшихъ въ печать офиціозныхъ свѣдѣній (сообщенныхъ «Освѣдомительнымъ Бюро») о предлагаемомъ или состоявшемся удаленіи изъ числа профессоровъ московскаго университета А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова. Совѣтъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе правительства на слѣдующія обстоятельства.

Поводомъ къ мѣрѣ, предпринятой противъ означенныхъ лицъ, послужила подача ими прошенія объ освобожденіи ихъ отъ обязанностей ректора, помощника ректора и проректора, на каковыя должности они были избраны совѣтомъ Императорскаго московскаго университета. Въ засѣданіи совѣта, въ пятницу 28-го января 1911 года, совѣтъ единогласно выразилъ имъ благодарность за ихъ дѣятельность и въ то же время почти единогласно (голосами всѣхъ противъ одного)

¹⁾ Статьѣ, явившейся откликомъ на данное постановленіе, предпосылаемъ самый текстъ этого историческаго документа.

внолиѣ присоединился къ изложеннымъ ими мотивамъ ихъ выхода въ отставку. Совѣтъ призналъ, что исполненіе своихъ обязанностей выбранными имъ лицами при дѣйствіи постановленія совѣта министровъ становится невозможнымъ. Ибо постановленіемъ совѣта министровъ отъ 11-го января создано въ университетѣ двоевластіе, никогда еще въ немъ не существовавшее. Практически изъ него вытекало, что или обѣ власти,—ректора и градоначальника,—перестали бы правильно функционировать, или одна изъ нихъ оказалась бы подчиненной другой.

Принимая свое рѣшеніе, совѣтъ руководился основнымъ правиломъ своей дѣятельности, которое онъ неуклонно проводилъ въ теченіе всего управленія университетомъ. Совѣтъ никогда не вводилъ въ университетъ политики, не переносилъ въ университетъ борьбы партій, разсматривалъ университетъ только какъ высшее культурное,—ученое и учебное,—учрежденіе въ странѣ. Если сейчасъ пересмотрѣть лѣтописи автономнаго управленія московскаго университета, въ нихъ не будетъ найдено ни одного факта, гдѣ бы совѣтъ отступилъ отъ этого основнаго принципа своей дѣятельности. Въ своемъ постановленіи отъ 28-го января совѣтъ всецѣло остался на той же академической почвѣ.

Совѣтъ не можетъ не считать себя тѣсно связаннымъ съ выборными имъ лицами не только потому, что они понесли кару благодаря его избранію, но и потому, что поступокъ, ими совершонный, признанъ совѣтомъ безусловно правильнымъ.

Вслѣдствіе этого создано положеніе дѣлъ, какое переживается московскимъ университетомъ въ его полуторавѣковой исторіи въ первый разъ. Совѣтъ университета не можетъ закрывать глаза на то, что предпринятая или проектированная мѣра вызываетъ дезорганизацию московскаго университета, и считаетъ себя обязаннымъ обратить на это вниманіе его превосходительства г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Благодаря этой мѣрѣ правильный ходъ академической жизни, на восстановленіе коего надежда еще не была окончательно потеряна, становится едва ли осуществимымъ. Совѣтъ не считаетъ возможнымъ умолчать, что рядъ профес-

соровъ московскаго университета смотреть на эту мѣру какъ на вынужденіе ихъ подать въ отставку, ибо удаленіе изъ университета людей, правильно исполнявшихъ возложенныя совѣтомъ на нихъ обязанности, переносить, по ихъ мнѣнію, все дѣло на почву личнаго достоинства.

Нельзя закрывать глаза на то, что иѣтъ возможности замѣнить уходящихъ и удаляемыхъ профессоровъ новыми лицами, которыя могли бы съ равнымъ успѣхомъ взять въ свои руки прерванное дѣло. Это не могло бы быть сдѣлано и въ странахъ, болѣе богатыхъ учеными силами, чѣмъ наша родина. Уходъ профессора, нерѣдко тѣсно связаннаго съ особымъ научнымъ учрежденіемъ, наноситъ огромный ударъ не только его дѣятельности, но и научной работѣ болѣе молодыхъ лицъ. Несмотря на это и на матеріальныя затрудненія рядъ профессоровъ удаляется изъ университета помимо своей воли или считаетъ себя вынужденнымъ совершить этотъ шагъ. Это ярко показываетъ, насколько тягостной становится академическая обстановка университетской жизни.

Въ тяжелые дни, переживаемые университетомъ, совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе правительства на то, что указываемая мѣра по своимъ слѣдствіямъ далеко выходитъ за предѣлы своего прямого назначенія.

Этой мѣрой разрушается вѣковое созданіе русской жизни и исторіи. Наносится самый тяжелый ударъ старѣйшему разсаднику просвѣщенія нашей родины, одному изъ крупныхъ европейскихъ центровъ научной мысли и знанія. Совѣтъ университета полагаетъ, что такого рода разрушеніе отнюдь не можетъ имѣть себѣ оправданія въ тѣхъ событіяхъ студенческой жизни, послѣдствіемъ борьбы съ которыми оно является. Эти событія вызвали для московскаго университета серьезное нарушеніе автономіи, но это нарушеніе не остановило студенческихъ безпорядковъ. Новая мѣра своими неизбежными послѣдствіями вноситъ еще большее волненіе въ университетскую среду. Ставя рядъ лицъ въ тяжелый конфликтъ между сознаниемъ своего служебнаго долга, продолженіемъ дорогого, любимаго дѣла и вопросами личной чести, она ведетъ только къ дезорганизации университета.

Основанный въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ срединѣ XVIII вѣка, московскій университетъ въ теченіе долгихъ лѣтъ своей исторіи былъ всегда связанъ тѣснѣйшими узами какъ со всей русской жизнью, безъ различія партій и направленій, такъ и со всѣми умственными центрами Запада. Все это время онъ находился подъ Высочайшимъ покровительствомъ всѣхъ Государей, занимавшихъ эти годы Россійскій Престолъ. Совѣтъ не можетъ допустить и мысли, чтобы г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія содѣйствовалъ своими мѣрами разрушенію старѣйшаго въ Россіи Императорскаго московскаго университета».

„Не угашайте духа“.

Темна наша дѣйствительность. Отовсюду жизнь нашу обступили порожденія мрака. Чтобы въ нашей обстановкѣ оставалась еще охота жить, нужна была надежда. Надежда эта цѣликомъ покоилась на ростѣ просвѣщенія. Или разумъ возьметъ у насъ свои права, какъ онъ ихъ взялъ въ другихъ болѣе счастливыхъ странахъ, или Россіи никогда не видать свѣтлыхъ дней, или Россіи суждено стать въ будущемъ рабыней у народовъ, сознавшихъ, что нѣтъ силы, которая могла бы равняться съ силой образованія, и обратившихъ эту силу въ главнѣйшее орудіе борьбы за существованіе.

Надежда эта была послѣднее, чѣмъ мы дышали въ нашей гнетущей атмосферѣ. И вдругъ—ударъ по самому чувствительному мѣсту. Чтобы просвѣщеніе принесло желанные плоды, всѣ виды школы одинаково необходимы, всѣ они должны между собой находиться во взаимодѣйствіи. Но на вопросъ, какой изъ видовъ школы является фундаментальнымъ, приходится отвѣтить съ виду парадоксально, на дѣлѣ же безусловно справедливо: конечно, университеты. Низшая школа не можетъ сама себя довлѣть. Ея работники должны создаваться средней школой. Средняя школа сама себя тоже не довлѣетъ. Довлѣютъ себя одни университеты. Они одни непрерывно возрождаютъ сами потребныя для нихъ умственныя силы. Они же являются и истинными созидателями всѣхъ иныхъ видовъ школы. Вся многосложная система народнаго образованія стоитъ

того, чего въ данной странѣ стоятъ учрежденія для высшаго образованія,—тѣ учрежденія, которыя являются носителями истинной науки. Все, что грозитъ нормальнымъ условіямъ развитія этихъ учреждений, грозитъ съ тѣмъ вмѣстѣ всей народной жизни. Рухни у насъ университеты, достойные своего названія, покинь у насъ университеты ихъ душа,—служеніе наукъ,—и не помогутъ намъ ни министерскіе проекты реформы средней школы, ни многомилліонные кредиты, отпускаемые Государственной Думой на размноженіе начальныхъ училищъ для народа. Все это создаетъ только возможность для насажденія у насъ культуры. Но, чтобы возможность эта была осуществлена, необходимъ «духъ живъ». Повѣять же онъ можетъ лишь изъ мѣстъ, гдѣ культивируется живая, свободная наука.

Понятно, въ такихъ условіяхъ, съ какимъ стѣсненіемъ, съ какою болью въ сердцѣ вся мыслящая Россія слѣдитъ теперь за тѣмъ, что происходитъ въ нашихъ университетахъ, и въ частности за тѣмъ, что происходитъ въ ихъ красѣ, въ старѣйшемъ и славнѣйшемъ изъ нихъ, въ московскомъ университетѣ. Правительство твердитъ, что общество не имѣетъ основаній волноваться: правительство ни въ какомъ случаѣ не допуститъ закрытія университетовъ. Но если двери университетовъ по приказу свыше остаются открыты для входа въ нихъ студентовъ въ сопровожденіи полицейской силы, то чрезъ тѣ же двери въ Москвѣ начался выходъ коллегіи университетскихъ преподавателей. А безъ нея университетъ—пустыя стѣны. Въ своемъ постановленіи отъ 2-го февраля совѣтъ московскаго университета писалъ: совѣтъ не считаетъ возможнымъ умолчать, что рядъ профессоровъ московскаго университета смотритъ на удаленіе изъ ихъ среды А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова какъ на вынужденіе подать въ отставку, ибо удаленіе изъ университета людей, правильно исполнявшихъ возложенныя совѣтомъ на нихъ обязанности, переноситъ все дѣло на почву личнаго достоинства.—То, о чемъ четыре дня тому назадъ совѣтъ говорилъ еще какъ о возможности, то сейчасъ стало фактомъ. Длинный рядъ лицъ съ громкими въ наукѣ именами числится въ списокѣ подавшихъ прошеніе объ отставкѣ, и списокъ этотъ далеко не законченъ. Уже сейчасъ

на юридическомъ факультетѣ, напримѣръ,—если все дѣло не получить иного разрѣшенія,—пройти курсъ юридическихъ наукъ оказывается невозможнымъ. А дальше въ грудѣ обломковъ угрожаютъ превратиться и другіе факультеты. И нечего обманывать себя: профессоровъ, которые могли бы достойно замѣстить собою уходящихъ, въ Россіи нѣтъ. Длинный рядъ лѣтъ долженъ протечь, пока московскому университету удастся снова стать сколько-нибудь похожимъ на то, что онъ еще недавно собою представлялъ, и то если за это время произойдетъ полный отказъ отъ современнаго полицейскаго режима. А сколько поколѣній учащихся останется при этомъ недоучкой... Такъ чего ради происходитъ эта гибель?

Въ своемъ постановленіи совѣтъ сдержанно указалъ, какой цѣной для настоящаго профессора покупается рѣшимость оставить *alma mater*. Не говори совѣтъ здѣсь о самомъ себѣ, онъ бы нашелъ, конечно, и другіе гораздо болѣе горячіе и высокіе тоны. Сравнительно еще счастливы тѣ, кто посвятилъ себя такимъ отдѣламъ знанія, которые могутъ получать и прикладной характеръ. Но тотъ, кто отдался всецѣло чистой наукѣ, способной культивироваться и распространяться только въ атмосферѣ высшей научной школы и въ тѣхъ условіяхъ работы, какія она своимъ труженикамъ предоставляетъ,—для того отказъ отъ дѣятельности въ университетѣ почти равенъ потерѣ смысла въ жизни. Нельзя же закрывать глаза на это положеніе? Нельзя же не принимать въ расчетъ и то, что люди, приносящіе для спасенія своего достоинства такую жертву, уже по возрасту и по своему научному авторитету поставлены совершенно внѣ подозрѣнія въ способности уступать какимъ-нибудь минутнымъ вѣяніямъ, какимъ-нибудь легкомысленнымъ мотивамъ. И неужели же все это никакъ не ляжетъ на вѣсы для тѣхъ, за кѣмъ здѣсь остается послѣднее слово? Неужели все это не заставитъ власть имущихъ продумать сызнова принятія мѣры и произвести тщательный пересмотръ своихъ рѣшеній?

«Духъ идѣже хочетъ дышать». Не угашайте же духа въ угоду пагубному фантому престижа власти.

Разгромъ русской высшей школы.

1912 годъ.

Истекшій 1911 годъ въ исторіи высшей школы явился глубоко-драматическимъ финаломъ характернаго эпизода, имѣющаго содержаніемъ попытку внести въ академическую жизнь «обновленной» Россіи начала права и свободы, безъ которыхъ не можетъ быть успѣшнаго развитія просвѣщенія и науки.

Вступленіе къ эпизоду—августъ мѣсяць «безумнаго» 1905 года. Близило время открывать снова двери высшихъ учебныхъ заведеній, но ясно было, что безъ особыхъ мѣръ занятія тамъ не возобновятся. Собрано было 11 августа въ Петербургѣ правительственное совѣщаніе по этому вопросу. Министръ народнаго просвѣщенія,—имъ былъ тогда ген. Глазовъ,—видѣлъ исходъ только въ широкомъ примѣненіи полицейской силы и на пути репрессій предлагалъ не останавливаться даже передъ общимъ увольненіемъ студентовъ и профессоровъ. Антагонистомъ выступилъ,—такой тогда былъ воздухъ,—не кто иной, какъ завѣдывавшій полиціей товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ ген. Треповъ. Высшія школы,—прочелъ онъ лекцію своему коллегѣ,—не улица, гдѣ полиція является начальствомъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы никто не дозволялъ себѣ нарушенія благочинія и порядка. Въ стѣнахъ каждаго учрежденія поддержаніе порядка—дѣло хозяина, которымъ признаются соотвѣтственныя вѣдомственныя власти. Расширять сферу дѣйствій полиціи на внутренность высшихъ учебныхъ заведеній значитъ уничтожать въ концѣ и безъ того расшатанный авторитетъ учебнаго упр-

вления. Общее увольнение профессоров? Хорошо было бы, если бы их можно было заменить другими. А то впоследствии придется обратиться к тем же лицам. Лучшие элементы, оскорбленные такой расправой, на службу не вернутся. Останутся лишь худшие, с которыми правительство само не будет знать, что делать. И Трепов предложил пойти в обратном направлении, — в направлении мэра, способных возсоздать в высших учебных заведениях самостоятельное авторитетное руководство ими. «Существующие уставы высших учебных заведений, — говорил он, — как неопровержимо доказали события последнего времени, несостоятельны и должны быть изменены. Поэтому и так как по краткости времени нет возможности выработать и провести в законодательном порядке новые уставы, следовало бы теперь же издать временные правила, коими предоставлялось бы советам высших учебных заведений право внутреннего распорядка академической жизни и дело устройства студенчества на началах самостоятельности и ответственности за порядок. В таком же смысле высказались Манухинъ, Шванебахъ и съ особою решительностью Коковцевъ. В концѣ-концовъ мнѣніе о необходимости дать высшей школѣ автономное устройство на совѣщаніи решительно восторжествовало. Такъ увидали свѣтъ «Временныя правила 27 августа 1905 года».

Общество встрѣтило ихъ безъ энтузіазма. Занятое борьбой за коренныя перемѣны въ условіяхъ государственнаго существованія Россіи, за водвореніе во всей русской жизни правового строя, оно и не имѣло основаній придавать особое значеніе этому частичному успѣху. Въ пору такой борьбы все равно не могло быть мѣста для мирныхъ, правильныхъ занятій въ высшей школѣ, — какъ не было ихъ въ нѣмецкихъ университетахъ при реформаціонномъ переворотѣ, какъ не было ихъ во Франціи въ эпоху Великой революціи. Но и позднѣе, когда «безумный» годъ отошелъ въ вѣчность съ большинствомъ его мечтаній, новое автономное устройство не сразу признано было за палладіумъ въ самой же высшей школѣ. Въ малыхъ размѣрахъ здѣсь повторилось то, что уже давно наблюдено исторіей въ большомъ масштабѣ, при смѣнѣ политическихъ режимовъ. Первое время

деспотизма нерѣдко выступаетъ въ блескъ, которымъ при болѣе глубокомъ анализѣ оно оказывается обязаннымъ не себѣ, а возбужденію силъ, вызванному предшествовавшимъ періодомъ свободы, и, наоборотъ, печальный видъ нерѣдко представляетъ собой первая пора свободы изъ-за того, что ей приходится разсчитываться съ такими пагубными переживаніями деспотизма, какъ духъ инертности и атрофія истиннаго уваженія къ закону. Сами профессора, которыхъ старый уставъ разсматривалъ почти что какъ отдѣльныхъ посѣтителей высшей школы съ цѣлью произнесенія лекцій, не могли сразу сродиться въ дѣйствительныя коллегіи, стояція на высотѣ новой отвѣтственной задачи, и у иныхъ изъ груди прямо вылетали вздохи о добромъ времени, когда при всякомъ неустройствѣ ихъ дѣломъ было только бранить не ими избранное академическое начальство. Студенческая же масса, расколыхавшись, привыкли вершить сама все задѣвающіе ее вопросы «явочнымъ порядкомъ», не проявляла склонности иначе относиться къ профессорскому авторитету, чѣмъ къ прежнимъ блюстителямъ академической дисциплины. Глядя на внутреннія тренія въ высшей школѣ, на проявленія недисциплинированности студентовъ, на пробы крайнихъ партій продолжать пользоваться учащейся молодежью въ революціонныхъ цѣляхъ, сторонники реакціи самодовольно потирали руки. Казалось, что автономію высшихъ учебныхъ заведений въ непродолжительномъ времени можно будетъ уничтожить на самомъ благовидномъ основаніи — на основаніи того, что нашъ академическій міръ въ лицѣ профессоровъ и въ лицѣ студентовъ весь не доросъ еще до умѣнья пользоваться свободой.

Дѣйствительность однако обманула эти злорадныя надежды. Того немногаго, что было достигнуто въ гражданской жизни освободительнымъ движеніемъ, въ соединеніи съ «Временными правилами» оказалось довольно, чтобы академическая жизнь скорѣе, чѣмъ можно было думать, вошла въ нормальное свое русло. Уже къ 1907 году стало ясно, что автономія, — эта форма, логически вытекающая здѣсь изъ сути дѣла, — пришлась по плечу и нашей высшей школѣ, какъ ея старшимъ сестрамъ въ Западной Европѣ. Изъ мѣста смуть университеты обратились въ мѣсто строительства на полѣ, на которомъ приходилось

произвести огромную работу. За тот длинный періодъ, когда съ русскою высшею школою производились только полицейскіе эксперименты, жизнь шла впередъ, не спрашиваясь, какъ отнесется къ этому русское министерство народнаго просвѣщенія, и выставила въ области высшаго образованія рядъ новыхъ проблемъ высокой важности съ повелительнымъ требованіемъ на нихъ отвѣта.— Не такъ давно въ извѣстной рѣчи на юбилей лейпцигскаго университета знаменитый Вундтъ высоко компетентною рукой очертилъ метаморфозу нѣмецкихъ университетовъ, начавшуюся съ конца прошлаго столѣтія. Они сложились, говорилъ онъ, какъ приспособленныя къ государственнымъ надобностямъ школы. Но массовый наплывъ учащихся въ ихъ стѣны—невѣдомое ранѣе явленіе—показываетъ, что ихъ спокойному существованію на этой почвѣ пришелъ конецъ. Новый періодъ открывается въ ихъ исторіи. Со службы только государству жизнь переводитъ ихъ прямо на службу обществу со всеѣмъ многообразіемъ его нуждъ—переворотъ, который смѣло можно приравнять къ самымъ глубокимъ, какіе когда-нибудь происходили въ существованіи этого многовѣкового учрежденія. А параллельно мощное развитіе наукъ само ломаетъ традиціонныя рамки академическаго преподаванія. Отсюда въ нѣмецкомъ университетскомъ мірѣ тревога и исканія—неизбѣжные спутники преобразовательныхъ эпохъ.—Условія, вызывающія необходимость коренныхъ реформъ въ складѣ всего преподаванія въ высшей школѣ, назрѣли и у насъ въ Россіи. Но между тѣмъ, какъ западные сосѣди уже принялись торить здѣсь новыя дороги, мы оставались при своей рутинѣ, успѣвъ отстать далеко отъ движенія вѣка. Теперь, когда у дѣятелей высшей школы оказались развязанными руки, пришлось нагонять упущенное время. Начавшаяся въ этомъ направленіи работа широкимъ кругамъ общества была видна почти-что только съ своей формальной стороны—какъ переходъ отъ «курсовой» на новую «предметную систему». За этой формою однако скрывались итоги кореннаго пересмотра вопроса о задачахъ и приемахъ высшаго научнаго преподаванія. При сложности и тонкости такого предпріятія и здѣсь дѣло пошло на ладъ не сразу. Но и здѣсь также время ясно оказывалось союзникомъ автономной высшей школы.

Въ 1907 году реакціонерамъ стало очевидно, что, дожидаясь, пока академическая свобода сама для себя вырастетъ могилу, они рискуютъ жестоко обмануться. А между тѣмъ та роль, которую студенты и профессора сыграли въ освободительномъ движеніи, наполняла душу «объединеннаго дворянства», «союзниковъ» и прочихъ крайнихъ правыхъ жаждой мести. Рѣшено было начать открытую атаку. На выкинутомъ знамени было написано: «изгнаніе политики изъ школы».

На смыслѣ этой формулы приходится остановить вниманіе. Когда позднѣйшій историкъ судебъ образованія въ Россіи будетъ знакомиться съ московскимъ университетомъ, какимъ онъ былъ къ началу 1911 года, принесшаго ему неслыханный разгромъ, онъ несомнѣнно признаетъ его школою, гдѣ политика нисколько не вліяла на исполненіе профессорскою коллегіею ея академическихъ задачъ. Возьметъ ли онъ составъ выборнаго управленія университетомъ, онъ увидитъ на-ряду съ ректоромъ, носившимъ опредѣленную политическую окраску, троихъ декановъ столь же опредѣленнаго, но совершенно иного политическаго цвѣта. Четвертый же деканъ, а также два другіе члена президіума, не принимали никакого участія въ какихъ-либо политическихъ выступленіяхъ и выдавались только какъ ученые фигуры. Посмотритъ ли онъ списокъ лицъ, которыми коллегія за время дѣйствія автономіи пополнила среду преподавателей университета,—опять та же картина. Съ 1906 года по 1911 годъ въ московскомъ университетѣ избрано было въ профессора 25 новыхъ лицъ, носившихъ самые разные политическіе оттѣнки или не имѣвшихъ никакого политическаго цвѣта. О численномъ преобладаніи среди нихъ «лѣвыхъ» элементовъ статистика говорить не позволяетъ. Если же такъ кое-кому казалось, то вызывалось это качественной стороною дѣла. Немудрено, что за такой фигурой, какъ С. А. Муромцевъ, само правительство проглядывало на томъ же факультетѣ рядъ профессоровъ другого стиля. Но виновата въ этомъ была никакъ уже не партійность выборной коллегіи: это является знаменательной особенностью всей русской жизни. Замѣтитъ будущій историкъ и то, что среди этой профессорскою коллегіи какъ членъ ея вращался безъ всякихъ треній самъ разгромившій ее впоследствии министръ г. Кассо.

Надѣлавшее больше всего шума неприглашеніе въ составъ профессоровъ Головина? Но какъ университетъ при здоровомъ взглядѣ на то, въ чемъ заключается вредное смѣшеніе политики и дѣла высшей школы, самъ могъ бы пригласить къ себѣ лицо, завѣдомо влагавшее совсѣмъ иной смыслъ въ лозунгъ: «политикѣ не должно быть мѣста въ школѣ»,—тотъ смыслъ, который привелъ къ такимъ жестокимъ и подѣ конецъ кровавымъ безмыслицамъ внутреннюю жизнь одесскаго университета, тотъ смыслъ, который извращалъ все истинное содержаніе этой формулы и дѣлалъ изъ нея орудіе враговъ свободы и самоуправления высшей школы.

А производится подобный фокусъ очень просто, при помощи самой нехитрой передержки. Стоитъ придать слову «политика» суженное значеніе,—какъ ходитъ мудреное слово «качество» въ иныхъ не блещущихъ образованіемъ кругахъ, гдѣ сочиняются рекламы въ родѣ: «вакса сія не имѣетъ никакихъ качествъ», или гдѣ Толстой подслушалъ свое «Отъ ней всѣ качества». Политика тутъ значитъ «вредная политика»—вредная по оцѣнкѣ тѣхъ, кому она вредна и кто къ услугамъ имѣетъ правительственную силу. Дальнѣйшее раскрытіе содержанія приведенной формулы при такомъ опредѣленіи главнаго изъ входящихъ въ нее понятій становится излишне. Это достаточно намъ комментировали ея приверженцы словами и дѣлами.

Чтобы достигнуть цѣли, реакціонный лагерь добился прежде всего смѣны лицъ, стоявшихъ во главѣ вѣдомства просвѣщенія. 1-го января 1908 года г. Кауфманъ и г. Герасимовъ уступили мѣсто г. Шварцу и г. Ульянову. Новое управленіе вѣдомствомъ сразу натянуло возжи. Май мѣсяцъ принесъ отмѣну распоряженія профессорскихъ коллегій о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ университетахъ. Въ іюлѣ воспослѣдовалъ указъ о запрещеніи студентамъ выбирать «факультетскихъ представителей», старость и т. п. Къ началу новаго академическаго года съ профессоровъ потребована была подписка о непринадлежности къ противоправительственнымъ партіямъ. Осенью г. министръ спросилъ у сената извѣстное «разъясненіе» «Временныхъ правилъ».

Тою же осенью университеты послѣ значительнаго перерыва

сдѣлались снова театромъ безпорядковъ, при чемъ студенчество уже выступало на защиту той самой автономіи, къ которой оно сначала такъ было равнодушно отнеслось. То было признакомъ, что автономія пустила корни. Но еще болѣе блестящимъ доказательствомъ явился здѣсь исходъ студенческихъ волненій: своими силами, путемъ внушенія, безъ каръ, безъ жертвъ выборное университетское начальство сумѣло ихъ утишить.

Развязка возникшаго конфликта ожидалась на почвѣ преній въ высшихъ законодательныхъ собраніяхъ. Дѣйствительно, г. Шварцъ, взявъ въ руки управленіе министерствомъ, отложилъ въ сторону проектъ университетскаго устава, составленный при г. Кауфманѣ въ духѣ «Временныхъ правилъ», и принялся немедленно за разработку собственнаго проекта въ духѣ помянутаго сенатскаго разъясненія тѣхъ же правилъ. Но, будучи законникомъ,—какъ самъ онъ выражался,—г. Шварцъ не могъ не отнестись съ большою тщательностью къ составленію новаго закона. А пока шла необходимая для этого сложная работа, высшая школа жила въ успѣвшемъ уже окрѣпнуть укладѣ самоуправленія, и,—какъ это ни странно прозвучитъ,—последніе полтора года министерства г. Шварца приходится считать самымъ счастливымъ ея временемъ больше чѣмъ за цѣлую четверть вѣка. Указанные выше труды по обновленію всей системы академическаго преподаванія наукъ начали мало-по-малу приводить къ желаннымъ результатамъ. Поднялась бодрость, стали подростать въ ученое мірѣ надежныя молодыя силы, и даже опубликованіе очень бюрократическаго новаго «Проекта общаго устава россійскихъ университетовъ» не погрузило академическую среду въ уныніе. Дума способна будетъ кое-что скинуть съ бюрократическихъ претензій, а остальное, быть можетъ, перемелетъ жизнь,—таково было настроеніе весной 1910 года въ университетскихъ сферахъ.

Тревожнымъ симптомомъ тою же весной явилась, правда, извѣстная бѣшеная вылазка крайнихъ правыхъ въ Думѣ, гдѣ прорвалась вся злоба, которую кипѣли единомышленники г. Нуришкевича противъ студенчества и прогрессивной профессуры. Но грязныя, циническія инсинуаціи, раздавшіяся съ думской трибуны, ближайшимъ образомъ только возстановили обще-

ство противъ авторовъ запроса. Когда же осенью г. Шварцъ довольно неожиданно вынужденъ былъ уступить свой министерскій постъ г. Кассо, то въ академическихъ кругахъ затеплилась надежда, что университеты въ ближайшемъ по крайней мѣрѣ будущемъ останутся въ покоѣ. Г. Кассо въ качествѣ министра былъ встрѣченъ, правда, съ недоумѣніемъ, но это чувство не носило недоброжелательнаго оттѣнка. Г. Кассо вскорѣ послѣ назначенія сталъ предметомъ нападковъ крайнихъ правыхъ. Г. Кассо взялъ для пересмотра шварцевскій проектъ университетскаго устава. Кто могъ бы думать, что это—«провиденціальныи челоуѣкъ», какого реакція давно себѣ желала, что университеты пакануѣ катастрофы?

Сама катастрофа налетѣла съ быстротой смерча. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ послѣ кончины Л. Н. Толстого по русскимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ широкой, но совершенно поверхностной волной вновь прокатились студенческія выступленія на почвѣ общаго политическаго недовольства условіями современной жизни. Петербургъ, Москва, Кіевъ, Харьковъ, Одесса увидѣли студенческія манифестаціи съ лозунгомъ: «отмѣна смертной казни». Манифестаціи повлекли за собой рядъ арестовъ. Аресты вызвали въ Москвѣ и въ Петербургѣ неразрѣшенные студенческія сходы. Но въ сходахъ и манифестаціяхъ участіе принимало лишь меньшинство студентовъ. Масса не проявляла склонности примкнуть къ движенію, и попытки устроить длительную забастовку остались безъ успѣха. Волненія вспыхнули еще разъ въ послѣднихъ числахъ ноября и въ первыхъ числахъ декабря по случаю оглашенія событій въ Горномъ Зерентуѣ, но интенсивность ихъ на этотъ разъ была еще слабѣе, и выборныя академическія власти имѣли основательныя причины полагать, что до серьезныхъ беспорядковъ дѣло не дойдетъ.

Въ мотивахъ бурной реакціи правительства на эти вспышки трудно еще сейчасъ съ достаточною ясностью разобраться. Сколько тутъ было искренняго испуга, вызваннаго алармистскими донесеніями охраны; сколько тутъ надо отнести на несомнѣнно сказавшееся желаніе реакціонеровъ не пропустить удобнаго случая и, воспользовавшись новымъ прегрѣшеніемъ лѣвыхъ партій, свести старые счеты съ автономной высшей школой; какую

роль сыграла общая импульсивность лица, стоявшаго у кормила власти,—все это сможетъ въ точности опредѣлить лишь будущій историкъ. Какъ бы то ни было, въ рептильной прессѣ немедленно поднялся крикъ о томъ, что гидра революціи вновь высунула голову, былъ отданъ лозунгъ «отечество въ опасности», и приняты были соотвѣтственныя мѣры, не оставлявшія ничего желать въ качествѣ образцовъ революціоннаго консерватизма.

10 декабря совѣтъ министровъ поручилъ главнымъ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ безотлагательно распорядиться исключеніемъ изъ учебныхъ заведеній всѣхъ подстрекателей къ самовольнымъ сходамъ и беспорядкамъ. Способъ узнать подобныхъ вредныхъ лицъ? «Новое Время» дало по этому вопросу компетентный комментарий: охрана знаетъ, и надобно руководствоваться безъ всякихъ слѣдственныхъ и судебныхъ проволочекъ указаніями охраны. Безотлагательно началась и разсылка по высшимъ школамъ проскрипціонныхъ списковъ. Тутъ наступило время рождественскихъ вакацій. Онѣ использованы были для съѣзда въ Петербургѣ правой профессуры, которая совѣщалась въ «Національномъ клубѣ» между собой, а также съ нѣкоторыми представителями правыхъ партій въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и посылала депутацію къ премьеръ-министру. Къ возобновленію занятій 11 января совѣтъ министровъ издалъ второе распоряженіе: остановить дѣйствіе правилъ 11 іюля 1907 года о студенческихъ собраніяхъ, не разрѣшать никакого рода сходовъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, малѣйшее поползновеніе устроить сходку пресѣкать немедленнымъ вызовомъ полиціи, виновныхъ подвергать сейчасъ же исключенію. Отвѣтственность за могущіе возникнуть беспорядки при этомъ возлагалась «всей своей тяжестью прежде всего на начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ лицъ и на профессорскія коллегіи». А параллельно съ этимъ,—какъ выяснилось при послѣдовавшихъ событіяхъ,—лицамъ, стоявшимъ во главѣ полиціи по университетскимъ городамъ, отданъ былъ приказъ вводить вооруженную силу въ высшія учебныя заведенія не только по приглашенію учебнаго начальства, но и по собственному почину при первомъ слухѣ о начинающихся беспорядкахъ.

Такъ завершился одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ круговъ въ исторіи русской высшей школы: 11 августа 1905 года—11 января 1911 года. Лекція Трепова о разницѣ между улицей и внутренностью высшей школы, о разграниченіи функций полиціи и функций вѣдомственнаго начальства въ дѣлѣ поддержанія порядка для 1911 года показала устарѣлой. На мѣсто ея выводовъ поставленъ былъ своеобразный синтезъ мнѣнія ген. Глазова со «Временными правилами 27 августа», которыя, — надо замѣтить, — не были отмѣнены. «Успокоеніе» высшей школы должно было пойти сразу въ два кнута. Отвѣтственность за беспорядки «всей тяжестью своею» сразу возлагалась и на профессорскія коллегіи «автономной» школы и на полицію, получившую невозбранный доступъ въ эту школу, несмотря на всю ея «автономію».

Послѣдовавшія событія такъ ярки и съ такой живостью стоятъ еще у всѣхъ передъ глазами, что было бы излишне ихъ излагать подробно. Да и перо отказывается... Довольно будетъ отмѣтить бѣгло главнѣйшіе моменты.

Неудержимый взрывъ студенческихъ волненій въ отвѣтъ на новыя правительственныя распоряженія. Полиція въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Массовые аресты и высылки учащихся со множествомъ превосходящихъ всякое вѣроятіе ошибокъ. Рѣзкія требованія высшаго учебнаго начальства, чтобы, несмотря ни на что, чтеніе лекцій не прекращалось. Угроза высшимъ женскимъ курсамъ совсѣмъ закрыть ихъ, если въ нихъ будутъ приостановлены занятія. Въ академической жизни полный хаосъ. 28 января докладъ президіума московскаго университета университетскому совѣту о невозможности создаваемаго двоевластія, согласіе совѣта и подача ректоромъ, помощникомъ ректора и проректоромъ прошеній объ увольненіи отъ занимаемыхъ ими административныхъ должностей. Правительственная кара: приказъ 1 февраля объ отстраненіи профессоровъ, входившихъ въ составъ президіума, отъ всякой дѣятельности въ университетѣ. Протестъ противъ подобной кары со стороны совѣта и подача прошеній объ отставкѣ цѣлымъ рядомъ виднѣйшихъ членовъ московскаго университета, имена которыхъ извѣстны всей образованной Россіи. Бесплодныя по-

пытки оставшихся профессоровъ отправить для объясненій депутацію къ министру. Спустя немного увольненіе изъ кievскаго политехникума трехъ декановъ и выходъ въ отставку ряда ихъ товарищей-профессоровъ. Запросъ объ университетскихъ событіяхъ въ Государственной Думѣ съ отклоненіемъ его слѣшности голосами господствующихъ партій. Безчисленныя выраженія въ Москвѣ симпатій къ преподавателямъ, оставившимъ университетъ, и протесты противъ разрушительной политики министерства. Старанія учебнаго вѣдомства съ возможной скоростью замѣстить пустующія каѳедры въ Москвѣ и отказы переходить въ Москву, полученные отъ наиболѣе серьезныхъ специалистовъ. Весенніе экзамены студентовъ, не посѣщавшихъ лекцій въ теченіе почти всего семестра, какъ доказательство, что занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не прекращались. Отказъ директора женскаго медицинскаго института проф. Салазкина идти по поводу зачета семестра на какія-либо фикціи, и та же кара ему, какъ и президіуму московскаго университета. Лѣтомъ исключеніе изъ института всѣхъ слушательницъ кромѣ 27, съ частичнымъ отказомъ осенью отъ этой мѣры. «Недоразумѣніе» съ отставкою шести профессоровъ того же института. Проба переводить профессоровъ съ мѣста на мѣсто по начальственному усмотрѣнію и вызванный ею выходъ проф. Пергамента въ отставку. А въ заключеніе необходимо отмѣтить двѣ общихъ мѣры. Осенью послѣ окончательнаго успокоенія университетовъ министерство распорядилось, чтобы сведена была на нѣтъ «предметная система», о внутреннемъ значеніи которой мы раньше говорили. Съ другой стороны, было рѣшено изъять заботу о подготовкѣ будущихъ профессоровъ изъ рукъ преподавателей русскихъ университетовъ и учредить для этой цѣли особые институты, помѣщающіеся за границей, но состоящіе подъ прямымъ контролемъ высшей учебной администраціи въ Петербургѣ. Этотъ проектъ вызвалъ суровое осужденіе со стороны самой Академіи Наукъ, что не остановило однако его движенія.

Жестокій годъ, жестокіе итоги. По злой ироніи судьбы въ годъ чествованія памяти Ломоносова было разгромлено его созданіе, — разгромленъ первый изъ русскихъ университетовъ, — этотъ важнѣйшій изъ русскихъ очаговъ науки, этотъ питомникъ,

такъ широко снабжавшій необходимыми научными силами другія менѣе счастливо поставленныя высшія школы. Конечно, учебныя занятія въ немъ сейчасъ, повидимому, идутъ такъ, какъ будто бы ничего и не случилось. Но это—видимость, которой могутъ утѣшаться тѣ, кому невыгодно заглядывать поглубже. На дѣлѣ университетъ не въ состояніи болѣе справляться хотя бы только съ учебной частью. Онъ неспособенъ предложить студентамъ въ должной полнотѣ даже всѣхъ необходимыхъ курсовъ; главная же педагогическая задача,—практическое введеніе въ занятія наукой,—оказывается совершенно не под силу остаткамъ его преподавательскаго персонала. А мерзость запустѣнія въ лабораторіяхъ, гдѣ кипѣла столь оживленная научная изслѣдовательская работа? Реакціонный лагерь торжествуетъ, что многія изъ опустѣвшихъ московскихъ кафедръ все же удалось замѣстить. Но бросимъ взглядъ пошире. Г. Шварцъ недавно съ безпокойствомъ заявлялъ, что въ вѣренныя ему университетахъ пустуетъ 110 кафедръ. За годъ правленія г. Кассо число это поднялось до 146,—цифра, краснорѣчиво говорящая о томъ, куда продвинулись отъ «искорененія политики» всѣ вообще русскіе университеты. Но пострадали не одни университеты: напомнимъ участь кіевскаго политехническаго института, который представляетъ теперь лишь тѣнь той полной энергіи и инициативы школы, какой онъ былъ недавно. А человѣческія жертвы: десятки академическихъ преподавателей, сбитыхъ съ ихъ жизненной дороги; сотни учащихся, выброшенныхъ окончательно за двери высшей школы; цѣлыя тысячи больно помятыхъ расходившеюся рукой учебной власти? Въ активѣ же что? Что куплено подобной цѣной? Установленіе прочнаго порядка и уваженія къ закону въ высшей школѣ? Совсѣмъ наоборотъ. Къ устойчивому равновѣсію годъ съ небольшимъ тому назадъ, жизнь высшей школы, несомнѣнно, была гораздо ближе, и среди всѣхъ послѣдствій исключительныхъ мѣръ 1911 года какъ-разъ въ томъ всего больше и отравы, что онѣ разоряютъ въ ней всякое понятіе о законности и правопорядкѣ. Кто бы взялся сказать, что сейчасъ можетъ признаваться въ этой области дѣйствующимъ закономъ? Чѣмъ нормируются права учащихся и учащихся, и гдѣ лежитъ пре-

дѣлъ административнымъ усмотрѣніямъ? Въ подобныхъ же условіяхъ «приспособляемость къ обстоятельствамъ» со всѣми известными ея послѣдствіями необходимо станетъ специфической принадлежностью академическаго міра.

И тѣмъ не менѣе истекшій годъ не можетъ считаться безотраднымъ. Напротивъ, въ исторіи русской школы онъ будетъ вписанъ блестящими чертами подъ именемъ героическаго года—«года 139-ти», по числу университетскихъ тружениковъ, дѣломъ протестовавшихъ противъ плѣненія полицейской силой московскаго университета. Для насъ, смотрящихъ на событія изблизи, степень общественнаго значенія того, чему свидѣтельницею была Россія въ февралѣ, еще ступшевается благодаря чувству скорби,—скорби при видѣ положенія дорогого всѣмъ образованнымъ русскимъ университета, скорби при мысли о потеряхъ, понесенныхъ всей русской наукой изъ-за разстройства дѣятельности ряда выдающихся ученыхъ, скорби и обиды за личную ихъ участь, наконецъ. Но если оглянуться на подобные примѣры въ прошломъ, скорбь уступаетъ мѣсто иному поднимающему душу чувству. Тяжель ударъ былъ, нанесенный славному геттингенскому университету правительствомъ, изгнавшимъ изъ него семерыхъ блестящихъ представителей науки за ихъ протестъ противъ реакціоннаго государственнаго переворота. Но что въ конечномъ счетѣ значилъ такой ущербъ, что значили перенесенныя изгнанниками испытанія сравнительно съ моральнымъ выигрышемъ и университетовъ, и всего лагерь борцовъ за политическую свободу, явившимся послѣдствіемъ мужественнаго акта «семерыхъ». 1837 годъ въ исторіи германскихъ университетовъ считается не годомъ траура, а годомъ, окруженнымъ особымъ ореоломъ. И,—если взять масштабъ еще крупнѣе,—не просто ли было Джордано Бруно сохранить для служенія наукѣ свою жизнь, согласившись лишь выговорить слова формулы отреченія? Но горы философскихъ трудовъ о свободѣ мысли не сдѣлали бы для ея торжества того, что сдѣлалъ одинъ этотъ поборникъ, поставивъ выше сохраненія самой жизни незыблемую вѣрность убѣжденіямъ и долгу личной чести.

Панацея г. Кассо.

1911 годъ.

Поѣхали... Г. товарищъ министра просвѣщенія Шевяковъ изъ Петербурга выѣхалъ въ Парижъ, Тюбингенъ и Карльсруэ, а г. харьковскій попечитель Соколовскій,—русскій нѣмецъ со славянской фамиліей,—направился въ страны ему родныя, въ Берлинъ и Лейпцигъ. Г. Кассо утомился разрушеніемъ. Г. Кассо начинаетъ созидательную работу. Не то, чтобы онъ собрался внести обратно въ Думу подготовленные его предшественникомъ и взятые имъ для пересмотра устава высшей и средней школы. Нѣтъ, съ этимъ можно и подождать. Г. Кассо въ памятной своей нововременской бесѣдѣ такъ ясно показалъ, что дѣло не въ уставахъ, что дѣло въ людяхъ. Творить людей и тронулись теперь гг. Шевяковъ и Соколовскій ¹⁾).

¹⁾ Въ самый разгаръ волненій въ университетахъ „Новое Время“ освѣдомилось у г. Кассо относительно общей его программы. Приводимъ здѣсь существеннѣйшую часть его отвѣта, обещавшаго въ свое время всю печать.

„Вы спрашиваете, въ какомъ направленіи будетъ выработанъ новый университетскій уставъ. Я считаю ненормальнымъ и недопустимымъ, чтобы каждыя 20 лѣтъ вводился новый уставъ. Этого мы не видимъ нигдѣ, кромѣ Россіи. Составленіе новаго устава я считаю совершенно безцѣльнымъ и ненужнымъ. Постоянная смѣна уставовъ, какъ выяснилось на практикѣ русскихъ университетовъ, никакой существенной пользы дѣлу не приноситъ и не можетъ принести. Нельзя заранѣе предусмотрѣть и урегулировать всѣ стороны университетской жизни. Измѣненія и преобразованія должны вводиться постепенно, осторожно, въ соотвѣтствіи съ жизненными требованіями

Изъ той же замѣчательной бесѣды извѣстно, какъ г. Кассо такимъ путемъ надѣется облагодѣтельствовать Россію. Пройдетъ немного лѣтъ,—по исчисленію г. министра какихъ-нибудь три или четыре года,—и весь видъ высшей русской школы станетъ неузнаваемъ. На мѣсто самородныхъ ученыхъ, подготовлявшихся къ профессорскому званію первоначально въ самой же варварской Россіи,—на мѣсто всѣхъ этихъ бунтарей, покинувшихъ въ такомъ количествѣ московскій университетъ и кiev-

и нуждами университета и государства. Всякую другую систему реформы университетскаго устава я нахожу не только бесполезной, но прямо вредной. Въ русскихъ университетахъ вводились уставы, противоположные другъ другу, и въ результатѣ получалось все большее и большее паденіе университета. Систему коренной ломки необходимо замѣнить системой постепенныхъ преобразованій. Уставъ 1884 года имѣетъ много хорошихъ сторонъ; дополненный Высочайшимъ указомъ отъ 27-го августа, онъ можетъ прекрасно функционировать. Во всякомъ случаѣ никакой уставъ не можетъ сразу исправить всѣ недостатки университета и обратить его въ цвѣтущее учрежденіе. Для этого нужна долгая упорная работа.

— Наиболее печальными явленіями я считаю научный упадокъ университета, пониженіе его научной производительности, недостатки высшаго преподаванія. Но тутъ не въ состояніи помочь никакіе уставы, никакіе законы. Въ настоящее время у насъ имѣется 112 свободныхъ кафедръ,—у насъ нѣтъ профессоровъ. Я предполагаю отправить за границу достаточное количество молодыхъ людей для подготовки къ профессурѣ. Мѣра эта однажды была примѣнена въ Россіи и дала прекрасные результаты. Эта массовая командировка будетъ организована на слѣдующихъ основаніяхъ: для лицъ, отправляемыхъ за границу, будутъ устроены спеціальныя отдѣленія,—родъ семинарій при французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ, гдѣ они будутъ слушать особые курсы и работать подъ руководствомъ и контролемъ профессоровъ. Въ своихъ работахъ и занятіяхъ они должны будутъ дать отчетъ. Такія семинаріи для подготовки профессоровъ я предполагаю устроить въ Берлинѣ и Парижѣ—для юристовъ, въ Гейдельбергѣ—для естественниковъ, въ Парижѣ—для медиковъ. Такимъ образомъ, черезъ три—четыре года мы будемъ имѣть достаточное количество вполне подготовленныхъ профессоровъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ за границей, научившись тамъ работать, ознакомившись на практикѣ съ заграничными университетскими порядками, они составятъ кадръ преподавателей, способныхъ перевоспитать школьные нравы, оздоровить университетскую атмосферу, реорганизовать высшее преподаваніе, не говоря о томъ, что мѣра эта является единственнымъ выходомъ изъ создававшагося ненормальнаго положенія, когда въ десяти университетахъ пустоеть 112 кафедръ.“

скій политехникумъ, и тѣхъ, что сердцемъ съ ними,—стануть хорошіе работоспособные, законопослушные профессора опредѣленной, высокой, заграничной марки. Что будетъ значить какой-нибудь проф. Тимпразевъ передъ: «Имярекъ, біологъ изъ Тюбингена»; какой-нибудь проф. Ротъ или Салазкинъ передъ: «Имярекъ, медикъ изъ Парижа»; или какой-нибудь проф. Шиндлеръ передъ «Имярекъ, технологъ изъ Карльсруэ». Ну, и, конечно, высшая школа заживетъ совсѣмъ другой жизнью. Въ ней сбудется прошеніе «о благораствореніи воздуховъ, объ изобиліи плодовъ земныхъ и временъхъ мирныхъ». «Школьные нравы перевоспитаются, университетская атмосфера оздоровится, высшее преподаваніе реорганизуется»... Придетъ конецъ смутамъ и нестроению. Наступитъ золотой вѣкъ: эра Кассо. И, открывъ истинную панацею противъ всѣхъ недуговъ образованія въ Россіи, г. министръ рѣшилъ распространить ее и на область средней школы: въ Лейпцигѣ снова будетъ заведеніе для подготовки образцовыхъ учителей русскихъ гимназій.

«Суета суетъ,—сказалъ Екклесіастъ,—суета суетъ,—все суета»...

«Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ и возвращается вѣтеръ на круги свои...»

Такъ суетится, такъ кружится, какъ вѣтеръ, возвращаясь на круги свои, и петербургское правительство въ дѣлѣ школы. Отправка будущихъ профессоровъ для обученія за границу, организація особаго «профессорскаго института» при нѣмецкомъ дерптскомъ университетѣ,—такъ велось дѣло, когда русскіе университеты находились въ дѣтствѣ. Затѣмъ, правительство признало ихъ способными довлѣть самимъ себѣ и средней школѣ. Мы эманципируемся отъ школьной указки нѣмцевъ. Но кругъ—и снова безъ нѣмцевъ намъ оказывается невозмож-но обойтись. Въ Лейпцигѣ учреждается институтъ для приготовления учителей въ Россію. Ему на смѣну въ непосредственномъ преемствѣ основывается въ Берлинѣ заведеніе для приготовления юридическихъ профессоровъ въ Россію. Затѣя лопнула, но снова кругъ—и мы опять на старомъ мѣстѣ: спасенье за границей въ нѣмцахъ и французахъ.

Нѣтъ, говорятъ, напрасно думать, будто бы правъ Екклесіастъ,—будто бы исторія чловѣчества идетъ по кругу. Такъ только кажется. На дѣлѣ исторія двигается по спирали, идя на видъ кругами, но съ каждымъ оборотомъ поднимаясь выше. Быть-можетъ, такъ. Быть-можетъ, исторія двигается и по спирали. Только напрасно утверждать, будто движеніе это всегда оказывается восходящимъ. Бываетъ и движеніе по спирали внизъ. Таковы наши походы за образованіемъ «къ варягамъ».

Вначалѣ, за первую половину XIX вѣка, когда наука русская еще была въ пеленкахъ, они имѣли полный смыслъ, полное общественное оправданіе. Во времена Петра Великаго къ нѣмцамъ приходилось ходить даже за плотничьимъ ремесломъ, не только за наукой. Второе обращеніе къ образовательнымъ услугамъ нѣмцевъ,—устройство въ Лейпцигѣ филологическаго института,—имѣло по крайней мѣрѣ партійный смыслъ. Толстовская команда, добившись вопреки общественному мнѣнію торжества классической системы, спѣшила использовать свою побѣду, старалась не дать остыть желѣзу. И въ основаніи берлинскаго профессорскаго семинарія можно еще отыскать смыслъ хоть личный. Въ виду закрытія по настоянію министерства финансовъ «за бесполезностью» помянутаго лейпцигскаго института петербургскому его директору, располагавшему въ министерствѣ достаточнымъ влияніемъ, скучной, конечно, явилась перспектива остаться безъ оклада. Мѣсто директора новаго семинарія въ Берлинѣ съ тѣмъ же окладомъ и сняло съ его сердца такую скуку. Но въ томъ, что замышляется сейчасъ, никакъ уже не увидишь ничего допускающаго оправданіе: дальнѣйшій спускъ по той же исторической спирали.

Нуждаются ли молодые русскіе ученые, готовящіеся къ профессурѣ, въ командировкахъ съ научной цѣлью за границу? Да, да и тысячу разъ да. Объ этомъ первые твердили министерству просвѣщенія сами же русскіе университеты; они всегда настаивали на возможномъ расширеніи соотвѣтственныхъ кредитовъ, а министерство съ трудомъ ассигновало на это гроши. Русская профессура нисколько не страдаетъ болѣзнию само-мнѣнія. Въ ней нѣтъ тѣни склонности отгораживаться отъ Запада китайской стѣной. Напротивъ, съ горячимъ чувствомъ

напутствуетъ обыкновенно русскій профессоръ юнаго своего ученика въ первую его заграничную поѣздку, по большей части вспоминая проведенные на вольномъ воздухѣ европейскихъ университетовъ молодые годы, какъ лучшее время своей жизни.

Но министерство заботится не о большей широтѣ и льготности подобныхъ заграничныхъ командировокъ со стороны русскихъ университетовъ. Нѣтъ, оно собираетъ все дѣло подготовки къ профессурѣ поставить на новыя основы. Русскіе университеты—въ сторону. Ихъ будущіе преподаватели подъ руководствомъ министерства будутъ приготавливаться за границей въ особыхъ специальныхъ школахъ, пристроенныхъ къ французскимъ и нѣмецкимъ университетамъ.

Школы же эти обречены безусловному провалу. Азбука университетскаго дѣла гласитъ: истинный профессоръ долженъ быть прежде всего истиннымъ ученымъ. Ученые же, дѣйствительные служители и двигатели науки, рождаются, а не фабрикуются, и данный имъ отъ неба талантъ для своего развитія требуетъ свободы въ исканіи своихъ путей, свободы самоопредѣленія. Чтобы кадры университетскихъ преподавателей успѣшно пополнялись, людямъ, ведущимъ высшее преподаваніе, необходимо зорко слѣдить за массой слушателей, подмѣчая не такъ уже часто встрѣчающіеся вообще въ родѣ людскомъ таланты. Когда же талантъ подмѣченъ, въ немъ надо пробудить научное одушевленіе; при руководствѣ же имъ не забывать, что самодѣятельность въ истинной наукѣ есть альфа и омега.

Ничего этого министерство знать не хочетъ. Для него кажется возможной «выучка наукъ», какъ всякому другому ремеслу. Былъ бы учителемъ хорошій иностранный мастеръ, да было бы наблюденіе, чтобы посланные къ нему молодые ребята не гуляли; вотъ и все, и живо наготовишь профессоровъ всякаго званія и рода.

Мысль—соблазнительная для всѣхъ, кому закрыта природа истинной науки,—подобные же люди встрѣчаются не такъ уже рѣдко и между лицами, гордящимися обладаніемъ магистерскихъ и докторскихъ патентовъ. Мысль, соблазнявшая въ дѣйствительности прямолинейныхъ правителей, въ родѣ Наполеоновъ. Мысль, испытавшая долговременную провѣрку на опытѣ

французской высшей школы. Мысль, брошенная на Западѣ безповоротно, причемъ остались только во Франціи кое-какія явленія переживанія. И вотъ она,—вдобавокъ въ жестоко изуродованной формѣ,—еще разъ возрождается восточными администраторами, сердца которыхъ льнуть къ Западу, его не понимая.

Но что намъ обращаться къ оцѣнкѣ французскихъ заведеній въ родѣ Ecole Normale или Ecole Polytechnique,—по-своему все же глубоко-почтенныхъ,—когда у насъ такъ свѣжъ еще помянутый уже нами оригинальный опытъ устройства расадника русскихъ профессоровъ въ Берлинѣ.—Съ введеніемъ у насъ въ 1884 г. новаго устава университетамъ нашимъ всего нужнѣе профессора римскаго права. Россія же неспособна сама производить совершенныхъ «романистовъ». Спасеніе въ Берлинѣ, гдѣ такъ сіяютъ звѣзды въ этой области науки. Такъ, господа, кому пріятно бы было занять впоследствии профессорскую кафедру въ Россіи, пожалуйста въ Берлинѣ, стипендіатами, на казенный счетъ.—Кличъ кликнуть. Отозвались подвижные люди. Кончивъ курсъ въ университетѣ, человекъ и въ мысляхъ не имѣлъ возможности профессорской карьеры. А тутъ оказія—во всякомъ случаѣ за счетъ казны прожить порядочное время за границей.—Звѣзды берлинскія остались не очень утѣшены наѣхавшимъ заимствоваться ихъ сіяніемъ народомъ. По большей части плохой матеріаль: не обольщайтесь.—Правда, сообразило министерство. Кромѣ охоты ѣхать за границу, тутъ надобно и кое-что иное. Придется отбирать матеріаль для поступленія. И прежняя доступность семинарія въ Берлинѣ стѣсняется. Онъ предназначенъ для оставленныхъ при университетѣ,—т.-е. безъ тѣхъ же русскихъ университетовъ оказывается невозможнымъ производить важнѣйшую изъ нужныхъ операций,—операцию отбора подающихъ какія-нибудь надежды молодыхъ ученыхъ.—Но у «оставленныхъ при университетѣ» не оказалось большого рвенія вступать въ ряды берлинскихъ семинаристовъ. Кто на себя надѣялся, предпочиталъ дожидаться сдачи магистерскаго экзамена и ѣхать вольнымъ человекомъ съ обычной университетской командировкой за границу. Такой совѣтъ давали своимъ ученикамъ и русскіе

авторитеты, какъ будущій министръ, тогда профессоръ римскаго права въ Москвѣ, Н. П. Боголѣповъ. Извѣстно, что вопреки глубокой общей правительственности своего склада мыслей, къ этой затѣѣ петербургскаго правительства онъ съ самаго начала высказывалъ рѣзко отрицательное—и даже порицательное—отношеніе. Кое-кто однако въ берлинскій семинарій понабрался, но несмотря на высоту преподаванія изо всѣхъ его питомцевъ только одинъ дѣйствительно выдвинулся въ наукѣ,—да и тотъ врядъ ли станетъ сейчасъ хвалить такую семинарскую систему. Еще немногіе дошли хоть до того, чтобы съ приличіемъ передавать съ кафедръ то, что они слушали у нѣмецкихъ профессоровъ въ Берлинѣ. А большинство сбредлось въ Берлинъ, и разбрелось оттуда снова по Россіи такими же «обывателями», какъ и раньше. И какъ ни дорожилъ А. И. Георгіевскій своимъ созданиемъ, берлинскій семинарій пришлось закрыть, возвративъ дѣло подготовки русскихъ профессоровъ на прежнюю дорогу. Слишкомъ уже громко было слышно, какъ отъ такихъ педагогическихъ фантазій «русскія деньги плачутъ».

Съ тѣхъ поръ прошло полтора десятка лѣтъ, и Петербургъ снова принимается за то же—только въ значительно увеличенномъ масштабѣ, благо по случаю повторнаго хорошаго урожая въ казніѣ пока есть средства. Характерно, что мѣра эта, дышащая такимъ презрѣніемъ къ русской высшей школѣ и такимъ рабскимъ преклоненіемъ передъ «заграницей», идетъ изъ среды «объединеннаго правительства», кичащагося своимъ націонализмомъ. Побольше бы настоящей любви и уваженія къ своему родному, и былъ бы цѣль старѣйшій и почтеннѣйшій изъ русскихъ университетовъ, и не грозило бы русской высшей школѣ новое оскорбленіе, и не грозила бы ей новая опасность увидѣть на своихъ кафедрахъ по назначенію отъ министерства не подлинныхъ профессоровъ, а заграничныхъ «выучениковъ», «портныхъ изъ Лондона и Парижа», готовыхъ кроить любую науку по фасону, пріятному для вкуса такъ брезгающаго всѣмъ русскимъ космополита г. Кассо.

Изъ новыхъ университетскихъ нравовъ.

1911 годъ.

Расцвѣтъ классической системы. Московская гимназія,—которая по счету—все равно. Пятый классъ. Подъ руководствомъ самого директора юные латинисты штудируютъ овидіевы «Метаморфозы». Поэтъ описываетъ поверхность моря, гдѣ рѣзвятся дельфины.

«Ну,—дельфинъ,—комментируетъ директоръ.—Ну, это—рыба такая».

«А. А., дельфинъ—не рыба»,—раздается голосъ гимназиста, вкусившаго запретнаго плода,—читавшаго естественно-историческія книжки.

«Не рыба? А что же по-вашему?»

«Дельфинъ—млекопитающее»,—отвѣчаютъ хоромъ несовершеннолѣтніе преступники, единомышленники протестанта.

«Ну, что за глупости. Въ водѣ живетъ и молокомъ питается».

«А китъ. Онъ тоже...»

Сыщлются аргументы, но споръ немедля получаетъ окончательное разрѣшеніе.

«Хочу, чтобы былъ рыба,—высоко поднявъ голову и стукнувъ по столу, говоритъ директоръ,—и будетъ рыба. А вы-то, скверные мальчишки, останьтесь на два часа послѣ уроковъ за то, что смѣете противъ начальства спорить».

И правильно. Иначе, что бы случилось съ авторитетомъ и съ престижемъ власти?

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни. Въмѣсто директора—

высшее российское учебное начальство. Поднять по соответствию и рангъ тѣхъ собесѣдниковъ, съ которыми ведется діалогъ: это—совѣты высшихъ учебныхъ заведеній.

«Ну, вотъ,—такъ комментируетъ положеніе начальство,— затѣянная крамольниками забастовка и не удалась. Семестръ протекъ нормально и долженъ быть зачтенъ».

«Однако,—раздаются голоса.— По-настоящему, объ этомъ нельзя и говорить. Большинство лекцій совѣмъ не состоялось, а тѣ, что и читались, произносились передъ подставной аудиторіей».

И сразу отвѣтный грозный окрикъ: «Хочу, чтобы была рыба, и будетъ рыба... Хочу, чтобы состоялся, и будетъ состоявшимся, кто что ни говори».

И правильно. Нельзя же останавливаться предъ очевидностью, нельзя признать совершившагося факта. Иначе, что станетъ съ престижемъ власти?

А слѣдомъ засѣданіе московскаго юридическаго факультета,—или, вѣрнѣе, юридическаго Rumpparliament,—подобнаго которому не сыщешь въ университетскихъ анналахъ на всемъ свѣтѣ.

«М. Г., такъ какъ съ начальствомъ спорить не годится,— чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно поглядѣть на пустыя кресла,—то согласимся съ его желаніемъ, чтобы дельфинъ былъ рыба, и сдѣлаемъ изъ такой посылки все соответственныя заключенія».

Итакъ, приступимъ. Случай первый. Предметы, по которымъ на факультетѣ не осталось преподавателей совѣмъ. Какъ оцѣнить по нимъ познанія слушателей къ концу семестра?— Признать, что слушатели усвоили вполнѣ все, что преподаватели намѣревались имъ сообщить за второе полугодіе.—Безсмыслица? Быть-можетъ, но разъ начальство хочетъ, чтобы дельфинъ былъ рыбой...

Случай второй. Изъ двухъ преподавателей, читавшихъ параллельные курсы по тому же предмету, одинъ ушелъ, другой остался. Какъ тутъ быть?—Переписать аудиторію ушедшаго въ число слушателей того, кто остался на своемъ посту.— Но развѣ можно, начавши слушать курсъ у одного профес-

сора, слѣдить за тѣмъ, что къ концу года передъ своими слушателями говорить другой? И почему не приложить къ обоимъ случаямъ одну и ту же мѣру? Вѣдь неизвѣстно, которая изъ двухъ безсмыслицъ хуже.

Почему?.. Кто много будетъ знать, тотъ скоро состарится, и кто наивенъ, тотъ дни свои кончаетъ на соломѣ. Кто же не стѣсняется за своихъ слушателей признавать тѣхъ, кто его не слушалъ, тотъ получаетъ слѣдующій съ нихъ гонораръ,— и благо ему будетъ, и долготѣнь онъ будетъ на землѣ.

Хорошее начало. Хорошенькій цвѣтокъ расцвѣлъ въ оздоровленномъ г. Кассо университетѣ. Что же за ягодки будутъ впереди.

Гонение на привать-доцентовъ.

1911 годъ.

На-дняхъ въ московской печати къ замѣтному неудовольствію членовъ «обновленнаго» юридическаго факультета оглашены были постановленія, принятыя этимъ факультетомъ относительно привать-доцентовъ. Такихъ постановленій приводилось три: о воспрещеніи привать-доцентамъ открывать курсы въ параллель курсамъ, читающимся профессорами; о прекращеніи привать-доцентамъ доступа въ засѣданія факультета и о сведеніи для нихъ платы за годовой часъ съ 400 до 200 рублей.

Въ послѣдней своей части такое сообщеніе было неточно. Новая норма вознагражденія привать-доцентовъ предписана была не факультетомъ, а министерствомъ, и о ней надо говорить особо въ связи съ политикой, которую проводитъ министерство въ цѣляхъ борьбы съ такъ безпокоющей его недостаточностью преподавательскаго контингента въ высшей школѣ. Но двѣ другія мѣры всецѣло остаются на отвѣтственности факультета и хорошо характеризуютъ ту эволюцію, которая въ немъ совершается послѣ «обновленія».

Особаго вниманія заслуживаетъ первая изъ нихъ—постановленіе, чтобы привать-доценты не открывали курсовъ по тѣмъ предметамъ, которые пожелалъ оставить за собой тотъ или другой профессоръ. Чтобы оцѣнить по полному достоинству эту мѣру, надобно вспомнить одну изъ основныхъ идей университетскаго устава 1884 года.

Уставъ 1884 года ввелъ въ русскіе университеты два новше-

ства, заимствованныя изъ Германіи: институтъ привать-доцентовъ и систему гонорара. То и другое для составителей устава стояло въ тѣсной связи. То и другое являлось для нихъ лицевой и оборотной стороной одной медали, носившей надпись: введеніе принципа конкуренціи въ академическое преподаваніе. Чтобы не ходить за доказательствами далеко, мы приведемъ недавнее свидѣтельство по этому вопросу столь компетентнаго судьи, какъ само министерство просвѣщенія. «Не принесъ ожидаемой пользы и установленный уставомъ 1884 г. принципъ конкуренціи между преподавателями»,—говоритъ подписанная г. Шварцемъ «Объяснительная записка къ проекту общаго устава Императорскихъ російскихъ университетовъ». «По дѣйствующему нынѣ уставу, если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ нихъ, у кого самъ пожелаетъ (ст. 473). А такъ какъ осуществленіе этого права возможно лишь при значительномъ обиліи ученыхъ силъ, то составителями устава обращено было вниманіе, съ одной стороны, на *развитіе привать-доцентуры*, какъ института, способнаго служить источникомъ постоянного обновленія и усиленія преподавательскаго состава въ университетахъ, съ другой—на присканіе такихъ средствъ, которыя, возбуждая соревнованіе между преподавателями, способствовали бы и улучшенію самаго качества преподаванія. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ такого рода было признано *установленіе системы гонорара*».

Признавая, что русская дѣйствительность обманула такія ожиданія, возлагавшіяся на гонорарную систему,—что при отсутствіи надлежащаго запаса ученыхъ силъ и гонораръ не въ силахъ оказался вызвать сколько-нибудь широкаго развитія конкурирующихъ между собою параллельныхъ курсовъ,—г. Шварцъ послѣдовательно и предлагалъ уничтоженіе системы гонорара. Пользы она не принесла, разрата же много: такъ лучше поскорѣе поставить надъ ней крестъ. Но г. Шварцъ лишь собирался предложить все это на обсужденіе законодательныхъ собраній. Самъ онъ не находилъ возможнымъ для себя своею властью ломать постановленія существующаго устава.

Иначе отнеслись къ дѣлу гг. обновленцы и гг. перевоплощенцы юридическаго факультета. Ходъ разсужденія у нихъ таковъ. *Lern- und Lehrfreiheit*, свобода учиться и учить, свобода конкуренціи въ высшей школѣ должны быть признаны за пагубу, какъ всякая свобода. Начало премудрости — страхъ экзамена, — вотъ истинный принципъ, который надо полагать въ основу университетскаго преподаванія. А конкуренція способствуетъ ослабленію спасительнаго трепета студентовъ передъ «суднымъ днемъ». Чтобы привлечь къ себѣ побольше слушателей, конкурирующей съ профессоромъ приватъ-доцентъ можетъ идти на разныя экзаменаціонныя поблажки. Итакъ, въ заботѣ о должной высотѣ преподаванія мы воспретимъ приватъ-доцентамъ конкурировать съ профессорами. А гонораръ? Что же гонораръ? Разъ гонорарная система установлена закономъ, то законо-послушной штатной профессурѣ нельзя ее не соблюдать и не способствовать тому, чтобы она проявляла свою благодѣтельную силу. Итакъ, не надо конкуренціи, но гонораръ да здравствуетъ. Безъ конкуренціи же повысится и профессорская доля въ гонорарѣ. Полезно для студентовъ: ихъ можно будетъ экзаменовать поостроже. Полезно и для профессоровъ и съ точки зрѣнія душевнаго спокойствія и—главное—съ точки зрѣнія кармана.

Какъ при свободѣ конкуренціи въ университетѣ парализовать возможныя ея неблагоприятныя послѣдствія, связанные съ чуждой ея родиной, Германіи, русской системой производства экзаменаціонныхъ испытаній, — объ этомъ позаботились уже въ «старомъ» университетѣ. Для этого тамъ были выработаны мѣры — какъ равенство въ программахъ конкурирующихъ курсовъ и отдѣленіе вопроса о томъ, кого студентъ желаетъ слушать, отъ вопроса, кто будетъ ему производить повѣрочное испытаніе. Быть-можетъ, обновленцы находятъ, что это недостаточно для вознесенія экзаменнаго пугала на должную высоту. Но спрашивается, все-таки, кто же имъ далъ свободу своею факультетскою властью вычеркивать основныя идеи изъ устава, не потерявшаго еще своей законной силы?

Этотъ вопросъ о правѣ, впрочемъ, пусть будетъ поднятъ или пусть будетъ заглушенъ тѣми правительственными инстан-

ціями, которымъ о семъ вѣдать надлежитъ. Мы же постараемся только уяснить, какое настроеніе духа могло толкнуть гг. профессоровъ юридическаго факультета на ихъ эквилибристику — на прыганье черезъ барьеры, поставленные имъ закономъ и 27-милѣтней практикой его въ университетахъ.

Съ чего, въ самомъ дѣлѣ, заволновались профессора-юристы? Что ихъ пугаетъ въ статьяхъ столь ветхаго устава? Конечно, конкуренція приватъ-доцентовъ — вещь непріятная для штатной профессуры и въ матеріальномъ, и въ моральномъ смыслѣ. Но развѣ жизнь не показала, что при легальномъ допущеніи ея она у насъ на практикѣ почти неосуществима, что при уставѣ 1884 г. профессора на своихъ кафедрахъ сохраняли полную возможность спать спокойно, не опасаясь ни за престижъ свой (если таковой имѣлся), ни за свои доходы? Та же «объяснительная записка», которую мы поминали, официально констатировала фактъ, что за все долгое время дѣйствія устава 1884 г. «параллельные курсы осуществлялись лишь въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ». Откуда же въ факультетѣ такая нервность?

Но всякій человѣкъ въ собственномъ дѣлѣ является лучшимъ судьей, и если въ сердцѣ гг. профессоровъ закрался такой страхъ передъ приватъ-доцентурой, то, надо думать, для него есть какія-нибудь основанія. И то сказать. Вѣдь, времена мѣняются. Хорошо было г. Шварцу говорить: «Что касается въ частности приватъ-доцентовъ, то изъ нихъ большинство, не обладая ни достаточнымъ научнымъ цензомъ, ни академическимъ навыкомъ, не рѣшалось вступать въ соревнованіе ни съ опытными учеными, которые нерѣдко были ихъ учителями, ни даже между собой». А если профессора изъ «обновленцевъ» сами не чувствуютъ за собою ни опытности, ни заслугъ? А тутъ еще возможность, при одной мысли о которой обновленческія очи покидаетъ сонъ. Что если подуетъ вѣтеръ потеплѣе и возвратитъ въ стѣны московскаго университета «ихъ», тѣни которыхъ чудятся перевоплощенцамъ въ залѣ засѣданій? Что если обстоятельства вернутъ хотя бы на положеніи приватъ-доцентовъ тѣхъ самыхъ «опытныхъ ученыхъ», которые или были, или во всякомъ случаѣ годятся

быть учителями настоящихъ университетскихъ новобранцевъ?— Тогда что будешь дѣлать? Тогда та конкуренція, которая по западному образцу вводилась въ уставъ, какъ бичъ для безталанности и нерадивости въ университетахъ, начнетъ дѣйствительно стегать по самолюбію и по карману. Отъ молодого конкуррента можно еще отдѣлаться, потребовавъ согласно предоставленному закономъ факультетамъ праву, чтобы онъ представилъ на цензуру свой параллельный курсъ, и объявивъ его несоотвѣтствующимъ высотѣ науки. Но какой *donum imprudentiae* необходимъ, чтобы примѣнить такую мѣру къ какому-нибудь изъ общепризнанныхъ авторитетовъ? Нѣтъ, лучше общее постановленіе: прочь конкуренцію. Оно не сходится съ намѣреніями закона? А развѣ по нуждѣ закону не бываетъ премѣненія? Развѣ Россія вся по милости «нужды» не замѣнила закона исключительными положеніями? А тутъ есть и лазейка. Допустимъ, что, говоря о конкуренціи преподавателей, уставъ въ числѣ преподавателей не разумѣлъ привать-доцентовъ,—и все останется «на законномъ основаніи», какъ и приличествуетъ коллегіи юристовъ. Это—абсурдъ, конечно. Но ничего: сойдетъ и такъ, разъ можно быть увѣреннымъ, что министерству самому будетъ по душѣ такое толкованіе.

Нѣтъ, приведенное постановленіе факультета нельзя разсматривать иначе какъ его самоощипку. Кто чувствуетъ себя научной силой, тотъ не боится состязанія, тотъ неспособенъ изъ страха передъ нимъ весь юридическій свой умъ употреблять на перетолковываніе буквы закона въ прямомъ противорѣчій съ яснымъ его смысломъ. Подобное насилуваніе закона не производится изъ-за поправокъ въ технику повѣрочныхъ испытаній для студентовъ. Тутъ требуются стимулы острѣе, и факультетъ самъ себя выдалъ головою.

Вторымъ постановленіемъ привать-доцентамъ возбраняется впредь доступъ на засѣданія факультета. Здѣсь проявились уже не страхъ и неумѣренное влеченіе къ гонорару. Здѣсь проявились нелюбовь къ гласности и желаніе подчеркнуть свою профессорскую сановитость. Спокойнѣе безъ младшихъ,—такъ говорили нѣкоторые опытные члены факультета,—по молодости лѣтъ они нескромны; при нихъ нельзя ничего постановить

«дверемъ затвореннымъ». Да и солиднѣе: такъ яснѣе выступаетъ, кто собственно на факультетѣ хозяинъ и кто работникъ. За это «обновленцевъ», впрочемъ, нельзя не извинить. Униживъ себя страхомъ передъ конкуренціей со стороны привать-доцентовъ, должны же они были сами себя какъ-нибудь и возвеличить, принявъ при этомъ мѣры, чтобы публика не очень могла ихъ разглядѣть.

Одинъ изъ петербургскихъ beaux esprits, причастный по-нашему къ погрому, по-ихнему къ обновленію московскаго университета, передавалъ событія, разыгравшіяся въ февралѣ, въ видѣ такой охотничьей картины.—Мы знали, что университетъ, какъ лѣсъ, полонъ кадетскими волками. Но ихъ по одиночкѣ подика перелови. И вотъ была устроена какъ бы охота съ поросенкомъ. Всѣ волки сами повывскакали изъ лѣса, попавшись на хитрость. Въ лѣсу же теперь остались только зайцы да лисицы.

Мы далеки отъ мысли признавать правильность подобнаго сравненія. Какая хитрость тамъ, гдѣ дѣйствовала простая импульсивность. А все-таки нѣтъ-нѣтъ эти слова и вспомнятся при видѣ того, что совершается въ очищенномъ отъ профессоръ-политикановъ московскомъ университетѣ.

12 января 1913 года.

Татьянинъ день... Второй съ начала вавилонскаго плѣненія служителей науки, достигшихъ было земли обѣтованной послѣ долгодѣтняго скитанія въ пустынь... L'ordre règne en Varsovie... Желая выдать подобное спокойствіе зимней ночи за признакъ возвращенія живой учебной жизни въ нормальное русло, начальство рѣшило вновь праздновать въ этомъ году давно уже несправлявшійся въ Москвѣ университетскій праздникъ. Но нѣтъ никакой радости въ разстроенной погромомъ академической семьѣ, общество не мирится съ участью, выпавшей на долю старѣйшей русской высшей школы, холодомъ вѣтъ отъ стѣнъ, гдѣ соберется торжественное собраніе, и не согрѣтъ его проф. Тихомирову своей актовой бесѣдой «О чаѣ».

Да, хмуро остается небо надъ московскимъ университетомъ, хмуро внутри его, и хмуро смотритъ даже самое его зданіе снаружи. Дворецъ науки? Нѣтъ, принимать гостей сегодня будетъ ветхій домъ, гдѣ не поддерживается въ сноскомъ видѣ даже облицовка: красные кирпичи зіяютъ сквозь дыры въ штукатуркѣ. И въ голову тѣснится параллель. Три вольныхъ высшихъ школы въ Москвѣ перешли въ нынѣшнемъ академическомъ году на новоселье. Три новыхъ зданія, назначенныхъ для цѣлей просвѣщенія, поднялись сразу на трехъ окраинахъ Москвы. Кто не видѣлъ еще изъ москвичей, какъ выстроились высшіе женскіе курсы, коммерческій институтъ и университетъ имени Шанявскаго, — пусть не полѣнится взглянуть: безспорно стоитъ. Всѣ эти учрежденія дѣйствительно украсили Москву своими

вновь возведенными домами. Это—творенія архитектурнаго таланта, которыми можно похвастаться даже передъ иностранными гостями. Внутри же изящество соединяется съ тонкой приспособленностью къ учебнымъ цѣлямъ,—плодъ вдумчивой совмѣстной работы строителей-архитекторовъ и тѣхъ ученыхъ, которые осуществляютъ въ этихъ школахъ свое призваніе. Тепло тамъ дышитъ даже отъ холодныхъ камней, и весело, привольно чувствуетъ себя въ такихъ стѣнахъ наполняющая ихъ юная толпа. «*Наши* курсы», «*нашъ* институтъ», «*нашъ* университетъ»,—такое «*нашъ*» звучитъ тамъ задумчиво.

Не изъ камней, конечно, а изъ людей,—какъ говорилъ Пакье,—воздвигаются университеты. Но камни тоже подчасъ способны быть краснорѣчивы. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, такое чудо, что мы можемъ любоваться этими новыми храмами просвѣщенія, послѣ которыхъ нельзя безъ огорченія смотрѣть на обветшалый, подслѣповатый видъ, представляемый московскимъ правительственнымъ университетомъ? Или у насъ явились соперники американскихъ миллиардеровъ и къ частнымъ высшимъ школамъ прилили такія средства, которыя оказываются крупнѣе правительственныхъ ассигновокъ, отпускаемыхъ казеннымъ? Къ несчастью, нѣтъ. Изъ всѣхъ трехъ названныхъ высшихъ учебныхъ заведеній «капиталистомъ» можетъ называться только университетъ Шанявскаго. Но даже у него весь капиталъ равняется лишь ежегодному *доходу* московскаго Императорскаго университета. Коммерческому институту меценаты если и оказываютъ извѣстную поддержку, то далеко не въ очень крупной мѣрѣ, а высшимъ женскимъ курсамъ за все долгое время ихъ плодотворной дѣятельности почти не приходилось получать значительныхъ даровъ. Плата со слушателей, принадлежащихъ въ массѣ къ далеко не обезпеченному классу,—почти единственный источникъ существованія обоихъ учреждений. И вотъ изъ этихъ крохъ сложились зданія одного другого краше. Или, можетъ быть, въ коллегіяхъ, ведущихъ дѣло въ вольныхъ высшихъ школахъ, собрались какіе-нибудь совсѣмъ особенные люди—совсѣмъ другой породы, чѣмъ тѣ, что состоятъ профессорами въ правительственныхъ университетахъ? Имъ и удалось съ малыми средствами достигнуть бле-

стящихъ результатовъ. Нѣтъ, чувствуя расцвѣтъ въ Москвѣ вольнаго высшаго образованія, мы вмѣстѣ съ этимъ чувствуемъ и сегодняшняго юбиляра, московскій университетъ,— по крайней мѣрѣ такимъ, какимъ онъ былъ недавно. Вѣдь всѣ помянутыя учебныя заведенія—кость отъ его костей и плоть отъ плоти. Высшіе курсы прямо были основаны его профессорами, и безъ его поддержки ни институтъ, ни университетъ имени Шанявскаго не стали бы никогда на теперешнюю ногу. Всѣ эти учрежденія и не смотря на московскій университетъ, какъ конкурренты. Для нихъ онъ больше, чѣмъ для кого-нибудь, есть *alma mater*, и, какъ ни выгодно ихъ отличаетъ въ настоящую минуту исключительное обладаніе профессорами недавно составлявшими гордость правительственнаго университета, они проникнуты самымъ пламеннымъ желаніемъ, чтобы всѣ «ушедшіе» могли вернуться на прежнюю свою академическую ниву.

Разгадка чуда въ магическихъ словахъ: свобода и любовь. Любовью созданы при малыхъ средствахъ новые научные дворцы, любовью и согрѣты. Но любовь не вспыхиваетъ тамъ, гдѣ царствуютъ насиліе и гнетъ. Такъ пожелаемъ нынѣшнему юбиляру, какъ высшаго изъ благъ, возвращенія свободы. И это сбудется. Не вѣрять въ это значитъ отчаиваться въ будущности Россіи. Пусть только этотъ часъ свободы пробьетъ скорѣе для нашего университета, пока легко еще залѣчить зияющія раны, нанесенныя бюрократической рукой. Тогда Москва увидитъ и настоящій университетскій праздникъ,—праздникъ всѣхъ высшихъ школъ, которыя сомкнутся около *alma mater*, наравнѣ съ ними получившей право называться вольной.

Возникновеніе университета имени А. Л. Шанявскаго.

1913 годъ.

Истекшій 1912—1913 академическій годъ является крупной гранью въ исторіи московскаго городского университета. Скромно вступала въ жизнь эта высшая школа пять лѣтъ тому назадъ. У нея не было никакого помѣщенія, которое она могла бы назвать своимъ. Она даже нигдѣ не «квартировала»: она ютилась различными своими органами при самыхъ различныхъ учрежденіяхъ. Собранія Попечительнаго совѣта происходили въ Думѣ, если не на квартирѣ кого-либо изъ членовъ. Правленіе съ канцеляріей имѣли въ распоряженіи двѣ маленькія комнатки, оставшіяся случайно свободными у управленія городскими желѣзными дорогами. Учебныя занятія велись, главнымъ образомъ, въ рекреационныхъ залахъ одного изъ начальныхъ городскихъ училищъ: вечеромъ эти залы поспѣшно обращались въ аудиторіи или даже иногда въ лабораторіи съ тѣмъ, чтобы къ утру явиться снова очищенными для бѣготни дѣтей. Скромны были и размѣры дѣятельности университета: 11 преподавателей, неполныхъ четыре сотни слушателей—такъ начался первый семестръ 1908—1909 ак. года.

Со слѣдующаго года университетъ обставился уже лучше: на Волхонкѣ въ бывшемъ «Голицынскомъ дворцѣ», не безъ труда приспособленномъ къ учебнымъ нуждамъ, онъ себѣ создалъ болѣе прочную осѣдлость. Кончилась страда преподавателей естественныхъ наукъ, которые по праву вспоминаютъ какъ героическій періодъ время, когда они должны были вести

требующія сложныхъ опытовъ занятія въ помѣщеніи, представившемся имъ каждый разъ только на нѣсколько часовъ. Получилась возможность начать собираніе университетской библиотеки. Но университетъ все же оставался широко раскиданнымъ по пространству огромной московской территоріи. Для лекцій по общественнымъ наукамъ пришлось сохранить «кустарную» обстановку Домниковского начальнаго училища. Курсы по химіи читались въ Политехническомъ музеѣ. Практическія работы по этому предмету велись въ любезно предоставленныхъ университету лабораторіяхъ Александровскаго коммерческаго училища и Практической академіи коммерческихъ наукъ. Кромѣ того, отдѣльная физическая лабораторія для специалистовъ возникла позже въ Мертвомъ переулкѣ. Открытое въ 1909 году научно-популярное отдѣленіе приютилось въ одномъ изъ городскихъ училищъ на Миусской площади. Такъ прожилъ молодой университетъ еще три года, испытывая немалыя стѣсненія, но не переставая развиваться и вширь и вглубь свое преподаваніе.

Прошлой осенью въ существованіи университета начался новый фазисъ. Закончился періодъ *Wanderjahre*—срокъ искуса, когда приходилось жить по чужимъ людямъ. Университетъ сталъ полноправнымъ гражданиномъ въ кругу аналогичныхъ учреждений. Разбросанныя раньше его части собрались почти все въ подѣ собственной кровлей, гдѣ каждая наука находитъ необходимыя условія для того, чтобы ея преподаваніе могло быть поставлено дѣйствительно по-университетски. И съ удовлетвореніемъ оглядывается университетъ на этотъ первый годъ, проведенный имъ у себя дома въ величавомъ зданіи, которымъ украсилась Миусская площадь. До 130 преподавателей и ассистентовъ работало въ его стѣнахъ надъ учебнымъ дѣломъ; среди нихъ было немало обладателей именъ, извѣстныхъ всей Россіи и даже всему міру. Общее число слушателей (считая посѣтителей научно-популярныхъ и специальныхъ курсовъ) достигло небывалой раньше цифры—3.669. На нѣкоторые изъ специальныхъ курсовъ слушатели съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи—иные по особой командировкѣ отъ соответственныхъ общественныхъ учреждений. Свѣтлой надеждой наполняютъ

этотъ годъ совершеннolѣтія городского университета его руководителей; но мысль ихъ при этомъ невольно обращается и назадъ—къ волненіямъ и трудамъ, которыхъ стоило его создание.

А между тѣмъ даже въ кругу друзей университета исторія его возникновенія и личность основателя мало кому обстоятельно знакомы. Имя А. Л. Шанявскаго извѣстно и популярно теперь въ самыхъ глухихъ углахъ Россіи; но его образъ представляется лишь въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ,—какъ будто бы онъ былъ просто добрый человѣкъ, давшій большія средства на благое дѣло. Естественно поэтому въ столь знаменательный для университета годъ позаботиться о пополненіи этого пробѣла и свести въ общую картину то, что лишь отрывочно появлялось ранѣе въ печати, начавши съ біографіи основателя городского университета.

I.

Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій родился 9 февраля 1837 г. въ Сѣдлецкой губ., въ родовомъ имѣніи Шанявы. Но въ Польшѣ онъ провелъ лишь ранніе годы дѣтства. Одной изъ мѣръ, при помощи которыхъ императоръ Николай I хотѣлъ скрѣпить связь между Польшей и Россіей, былъ, какъ извѣстно, своего рода рекрутскій наборъ мальчиковъ изъ польскихъ дворянскихъ семей для воспитанія ихъ во внутренней Россіи. Такъ въ февралѣ 1846 года девятилѣтній А. Шанявскій оказался въ Тулѣ воспитанникомъ кадетскаго корпуса для малолѣтнихъ. Стоитъ, однако, упомянуть, что Тульскій корпусъ былъ не первой школой, гдѣ онъ учился. Еще на родинѣ А. Л. поступилъ было въ маленькую коллегію,—всего на 10 мѣсть,—которую учредилъ одинъ изъ его предковъ, архіепископъ Шанявскій, специально для мальчиковъ изъ семействъ, образующихъ родъ Шанявскихъ. Коллегія не успѣла, конечно, оставить на духовномъ образѣ недолговременнаго ея питомца никакой печати. Но самый фактъ ея существованія—тотъ способъ, какимъ заботился ея создатель объ участи потомковъ—едва-ли могъ пройти въ душѣ А. Л. безслѣдно.

Уже фамильные традиции способны были предрасположить его къ тому культу образованія, которому онъ такъ горячо отдался въ созпательные годы.

Въ Тулѣ, по счастью, маленькому А. Л. жилось не плохо. Очень способный, прилежный и дилловидный мальчикъ скоро сталъ въ корпусѣ общимъ любимцемъ и самъ,—какъ онъ говаривалъ потомъ,—тамъ уже многое полюбилъ въ русскихъ людяхъ. По окончаніи курса для малолѣтнихъ А. Л. былъ переведенъ въ Орловскій корпусъ, откуда черезъ два года онъ перешелъ въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ—теперешнее Константиновское училище. Окончивъ его первымъ ученикомъ, А. Л. вышелъ офицеромъ въ гвардію, въ Егерскій полкъ. Въ награду за успѣхъ А. Л. получилъ отъ училища серебряный кубокъ. Но,—вспоминалъ А. Л.,—недолго онъ у меня берегся: онъ былъ сейчасъ же пущенъ въ оборотъ, чтобы пополнить нехватку въ деньгахъ на новую обмундировку. Приводимъ этотъ небольшой житейскій эпизодъ, чтобы служба А. Л. въ гвардіи не вызвала шаблонныхъ представлений о «гвардейскомъ блескѣ»: имъ не блестялъ и не хотѣлъ блестятъ А. Л., выросшій въ скромныхъ обстоятельствахъ и сохранившій до конца жизни очень скромныя привычки. Ставъ офицеромъ, А. Л. продолжалъ свое образованіе въ академіи генеральнаго штаба, которую окончилъ тоже первымъ, съ занесеніемъ его имени на мраморную доску, 9 мая 1861 года.

Многозначительная дата. Время ученья А. Л. въ Петербургѣ пришлось, такимъ образомъ, на лучшую пору, какую когда-либо видѣла Россія. Горькій урокъ крымской кампаніи былъ понятъ, и Россія вступила на путь коренного внутренняго обновленія. Во всѣхъ областяхъ жизни готовились великія реформы, начиная съ самой глубокой—съ освобожденія русскаго крестьянства. На новые устои переходилъ тогда и старый мрачный николаевскій военный строй: надъ крѣпостною арміею тоже занялась заря свободы. Въ военномъ вѣдомствѣ открылась милютинская эра, ознаменованная торжествомъ гуманности и уваженія къ образованію. Рухнула прежняя стѣна, наглухо отдѣлявшая военныя и гражданскія учебныя заведенія. На университетскихъ скамьяхъ стали видѣться офицерскіе мун-

диры, и университетскіе профессора читали дополнительные курсы въ стѣнахъ военной академіи. Новое поколѣніе образованной военной молодежи вмѣстѣ со всей русской интеллигенціей увлекалось и дѣломъ просвѣщенія народной массы, работая съ увлеченіемъ въ воскресныхъ школахъ. Всѣмъ этимъ и А. Л. былъ глубоко захваченъ. Чтобы охарактеризовать его въ этомъ отношеніи, довольно указать, что его дарилъ особеннымъ вниманіемъ самъ гр. Д. А. Милютинъ. А юный 24-лѣтній офицеръ, съ своей стороны, былъ проникнутъ къ Д. А. Милютину чувствомъ горячей преданности и глубочайшаго почтенія, которому не измѣнилъ до самой смерти. Сюда, въ эту эпоху, когда съ народной массы снимались вѣковыя путы и создавались органы самоуправленія, истинными своими корнями и уходить, несомнѣнно, дѣло созданія А. Л. Шапявскимъ въ Москвѣ перваго русскаго свободнаго университета. Вѣра въ общественную самодѣятельность и самопомощь; вѣра въ творческое могущество человеческого разума, воплощеннаго въ наукѣ; признаніе за каждымъ человѣкомъ права стремиться къ полученію образованія во всей той мѣрѣ, въ какой онъ только способенъ его усвоить,—это Credo основателя московскаго городского университета исповѣдовалось всѣми передовыми людьми изъ поколѣнія, начавшаго свою жизненную работу въ полные свѣта шестидесятые года.

Но раньше, чѣмъ у А. Л. могъ явиться хотя бы намекъ на мысль о будущемъ его созданіи, ему пришлось пройти нелегкую дорогу. Блестящія способности въ соединеніи съ желѣзнымъ трудолюбіемъ настолько выдвинули въ академіи А. Л., что по окончаніи курса ему предложено было военнымъ министерствомъ готовиться къ занятію въ ней одной изъ доцентуръ. Эта профессорская карьера какъ нельзя больше отвѣчала личнымъ наклонностямъ и вкусамъ А. Л.; но судьба съ нимъ распорядилась иначе. Для хрупкаго отъ природы его здоровья пагубенъ оказался петербургскій климатъ. Въ виду начавшихся у него горловыхъ кровоизліяній тогдашнее свѣтило петербургской медицины Н. О. Здекауеръ категорически предписалъ ему покинуть Петербургъ и вообще перемѣнить весь образъ жизни, избѣгая душной атмосферы кабинета. Здѣсь

подоспѣло предложеніе, которое прислалъ А. Л. графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій,—ѣхать къ нему на службу въ Восточную Сибирь, чтобы принять участіе въ устройствѣ только что присоединеннаго къ Россіи Амурскаго края,—и А. Л. принялъ это приглашеніе.

Тяжело было для А. Л. переѣзжать изъ полного живыхъ общественныхъ начинаній Петербурга въ глушь Сибири. Новая дѣятельность, однако, скоро увлекла собой отзывчиваго молодого человѣка. Администрація пользовалась имъ преимущественно для командировокъ, поручая ему на мѣстѣ изучать различные вопросы. Передвигаться часто при этомъ приходилось многія сотни верстъ верхомъ, ночуя по лѣсамъ подъ открытымъ небомъ; но эта подвижная жизнь несмотря на свою суровость благотѣльно отразилась у А. Л. на организмѣ. А передъ глазами развертывалась картина края съ огромными естественными богатствами, втунѣ лежавшими или хищнически расточаемыми по винѣ почти что полного тогда отсутствія въ Сибири образованныхъ людей. Можно себѣ представить, какъ реагировалъ на это молодой А. Л., ранѣе уже проникшійся сознаніемъ великаго значенія науки.

Такъ проходили за изученіемъ Сибири годы, которые А. Л. самъ относилъ къ лучшимъ въ своей жизни. Между тѣмъ во внутренней Россіи вѣтеръ измѣнился. Началась реакція. На горизонтѣ зажглась звѣзда графа Д. А. Толстого. Этого имени А. Л. до конца дней не могъ слышать, не возмущаясь. И то сказать, для человѣка, работавшаго надъ поднятіемъ культурнаго уровня Сибири, абсурдность толстовской школьной политики представлялась въ исключительно яркомъ свѣтѣ. Что можетъ быть, дѣйствительно, характернѣе исторіи съ попыткой сибирской администраціи основать средне-учебное заведеніе въ Читѣ—въ чемъ А. Л. принималъ живѣйшее участіе. Читинскіе буряты собрали на это капиталъ. Администрація рѣшила открыть для нихъ реальное училище. Графъ Д. А. Толстой запротестовалъ: видамъ правительства соотвѣтствуетъ только открытіе классическихъ гимназій. Совѣтъ министровъ высказался, однако, въ смыслѣ благопріятномъ представленію изъ Иркутска: Бурятамъ лишнее воспитываться на Вергиліи и Го-

мерѣ. Тогда Толстой кладетъ все дѣло подъ сукно, и Чита еще на годы и на годы остается безъ всякой средней школы. Комедія для постороннихъ; горькая обида для людей, влагавшихъ душу въ дѣло.

За 10 почти лѣтъ, проведенныхъ въ Сибири, здоровье А. Л. улучшилось настолько, что онъ рѣшился было снова вернуться въ Петербургъ. Въ военномъ министерствѣ тогда шли подготовительныя работы по введенію всеобщей воинской повинности въ Россіи. Къ нимъ привлеченъ былъ и А. Л. Ему было поручено заняться порядкомъ отбыванія воинской повинности казаками. Во время этого пребыванія въ Петербургѣ А. Л. вновь встрѣтился съ семьей своей будущей жены Лидіи Алексѣевны Родственной, съ которой онъ познакомился еще въ Иркутскѣ. Сближенію ихъ много способствовала общность главныхъ духовныхъ интересовъ. Еще до брака, подъ своей дѣвичьей фамиліей, Л. А. стала уже извѣстна всей передовой Россіи, какъ одна изъ пионерокъ дѣла высшаго образованія для женщинъ. Ея пожертвованіе въ 50.000 р. дало возможность возникнуть женскимъ врачебнымъ курсамъ при военномъ министерствѣ, откуда выросъ ея же заботами теперешній петербургскій женскій медицинскій институтъ. За этимъ начинаніемъ Лидіи Алексѣевны съ горячей симпатіей слѣдилъ и А. Л., помогая всѣмъ, чѣмъ только могъ онъ быть полезенъ дѣлу. Бракъ между ними состоялся въ самый годъ открытія курсовъ—въ 1872 году, причемъ вѣнчались они въ Москвѣ, по дорогѣ изъ Петербурга въ Сибирь, куда Лидію Алексѣевну призывали дѣла ея семьи. Таково было ихъ свадебное путешествіе—на тысячи верстъ въ кибиткѣ.

По возвращеніи изъ Сибири въ Петербургъ А. Л. съ обычнымъ жаромъ принялся вновь за порученную ему законодательную работу; но канцелярія и петербургскій климатъ опять оказались для него ядомъ. Онъ заболѣлъ настолько тяжело, что Лидіи Алексѣевнѣ пришлось съ нимъ уѣхать для лѣченія за-границу. Военное министерство, не желая потерять А. Л. для своей службы, продлило ему отпускъ съ сохраненіемъ содержанія до двухъ лѣтъ. Но и за это время здоровье А. Л. окончательно не возстановилось, и всего 38 лѣтъ онъ увидалъ

себя въ необходимости прервать начатую было такъ успѣшно военную карьеру. Въ отставку вышелъ онъ съ чиномъ генераль-маіора.

Конецъ служебной дѣятельности вовсе не былъ, однако, концомъ упорнаго жизненнаго труда. Въ моментъ своего брака А. Л. и Л. А. Шанявскіе далеко не были богатыми людьми. У А. Л. кромѣ жалованья не было другихъ ресурсовъ. Что касается Лид. Алекс., то благодаря стеченію несчастныхъ обстоятельствъ уже раньше, чѣмъ она сдѣлалась невѣстой А. Л., оставленное семьѣ покойнымъ ея отцомъ золотопромышленное дѣло пришло въ разстройство и служило для Лид. Алекс. только источникомъ заботъ и огорченій. Грѣшно было бы не сохранить для лѣтописи русскаго образованія тотъ фактъ, что первое свое пожертваніе на женскіе курсы Лид. Алекс. сдѣлала не отъ своихъ избытковъ, а изъ послѣднихъ свободныхъ средствъ, какими она располагала. Такимъ образомъ, лишь только позволило А. Л. его здоровье, Шанявскіе поѣхали въ Сибирь, чтобы общими усиліями создать новую матеріальную базу для своего существованія. Вступивъ въ компанію съ В. Н. Сабашниковымъ (отцомъ теперешняго предсѣдателя правленія городского университета), они явились одними изъ пионеровъ золотопромышленности на Амурѣ, въ бассейнѣ рѣки Зеи. Счастье имъ улыбнулось: развѣдываемая ими мѣстность оказалась дѣйствительно золотоносной. Такъ создалось новое большое золотопромышленное дѣло, которое А. Л. поставилъ и велъ болѣе 25 лѣтъ въ качествѣ компаньона-распорядителя, не щадя своего труда. Почувствовавши твердую почву подъ ногами, Шанявскіе въ 80-хъ годахъ переселились было въ Москву, гдѣ А. Л. приобрѣлъ свой домъ и принять былъ въ составъ московскаго дворянства. Въ собственномъ домѣ Шанявскіе, однако, долгое время жили скорѣе, какъ на бивакахъ, черезъ короткіе промежутки возвращаясь изъ Москвы въ Иркутскъ и черезъ Благовѣщенскъ на пріиски для непосредственнаго наблюденія за ходомъ предпріятій. Только тогда, когда здоровье А. Л. опять дало ему нѣсколько серьезныхъ предостереженій, онъ сталъ уже подѣ старость вести въ Москвѣ дѣйствительно осѣдлый образъ жизни.

При руководствѣ крупнымъ промышленнымъ предпріятіемъ А. Л. проявлялъ тѣ же качества, которыя отличали раньше его службу: высокую рабочую способность, изощренное чувство долга и уваженіе къ наукѣ. Стремясь внести болѣе рациональные приемы въ область сибирской золотопромышленности, не знавшей тогда еще ничего, кромѣ самой грубой эмпири, А. Л. самъ вмѣстѣ съ Л. А. перевелъ съ англійскаго книгу Андерсена «Поиски золота» и первую часть книги Локка «Золото». Редакцію этихъ работъ для русскаго изданія взялъ на себя такой специалистъ, какъ проф. Н. А. Кулибинъ. На пріискахъ, которыми онъ управлялъ, А. Л. вводилъ различныя техническія усовершенствованія. Но все же промышленная дѣятельность не стала для него содержаніемъ жизни. Онъ къ ней опредѣленно относился лишь какъ къ средству, дающему возможность кое-что сдѣлать и въ направленіи прежнихъ идеаловъ. Онъ радъ былъ вмѣстѣ съ своими компаньонами помочь матеріально превращенію благовѣщенской прогимназіи въ гимназію; онъ основалъ сельско-хозяйственную школу въ Забайкальѣ; но ближе всего къ сердцу онъ принималъ судьбы открывшихся при такомъ дѣятельномъ участіи Лид. Алекс. женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ.

Сначала эти курсы, успѣшно развиваясь, доставляли А. Л. и Л. А. только радость. Но въ 1882 г., какъ извѣстно, ихъ существованіе было прекращено однимъ ударомъ. Съ вступленіемъ П. С. Ванновскаго въ должность военнаго министра это пригрѣтое Д. А. Милютинымъ учрежденіе было закрыто. Съ этой минуты А. Л. и Л. А. всецѣло отдаются борьбѣ за то, чтобы вызвать его снова къ жизни. Годъ слѣдуетъ за годомъ. Могучія вѣянія въ высшихъ сферахъ противны женскому образованію: «Женщину надо возвратитъ семьѣ». Но А. Л. и Л. А. наперекоръ всему не соглашаются сложить оружіе. Они пускаютъ въ ходъ все свои многочисленныя связи въ Петербургѣ. Съ 1882 по 1894 годъ,—такъ вспоминали они объ этомъ сами,—мы, безъ преувеличенія, болѣе ста разъ являлись въ разныя инстанціи съ ходатайствами, напоминаніями и предложеніемъ средствъ. Усилія ихъ, поддерживаемыя ихъ добрыми друзьями въ Петербургѣ, черезъ 12 лѣтъ увѣичались-таки

успѣхомъ. Передъ ихъ настойчивостью и силой убѣжденія сдался даже такой министръ, какъ графъ И. Д. Деляновъ. Онъ согласился на устройство женскаго медицинскаго института при министерствѣ народнаго просвѣщенія, но подъ условіемъ, чтобы институтъ былъ обезпеченъ частными пожертвованіями. Нужная сумма была собрана въ Москвѣ стараніями кружка, сгруппировавшагося кругомъ Шанявскихъ. Львиную долю—около 300.000 р.—внесли они при этомъ сами; да сверхъ того А. Л. передалъ Институту 200.000 р., предоставленныхъ въ его распоряженіе духовнымъ завѣщаніемъ одного изъ его компаньоновъ по золотопромышленности П. В. Берга. Такъ ожило это ихъ дѣтище, чтобы достигнуть теперешняго своего упроченнаго положенія, когда правительство, забывъ о прежней неприязни, само довольно щедро отпускаетъ на него государственныя средства.

Въ какое время у А. Л. зародилась мысль о созданіи въ Россіи вольнаго университета? Отнюдь не экспансивный по природѣ, А. Л. подѣлился ею съ окружающими лишь тогда, когда онъ уже рѣшилъ безотлагательно приступить къ ея осуществленію, т.-е. незадолго до своей кончины. Но несомнѣнно, что про себя онъ много раньше сталъ лелѣять подобную идею. Въ кругу интимно-близкихъ съ семьей Шанявскихъ лицъ было извѣстно, что А. Л. большую часть своего состоянія намѣренъ завѣщать или употребить еще при жизни на просвѣтительныя цѣли. А такъ какъ А. Л. и Л. А. были горячими поборниками высшаго женскаго образованія, то всѣ ихъ окружающіе склонны были думать, что въ этомъ направленіи А. Л. будетъ идти и дальше. Но когда въ разговорахъ А. Л. предлагали обратить вниманіе на то или другое изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, онъ отвѣчалъ раздумчиво: «Все женщины... Какъ будто не слѣдовало бы позаботиться и о мужчинахъ. Какъ будто мало среди мужчинъ такихъ, которые тоже тщетно стучатся въ двери высшей школы. Россіи нужны были бы такіе рассадники науки, куда за ней могъ бы обратиться всякій, кто ее ищетъ, къ какому бы онъ полу ни принадлежалъ». И когда М. М. Ковалевскій въ Парижѣ основалъ свою вольную высшую школу, А. Л. слѣдилъ за этимъ начинаніемъ съ особымъ интересомъ.

Трудно, однако, было думать, чтобы А. Л. удалось осуществить въ Россіи что-нибудь подобное. Долгое время здѣсь ставили непреодолимую преграду общія политическія условія. Когда же въ воздухѣ повѣяло весной, А. Л., казалось, являлся человѣкомъ, отъ котораго никто уже не въ правѣ былъ ожидать какой-либо смѣлой инициативы. Еще въ 1901 году врачи констатировали у него аневризмъ аорты въ столь сильной степени, что они склонны были немногими мѣсяцами опредѣлять возможный для него срокъ жизни. «Первая же серьезная неожиданность, первое сильное волненіе могутъ быть для него смертельны»—предупредили медики Лидію Алексѣевну. Тогда Л. А. создала для больного мужа совѣмъ особыя условія существованія. А. Л. сталъ жить затворникомъ, причемъ, однако, онъ сохранилъ всю прежнюю свою духовную связь съ міромъ. Исключена была только возможность неожиданныхъ толчковъ по нервамъ, признанныхъ медиками за ближайшую опасность: а достигалось это тѣмъ, что всякое серьезное внѣшнее впечатлѣніе воспринималось больнымъ лишь послѣ осторожной подготовки къ нему со стороны Лидіи Алексѣевны. Такъ благодаря ея неусыпному вниманію жизнь А. Л. вопреки роковому, неудержимому развитію недуга продлилась на цѣлые четыре года, оставаясь полной внутренняго содержанія. Онъ съ ослабленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ покинутомъ имъ мірѣ. Въ тиши своего рабочаго кабинета онъ переживалъ все то, чѣмъ волновалась, чѣмъ болѣла и чѣмъ была счастлива Россія при освободительномъ движеніи. Но при подобномъ состояніи здоровья мыслимо-ли было активно реагировать на ходъ общественныхъ событій?

И, тѣмъ не менѣе, невѣроятное стало фактомъ. Тѣмъ стимуломъ, который заставилъ А. Л. напрячь послѣдніе остатки жизненной энергіи, чтобы не остаться пассивнымъ въ критическое для Россіи время, послужила ближайшимъ образомъ японская война съ ея катастрофами на сушѣ и на морѣ. Какъ бывший военный человѣкъ, А. Л. воспринималъ ихъ съ особенной болѣзненностью. Какъ бывший соратникъ Д. А. Милютинъ, онъ признавалъ плачевный для Россіи ходъ войны карой за ту политику, которая тормозила въ Россіи общее культур-

ное развитіе народа. На это и должны были, по его взгляду, теперь направиться общественныя усилія: чтобы предотвратить возможность повторенія подобнаго тяжелаго урока, Россія должна была вернуться на тотъ путь, который ей указывали лучшіе ея люди послѣ севастопольскаго погрома. А между тѣмъ какъ разъ наряду съ внѣшними бѣдствіями передъ страной стала развѣртываться перспектива одичанія. Правительственныя школы не выдержали толчка освободительнаго движенія, и цѣлые годы въ нихъ не было правильнаго ученія. При видѣ этого А. Л., забывая про свою смертельную болѣзнь, рѣшилъ подать примѣръ общественной самопомощи въ дѣлѣ культурнаго подъема русскаго народа и въ 1905 году приступилъ къ осуществленію плана вольной высшей школы, который—какъ мы видѣли—давно ему былъ дорогъ.

Въ началѣ этотъ проектъ былъ сообщенъ А. Л. и Лидіей Алексѣвной, отдавшейся ему всѣмъ своимъ горячимъ сердцемъ, лишь самымъ близкимъ людямъ, какъ старый ихъ пріятель проф. В. К. Ротъ и братья М. В. и С. В. Сабашниковы, съ семьей которыхъ Шанявскіхъ связывали не только дѣловыя, но и теплыя дружескія отношенія. Черезъ нихъ велись въ дальнѣйшемъ переговоры съ другими лицами, которыхъ было желательно привлечь къ задуманному дѣлу. Но душой предпріятія до своего послѣдняго вздоха оставался самъ Альфонсъ Леоновичъ.

Прежде всего поставленъ былъ вопросъ о правовомъ положеніи будущаго университета: стремиться ли къ тому, чтобы создать особое Общество для его устройства, или обратиться къ какому-либо изъ существующихъ органовъ мѣтнаго самоуправленія, ввѣривъ ему на извѣстныхъ условіяхъ средства для основанія свободной высшей школы? Вопреки тѣмъ сомнѣніямъ, которыя тутъ высказывались, А. Л. рѣшительно избралъ второй изъ двухъ указанныхъ путей. Онъ находилъ его и болѣе короткимъ (чему онъ придавалъ значеніе особенно по состоянію своего здоровья), и болѣе безопаснымъ въ смыслѣ судьбы пожертвованія при возможныхъ колебаніяхъ общей правительственной политики въ дѣлѣ просвѣщенія, и, наконецъ, А. Л. былъ убѣжденъ, что, ставъ частью обще-

ственного самоуправленія, свободный университетъ имѣеть шансы гораздо пышиѣе разростись, чѣмъ если онъ будетъ организованъ на положеніи частнаго предпріятія. «То, что я могу дать на университетъ, достаточно лишь для почина въ подобномъ грандіозномъ дѣлѣ. Дальнѣйшія же средства будутъ тѣмъ обильнѣе притекать, чѣмъ ярче въ университетѣ будетъ выступать его общественный характеръ». По этимъ же соображеніямъ. А. Л. опредѣленно не хотѣлъ, чтобы новый университетъ носилъ на себѣ его имя: оно скрѣпилось съ университетомъ позже, когда А. Л. уже не было на свѣтѣ. Естественнѣе всего А. Л., какъ московскій житель, находилъ при этомъ предложить даръ для основанія вольнаго университета московскому городскому общественному управленію.

Но раньше, чѣмъ вступить по этому поводу въ переговоры съ городомъ, А. Л. сталъ искать достаточно авторитетное лицо, которое бы согласилось принять ближайшее участіе во внутренней организаціи новаго университета. Мысль его прежде всего направилась на проф. А. И. Чупрова, въ которомъ Шанявскіе встрѣтили дѣятельнаго союзника, когда шли хлопоты о возрожденіи женскихъ врачебныхъ курсовъ. Къ нему онъ къ первому и обратился черезъ посредство пишущаго эти строки. Но будучи предупрежденъ, что А. И. Чупровъ, вынужденный состояніемъ здоровья жить постоянно за-границей, почти навѣрное отклонитъ такое предложеніе, А. Л. просилъ на этотъ случай, чтобы онъ снесся со старымъ своимъ пріателемъ М. М. Ковалевскимъ и узналъ, не согласится ли тотъ промѣнять руководство своей парижской школой на аналогичное образовательное предпріятіе въ Москвѣ.

Нельзя не задержать вниманіе на этомъ эпизодѣ въ исторіи возникновенія московскаго городского университета. А. И. Чупровъ самъ тогда былъ не много дальше отъ конца земнаго существованія, чѣмъ А. Л. Шанявскій: его недугомъ была грудная жаба. Но люди, молодость которыхъ протекала въ 60-е года, не считались съ мыслью о предѣлѣ жизни, разъ въ сердцахъ ихъ затронувались идеалистическія струны. Такъ на призывъ А. Л. со стороны А. И. Чупрова послѣдовалъ горячій откликъ. О возвращеніи въ Россію для непосредственнаго

участія въ дѣлѣ его здоровье не позволяло думать; но онъ съ живѣйшимъ интересомъ отнесся къ предпринятому А. Л. начинанію. Онъ сомнѣвался, правда, чтобы русская дѣйствительность позволила осуществиться такому плану; но это не мѣшало ему войти во всестороннее обсужденіе поднятаго вопроса. Передавая М. М. Ковалевскому полученное отъ А. Л. порученіе, А. И. Чупровъ развилъ въ письмѣ къ нему рядъ мыслей по поводу зарождающейся свободной высшей школы. Письмо это, пересланное самимъ А. И. Чупровымъ въ копіи въ Москву, здѣсь стоитъ привести въ главныхъ его частяхъ, такъ какъ оно не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую разработку проекта университета.

«На мой взглядъ,—писалъ А. И. Чупровъ,—нѣтъ ни малѣйшей надобности устраивать такую школу, которая призвана была бы конкурировать съ университетомъ. Это и ненужно и невозможно, такъ какъ у частнаго учрежденія въ Россіи не можетъ быть ни столькихъ ученыхъ силъ, ни столькихъ матеріальныхъ средствъ, сколькими располагаетъ государство... Не въ копіи съ университетовъ, которые въ значительной мѣрѣ изжились, при нынѣшнихъ ихъ формахъ, а въ чемъ-то новомъ, свѣжемъ, до сихъ поръ только намѣчающемся въ не совсѣмъ еще ясныхъ контурахъ, нуждается наша страна, да и не одна она, а и другія. Эта новая школа должна существовать, какъ мнѣ кажется, не какъ замѣна, а какъ дополненіе и коррективъ нынѣ существующаго университетскаго образованія.

«Подобное дополненіе безусловно необходимо въ Москвѣ, если бы даже ея университетъ работалъ полнымъ ходомъ. Прежде всего университетъ переполненъ превыше мѣры. Уже сейчасъ въ немъ болѣе пяти тысячъ студентовъ. Значительно расширить контингентъ учащихся при существующихъ зданіяхъ и устройствахъ нѣтъ никакой возможности. Уже теперь занятія съ аудиторіей, имѣющей подчасъ больше пятисотъ чело-вѣкъ, становятся почти что формальностью, а когда число слушателей подойдетъ подъ тысячу, то отъ серьезной работы останется пустой звукъ. Уже эта многочисленность слушателей и непрерывный дальнѣйшій ихъ притокъ заставляеть желать

дополнительной школы. Но сверхъ того, при существующихъ условіяхъ приѣма, въ высшую школу попадаютъ лишь немногочисленные частицы, потребность же въ высшемъ образованіи ощущается безчисленнымъ множествомъ молодыхъ людей, для которыхъ университеты недоступны. Возьмемъ реалистовъ, семинаристовъ, воспитанниковъ техническихъ и земледѣльческихъ школъ, евреевъ и проч. и сверхъ того всѣхъ женщинъ. Это—такой контингентъ слушателей, который способенъ заполнить не одну, а десять высшихъ школъ въ Россіи. Вотъ для этихъ-то элементовъ, нынѣ не допускаемыхъ въ университетъ, а между тѣмъ жадно къ нему стремящихся, и долженъ быть данъ исходъ. Для нихъ-то и слѣдовало бы основать подходящія высшіе курсы, высшую школу или какой еще будетъ признано цѣлесообразнѣе назвать ее, а не для тѣхъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія (считая гимназій мужскія и женскія), которые и безъ того могутъ получить доступъ къ высшему образованію. При такой постановкѣ новое учрежденіе не будетъ переходить дорогу ни университету, ни высшимъ женскимъ курсамъ Герье, ни кому-либо другому, а между тѣмъ привлечетъ многія тысячи самыхъ желательныхъ слушателей и слушательницъ.

«При такой постановкѣ и правительству неловко будетъ мѣшать новому предпріятію, и Думѣ есть полное основаніе хлопотать, и частнымъ лицамъ есть достаточный резонъ жертовать, такъ какъ дѣло идетъ о доставленіи высшаго просвѣщенія такимъ слоямъ русскаго общества, которые лишены его теперь. Сказанное выше исключаетъ правило о приѣмѣ въ число слушателей лишь лицъ, окончившихъ среднія заведенія. Пусть это правило будетъ замѣнено, если это будетъ нужно, фразой о подготовкѣ, которая установленіемъ школы будетъ признана достаточной... И еще я забылъ объ одномъ основаніи болѣе свободной постановки приѣма. Если вы допустите лишь абитуриентовъ гимназій, естественно звать и патентованныхъ преподавателей, а прелесть новаго учрежденія состоитъ въ томъ, что въ немъ могутъ найти себѣ мѣсто талантливые люди изъ числа тѣхъ, кому не пришлось сдѣлаться магистромъ или докторомъ. Итакъ я посоветовалъ бы устройство высшихъ

научныхъ курсовъ для лицъ обоого пола, обладающихъ достаточной подготовкой, хотя бы они и не удовлетворяли тѣмъ условіямъ, какія требуются у насъ нынѣ для вступленія въ высшее учебное заведеніе. А еще лучше было бы не говорить въ уставѣ вовсе ничего о подготовкѣ, предоставивъ это внутреннимъ распоряжкамъ.

«И въ другомъ еще отношеніи новая школа не должна бы состязаться съ университетомъ. Она не можетъ имѣть всѣхъ факультетовъ. Достаточно было бы ограничиться общественными науками и естествознаніемъ, оставивъ юриспруденцію, медицину и чистую математику соотвѣтствующимъ факультетамъ правительственнаго университета».

Черезъ нѣсколько времени А. И. Чупровъ сообщилъ въ Москву о томъ, что М. М. Ковалевскій согласенъ туда пріѣхать для личныхъ переговоровъ. «Относительно характера предполагаемой школы,—писалъ при этомъ А. И.,—онъ довольно близко сходится съ моими взглядами, высказанными въ письмѣ ему, сообщенномъ вамъ въ копіи. Онъ пишетъ: «На дѣло мы, кажется, посмотримъ съ тобой одинаково. Пяти-сотъ тысячъ мало для университета. Надо начать съ основанія двухъ соединенныхъ школъ общественно-государственныхъ и юридическихъ наукъ съ широкимъ историческимъ, соціологическимъ и историко-философскимъ фундаментомъ. Курсъ двух- или трехгодичный. Доступъ широко открытый обоимъ поламъ съ дипломами и безъ дипломовъ. Отъ лекторовъ требуются не ученые степени, а работы или педагогическая дѣятельность, а также имя въ литературѣ». Подъ всѣмъ этимъ подписался бы и я за исключеніемъ мысли о юридической школѣ. Зачѣмъ она при существованіи юридическихъ факультетовъ? Всего нужнѣе школа общественно-государственныхъ наукъ, такъ какъ въ университетахъ преподаваніе ихъ поставлено недостаточно, а запросъ на свѣдѣнія этого рода будетъ громадный при предстоящемъ преобразованіи нашего государственнаго строя и въ особенности при новой организаціи земствъ съ мелкой единицей. Если бы на жертвуемые деньги правильно поставить лишь такую школу, и это была бы громадная заслуга передъ страной. Но я все-таки позволилъ бы себѣ

поддержать мысль, выраженную въ прежнемъ письмѣ моемъ. Было бы очень желательно ввести преподаваніе естественныхъ наукъ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ основу для выработки міросозерцанія и для послѣдующаго выбора практическихъ специальностей». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ,—какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ другихъ затронутыхъ А. И. Чупровымъ пунктовъ,—его взглядъ прямо шелъ на встрѣчу взгляду самого А. Л. Шанявскаго: оба они одинаково высоко ставили образовательное значеніе естественныхъ наукъ, являясь и въ этомъ отношеніи хранителями завѣтовъ, оставленныхъ 60-ми годами.

Въ 20-хъ числахъ августа 1905 года М. М. Ковалевскій прибылъ въ Москву и, опираясь на близкое свое знакомство съ вольными высшими школами въ Зап. Европѣ, принялъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы подыскать для идеи А. Л. наиболѣе практическія внѣшнія формы. Вскорѣ по его прибытіи Л. А. Шанявской собрано было совѣщаніе изъ членовъ городской Думы и другихъ общественныхъ дѣятелей, мнѣніемъ которыхъ А. Л. особенно интересовался. Тутъ были изъ состава Думы В. К. Ротъ, С. А. Муромцевъ, Н. М. Перепелкинъ, Н. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, М. Я. Герценштейнъ, а кромѣ нихъ М. М. Ковалевскій, кн. С. Н. Трубецкой, В. Е. Якушкинъ, М. В. Сабашниковъ и Н. В. Сперанскій.

Сдѣланный Л. А. Шанявской докладъ о планѣ А. Л. предложить городу Москвѣ пожертвованіе на устройство свободнаго университета въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія обсуждался горячо. Основной мысли сочувствовали всѣ; по характеру будущихъ отношеній между городомъ и университетомъ вызывалъ значительныя разногласія. Въ общемъ, однако, опредѣлилось, что предлагаемый А. Л. даръ городу на починъ въ дѣлѣ основанія свободной высшей школы Думой будетъ несомнѣнно принятъ. Такое же благоприятное впечатлѣніе вынесъ В. К. Ротъ изъ бесѣды, которую онъ по просьбѣ А. Л. имѣлъ съ московскимъ городскимъ головой (имъ былъ тогда кн. В. М. Голицынъ). Убѣдившись этимъ путемъ, что общественная атмосфера благоприятна для его начинанія, А. Л.

принялся за выработку формального заявления о своемъ проектѣ, которое онъ и внесъ 15 сентября въ городскую Думу.

«Въ нынѣшніе тяжелые дни нашей общественной жизни,— писалъ А. Л.,—признавая, что однимъ изъ скорѣйшихъ способовъ ея обновленія и оздоровленія должно служить широкое распространеніе просвѣщенія и привлеченіе симпатіи народа къ наукѣ и знанію,—этимъ источникамъ добра и силы,—я желалъ бы, по возможности, оказать содѣйствіе скорѣйшему возникновенію учрежденія, удовлетворяющаго потребности высшаго образованія; поэтому я прошу Московское Городское Общественное Управленіе принять отъ меня, для почина, въ даръ городу Москвѣ принадлежащее мнѣ въ Москвѣ, подробно описанное ниже недвижимое имущество—домъ съ землей, для устройства и содержанія въ немъ или изъ доходовъ съ него Народнаго Университета»...

Отмѣтимъ здѣсь, что, называя проектированный имъ университетъ «народнымъ», А. Л. искалъ только другого выраженія для замѣны слова «вольный», которое многіе склонны были признавать за неосторожность. Свобода отъ правительственной опеки въ управленіи университетомъ, свобода доступа къ наукѣ для всѣхъ общественныхъ слоевъ—вотъ что связывалось въ его умѣ съ этимъ терминомъ «народный», который позже сталъ употребляться въ примѣненіи къ университетамъ въ значительно отличномъ смыслѣ.

А. Л. излагалъ, далѣе, главные основанія, на которыхъ должно быть установлено будущее дѣло. Широкая доступность университета для всѣхъ желающихъ учиться безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія и безъ требованія предъявленія какихъ бы то ни было дипломовъ; свобода отъ формальныхъ стѣсненій при приглашеніи лекторовъ; чтеніе лекцій на любомъ языкѣ; возможно умѣренная плата за слушаніе лекцій съ стремленіемъ къ полной бесплатности занятій, какъ къ идеалу; организація Попечительнаго совѣта наполовину изъ членовъ, избираемыхъ городской Думой, наполовину изъ членовъ, пожизненно назначенныхъ со стороны жертвователя, съ тѣмъ, чтобы по выбытіи эти послѣдніе замѣщались самимъ Попечительнымъ совѣтомъ; обязательное присутствіе

въ совѣтѣ нѣсколькихъ членовъ-женщинъ и нѣсколькихъ лицъ съ высшей ученой степенью—вотъ главные условія, которыя жертвователь ставилъ Думѣ. Для выработки же подробнаго устава новаго учрежденія А. Л. просилъ Думу учредить особую комиссію съ правомъ и для него назначить въ нее своихъ представителей. На организацію народнаго университета въ указанной имъ формѣ А. Л. давалъ московскому городскому управленію три года. Въ случаѣ, если бы за этотъ срокъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, А. Л. все же оставлялъ за городомъ жертвуемое имъ имущество, но съ тѣмъ, чтобы оно такъ или иначе было употреблено на высшее народное образованіе и притомъ какъ мужское, такъ и женское. Новый планъ долженъ былъ быть выработанъ съ согласія жертвователя или назначенныхъ имъ для этого лицъ.

Приведа точное описаніе жертвуемаго имущества, А. Л. заканчивалъ свое заявленіе такъ:

«Въ заключеніе почтительнѣйше прошу Московскую Городскую Думу не отказать въ принятіи мѣръ къ скорѣйшему открытію Народнаго Университета, и если къ тому будетъ встрѣчено препятствіе по независящимъ отъ Городской Думы обстоятельствамъ, то покорнѣйше прошу Московское Городское Общественное Управленіе принять на себя ходатайство о томъ, чтобы представленіе объ открытіи Народнаго Университета внесено было въ первое же собраніе Народныхъ представителей».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ, того же 15 сентября, А. Л. отправилъ письмо тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, который былъ ему товарищемъ по академіи генеральнаго штаба. Выразивъ свою живѣйшую радость по поводу общей перемѣны правительственнаго курса въ области высшаго образованія (припомнимъ, что 27 августа 1905 г. появились «Временныя правила», дававшія автономію высшимъ школамъ), А. Л. ставилъ министра въ извѣстность о предпринятомъ имъ въ городской Думѣ шагѣ и, обращаясь къ министерству за поддержкой при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, такъ развивалъ свои мотивы.

«Несомнѣнно, намъ пужно какъ можно больше умныхъ образованныхъ людей; въ нихъ вся наша сила и наше спасеніе,

а въ недостатокѣ ихъ—причина всѣхъ нашихъ бѣдъ и несчастій и того прискорбнаго положенія, въ которомъ очутилась нынѣ вся Россія. Печальная система гр. Д. А. Толстаго, старавшагося всѣми мѣрами сузить и затруднить доступъ къ высшему образованію, сказалась теперь наглядно въ печальныхъ результатахъ, которые мы переживаемъ, и въ крайней нашей бѣдности образованными и знающими людьми на всѣхъ поприщахъ. А другія страны въ это время, напротивъ, всѣми мѣрами привлекали людей къ образованію и знанію вплоть до принудительнаго способа включительно. Всѣ ясно сознали ту аксіому, что съ одними руками и ногами ничего не подѣлаешь, а нужны и головы, и чѣмъ онѣ лучше гарнированы, и чѣмъ многочисленнѣе, тѣмъ страна богаче, сильнѣе и счастливѣе. Въ 1885 г. я пробылъ почти годъ въ Японіи, при мнѣ шла ея кипучая работа по обученію и образованію народа во всѣхъ сферахъ дѣятельности, и теперь мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ японскаго торжества и нашей полной несостоятельности. Но такіе удары судьбы даже такая страна, какъ наша, не можетъ сносить, не встрепенувшись вся, и вотъ она жаждетъ теперь изгладить свое униженіе, она жаждетъ дать выходъ генію населенія Россіи—не тупѣе же оно въ самомъ дѣлѣ даже монгольской расы. Но если оно коснѣетъ доселѣ въ принудительномъ невѣжествѣ, то теперь настало время, когда оно рвется изъ него выйти и со всѣхъ сторонъ раздаются призывы къ знанію, ученью и возрожденію».

Кромѣ прямой пользы,—указывало далѣе письмо,—кромѣ «открытія доступа къ знанію всѣмъ обездоленнымъ, не имѣющимъ входа въ правительственные университеты благодаря программѣ гр. Д. А. Толстаго», такое предпріятіе, какъ народный университетъ, принесетъ еще и косвенную, «предоставивъ обществу попробовать свои силы на работѣ созидательной: доселѣ ему пошевелѣ была доступна лишь работа критическая».

Итакъ,—продолжалъ А. Л.,—«я усердно прошу отнестись къ этому дѣлу съ необходимымъ вниманіемъ и довѣріемъ, чтобы не прошло еще много лѣтъ безплодныхъ ожиданій и ходатайствъ по поводу такого безобиднаго и справедливаго дѣла. Конечно, есть вещи непреложныя, и свободное образованіе

послѣ многихъ вѣковъ мрака придетъ когда-нибудь и въ нашей странѣ,—въ этомъ твердомъ упованіи я и несу на него свою лепту. Но зачѣмъ еще лишнему поколѣнію гибнуть въ этомъ мракѣ».

Письмо заканчивалось обращеніемъ къ примѣру Д. А. Милютина, взявшаго подъ свое покровительство частную инициативу въ дѣлѣ открытія женскаго медицинскаго института, и призывомъ снискать для академіи генеральнаго штаба новое право на благодарность со стороны русскаго общества.

20 сентября городская Дума передала возбужденный А. Л. вопросъ въ особую комиссію подъ предѣтельствомъ В. К. Ротъ, которая, ознакомившись съ составомъ жертвуемаго имущества, высказалась за принятіе дара ¹⁾. Не встрѣтило никакихъ возраженій въ комиссіи и дополнительное заявленіе А. Л. въ городскую Думу, гдѣ онъ ходатайствовалъ объ учрежденіи «Общества для усиленія средствъ московскаго народнаго университета» и вносилъ нѣкоторые поправки въ два пункта первоначальнаго своего заявленія. Заслушавъ докладъ комиссіи, городская Дума въ собраніи 25 октября 1905 года постановила: 1) Принять съ благодарностью жертвуемое генераль-маіоромъ А. Л. Шаняевскимъ имущество для устройства и содержанія изъ доходовъ съ него народнаго университета. 2) Признать желательнымъ немедленное учрежденіе особаго Общества для усиленія средствъ на созданіе и расширеніе народнаго университета; до учрежденія же названнаго Общества открыть при городской Думѣ сборъ пожертвованій на народный университетъ. 3) Учредить особую Комиссію для выработки будущей организаціи и для составленія устава народнаго университета, а равно и устава Общества для усиленія средствъ на созданіе университета, предоставивъ А. Л. Шаняевскому, согласно пункту 6-му его заявленія, право избрать своихъ представителей въ эту комиссію.

¹⁾ Докладъ комиссіи подписали: В. Ротъ, А. Бурешкинъ, В. Геннертъ, А. Вишняковъ, А. Гучковъ, П. Гучковъ, А. Шаминъ, М. Лосевъ, С. Муромцевъ, М. Герценштейнъ, М. Коммиссаровъ, П. Щепкинъ, А. Манупловъ, Л. Катуаръ.

Всѣмъ памятные событія октября мѣсяца 1905 г. вносили неизбежныя задержки въ ходъ возбужденнаго А. Л. дѣла. А между тѣмъ жизнь его очевидно догорала. Кровотеченія горломъ, связанныя съ крайнимъ развитіемъ аневризма, грозили его ежеминутно унести. Самъ А. Л. съ твердостью глядѣлъ въ лицо приближавшейся смерти. «Все же,—утѣшалъ онъ близкихъ,—жизнь моя была служеніемъ идеѣ, и я благодарю судьбу за то, что она мнѣ дала возможность стремиться къ осуществленію этой идеи». Ему хотѣлось одного: не умереть, пока не будутъ закончены первые шаги на пути къ созданію народнаго университета. На слѣдующій же день послѣ приведеннаго постановленія городской Думы А. Л. подписываетъ духовное завѣщаніе, по которому сверхъ предложеннаго имъ дара и главную часть своего имущества, оставляемую въ пожизненное пользованіе женѣ, онъ отказываетъ затѣмъ народному университету, *если городская Дума осуществитъ его въ трехлѣтній срокъ, считая со времени подачи второго заявленія А. Л. по этому предмету, т.-е. съ 3 октября 1905 года.* Въ противномъ случаѣ эти средства должны были быть переданы женскому медицинскому институту. А. Л. указываетъ также, кого онъ хочетъ видѣть своими представителями въ комиссіи по выработкѣ устава университета, а также въ будущемъ Попечительномъ совѣтѣ. Остается совершить съ городскимъ управленіемъ формальный актъ о передачѣ ему жертвуемаго дома на предложенныхъ въ заявленіи условіяхъ. Задержку вызываетъ двухнедѣльный срокъ, въ теченіе котораго на постановленіе Думы можетъ послѣдовать протестъ со стороны градоначальства. Какъ надо думать, не безъ особаго ходатайства объ ускореніи дѣла, московскій градоначальникъ отношеніемъ отъ 3 ноября извѣщаетъ Думу, что съ его стороны нѣтъ препятствій къ немедленному принятію городомъ предложеннаго А. Л. Шанявскимъ дара. 7 ноября днемъ А. Л. приглашаетъ къ себѣ нотариуса и совершаетъ дарственную запись. Едва актъ былъ подписанъ, кровь снова полилась у А. Л. изъ большой груди, и къ семи часамъ вечера его не стало.

II.

А. Л. зналъ русскую дѣйствительность и не обманывался въ томъ, что несмотря на полную «справедливость и безобидность» предпринятаго имъ дѣла оно не гарантировано отъ долгаго хожденія по мытарствамъ. Въ предвидѣніи этого онъ ничего не закрѣпилъ въ своихъ условіяхъ наглухо: онъ предоставилъ Думѣ по соглашенію съ его вдовой Лидіей Алексѣевной принимать измѣненія, какія могутъ быть продиктованы силой обстоятельствъ. И памятуя, вѣроятно, о времени, какое поглотили ходатайства изъ-за судьбы женскаго медицинскаго института, онъ далъ московскому городскому управленію на открытіе народнаго университета хотя бы въ самомъ скромномъ видѣ,—въ видѣ отдѣльныхъ лекцій,—срокомъ въ цѣлыя три года. Такая осторожность не оказалась напрасной. Указаннаго срока едва-едва хватило, чтобы привести начатое А. Л. дѣло къ благополучному исходу. Нельзя было избѣжать кое въ чемъ и отступленій отъ первоначально выраженныхъ А. Л. желаній.

Писать подробную исторію этихъ трехъ лѣтъ, протекшихъ со смерти жертвователя до открытія задуманнаго имъ университета, съ оцѣнкой всѣхъ образующихъ ее многочисленныхъ эпизодовъ, пока еще не наступило время. Мы приведемъ здѣсь лишь сухую ея схему, чтобы довести до конца начатое повѣствованіе. Впрочемъ, и эта схема сама по себѣ уже довольно внятно говорить о многомъ.

Первые мѣсяцы послѣ кончины А. Л. были потеряны изъ-за той бури, которая разразилась надъ Москвой въ декабрѣ 1905 года. Благодаря ей комиссія для выработки устава народнаго университета, назначенная Думой еще 15 ноября 1905 г., нашла возможность приступить къ занятіямъ лишь въ февралѣ 1906 года ²⁾. Ея работы велись сначала подъ предѣдатель-

²⁾ Въ составъ комиссіи вошли по избранію Думы: А. С. Алексѣевъ, А. С. Вишняковъ, А. И. Геннертъ, М. Я. Герценштейнъ, кн. В. М. Голицынъ, А. И. Гучковъ, А. А. Малуиловъ, Н. М. Перепелкинъ, С. В. Пучковъ, И. К. Спичарный. Жертвователемъ были указаны слѣдующія лица: Л. А. Шанявская, В. К. Ротъ, М. В. Сабашниковъ, М. М. Ковалевскій,

ством С. А. Муромцева, когда же тотъ, по случаю своего избранія въ Государственную Думу, долженъ былъ 15 апрѣля уѣхать изъ Москвы, то его мѣсто заступилъ товарищъ председателя В. К. Ротъ. Докладъ комиссіи готовъ былъ къ 17 мая. Заслушавъ его въ собраніи 30 мая, Дума постановила: 1) Утвердить представленный комиссіей проектъ Положенія о московскомъ городскомъ народномъ университетѣ. 2) Избрать согласно принятымъ въ собраніи городской Думы 25 октября 1905 года условіямъ жертвователя 10 лицъ въ составъ Попечительнаго совѣта университета. 3) Поручить Попечительному совѣту нынѣ же приступить къ организаціи университетскаго преподаванія. 13 іюня Дума произвела и выборъ своихъ представителей въ составъ Попечительнаго совѣта³⁾.

Это постановленіе было опротестовано градоначальникомъ въ 1-мъ и 3-мъ пунктахъ. Особое по городскимъ дѣламъ присутствіе въ засѣданіи 23 іюня согласилось съ его протестомъ: Дума не можетъ открыть университета безъ исходатайствованія утвержденія Положенія высшимъ правительствомъ. 10 іюля городскимъ головой (имъ былъ тогда Н. И. Гучковъ) созвано было совѣщаніе изъ членовъ Попечительнаго совѣта и гласныхъ-юристовъ, чтобы рѣшить, какъ дальше вести дѣло: обжаловать-ли постановленіе присутствія или представить одобренный городской Думой проектъ Положенія о городскомъ народномъ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Второй путь признанъ былъ и болѣе надежнымъ, и болѣе короткимъ. Въ этомъ смыслѣ и было рѣшено сдѣлать предложеніе городской Думѣ.

С. А. Муромцевъ, К. А. Тимирязевъ, В. Е. Якушкинъ, А. П. Шереметевская, А. П. Реформатскій и П. В. Сперанскій. Сверхъ того комиссія въ своей работѣ пользовалась любезнымъ содѣйствіемъ кн. Е. П. Трубецкой, Н. А. Каблукова, П. М. Кулагина, А. А. Кизеветтера, Н. К. Кольцова, М. П. Шатерникова, С. О. Фортунатова, Б. И. Угрюмова.

³⁾ Думой были избраны: В. А. Морозова, гр. Е. А. Уварова, А. С. Алексѣевъ, А. А. Мацуиловъ, кн. В. М. Голицынъ, кн. Е. П. Трубецкой, А. С. Вишняковъ, Н. М. Перепелкинъ, С. А. Федоровъ, Н. М. Кулагинъ. Жертвователемъ были назначены: Л. А. Шанявская, В. К. Ротъ, М. В. Сабашниковъ, С. В. Сабашниковъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Муромцевъ, К. А. Тимирязевъ, А. П. Шереметевская, А. П. Реформатскій и П. В. Сперанскій.

Неяснымъ оказывалось положеніе Попечительнаго совѣта, выборы въ который не были опротестованы градоначальствомъ. Снесшись по этому поводу съ градоначальникомъ, городской голова получилъ отъ него 11 іюля отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Имѣя въ виду, что на проектированный Попечительный Совѣтъ Городского Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго, составляющій одинъ изъ органовъ управленія означеннымъ учрежденіемъ, возлагается—по предположеніямъ—между прочимъ забота о хозяйственныхъ дѣлахъ, завѣдываніе имуществомъ и проч., я на основаніи ст. 103 Гор. Пол. изд. 92 года не встрѣчаю препятствій къ вступленію именованныхъ въ томъ же представленіи лицъ въ отправленіе обязанностей членовъ означеннаго Попечительнаго Совѣта“.

Такъ дѣло осталось до осени, когда должны были возобновиться засѣданія городской Думы.

5 сентября городская Дума согласно мнѣнію упомянутаго выше совѣщанія направляетъ выработанный комиссіей проектъ устава на утвержденіе въ узаконенномъ порядкѣ, а Попечительному совѣту поручаетъ вести подготовительныя работы по открытію университета. 25 сентября Попечительный совѣтъ избираетъ въ свои председатели М. М. Ковалевскаго. Отъ М. М. Ковалевскаго получается отказъ въ виду принятаго имъ приглашенія занять профессорскую кафедру въ Петербургѣ. При новыхъ выборахъ въ председатели оказывается избраннымъ В. К. Ротъ; должность секретаря занимаетъ Н. В. Сперанскій.

Начавшаяся затѣмъ работа Попечительнаго совѣта велась въ разныхъ направленіяхъ. Онъ занялъ былъ установленіемъ программы будущей дѣятельности Университета; онъ хлопоталъ—особенно въ виду настойчивыхъ представленій Лидіи Алексѣевны—о скорѣйшемъ обеспеченіи Университета собственнымъ зданіемъ (пожертвованіе въ 50.000 р. для этой цѣли, полученное отъ В. А. Морозовой, и исходатайствованіе у города участка земли, гдѣ нынѣ высится университетское зданіе, падаютъ еще на это время, проведенное въ ожиданіи правительственнаго разрѣшенія); онъ предпринялъ было открытіе чтенія отдѣльных лекцій явочнымъ порядкомъ, что встрѣтило

сочувствіе со стороны министерства при П. М. фонъ-Кауфманъ и было воспрещено его преемникомъ А. Н. Шварцемъ; но главной его заботой было слѣдить за ходомъ пошедшаго по установленнымъ инстанціямъ проекта объ организаціи городского университета.

Проектъ двигался впередъ неторопливо. Два съ половиной мѣсяца онъ пробылъ въ Москвѣ на разсмотрѣніи у градоначальника и генераль-губернатора. Отсюда онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ главное управление по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, гдѣ оставался до февраля 1907 года. Въ февралѣ отзывъ генераль-губернатора былъ сообщенъ изъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ городской Думѣ, съ тѣмъ, чтобы она высказалась по поводу представленныхъ въ немъ соображеній. Дума запрашиваетъ мнѣніе Попечительнаго совѣта, которое поступаетъ къ городскому головѣ 1 марта. Въ мартѣ городской голова отправляетъ въ министерство внутреннѣхъ дѣлъ докладную записку съ приложеніемъ мнѣнія Попечительнаго совѣта. Въ апрѣлѣ проектъ, наконецъ, доходитъ до министерства народнаго просвѣщенія, куда 5 мая по просьбѣ Попечительнаго совѣта городской голова входитъ съ новой докладной запиской. Въ маѣ же въ Петербургъ ѣдетъ Л. А. Шаняевская и лично ходатайствуетъ объ ускореніи дѣла у министра народнаго просвѣщенія (имъ былъ тогда П. М. фонъ-Кауфманъ). Министръ требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ представленномъ ему проектѣ. По волѣ жертвователя чтеніе лекцій въ университетѣ могло происходить на любомъ языкѣ: министръ указываетъ, что единственнымъ языкомъ преподаванія долженъ являться русскій. Онъ далѣе находитъ необходимымъ, чтобы предсѣдатель правленія народнаго университета получалъ утвержденіе въ должности отъ него, министра. Согласіе немедленно дается. Тогда П. М. фонъ-Кауфманъ вноситъ проектъ устава народнаго университета въ Совѣтъ министровъ, а тотъ 20 іюля постановляетъ направить этотъ проектъ въ законодательномъ порядкѣ.

Такъ дѣло остается до новой осени, когда должна была собраться третья Государственная Дума.

Осенью депутація отъ Попечительнаго совѣта съ В. К. Ротомъ

во главѣ представляется пріѣхавшему въ Москву товарищу министра народнаго просвѣщенія О. П. Герасимову. Указывая, что изъ опредѣленныхъ жертвователемъ трехъ лѣтъ два года уже прошли, она ходатайствуетъ, чтобы до проведенія устава въ законодательномъ порядкѣ министръ своей властью далъ временное разрѣшеніе на открытіе двухъ факультетовъ университета. О. П. Герасимовъ, относясь съ полной симпатіей къ народному университету, находилъ, однако, излишней мѣру, испрашиваемую Попечительнымъ совѣтомъ. Онъ выражалъ увѣренность, что еще ранѣе наступленія весны уже заготовленное министерствомъ представленіе въ Думу пройдетъ черезъ всѣ законодательныя инстанціи и такимъ образомъ у совѣта будетъ достаточно времени, чтобы подготовитъ къ осени 1908 года открытіе правильной дѣятельности университета. 27 ноября министерство, дѣйствительно, внесло соотвѣтственный законопроектъ въ Гос. Думу. Дума въ засѣданіи 4 декабря признала его спѣшнымъ и передала въ комиссію по народному образованію. Въ срединѣ декабря В. К. Ротъ по порученію Попечительнаго совѣта ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать объ ускореніи дѣла у депутатовъ Думы. Докладъ его совѣту свидѣтельствовалъ, что настроеніе Думы вполне благопріятно для проекта. Въ думской комиссіи подъ предсѣдательствомъ В. К. Анрепа проектъ былъ принятъ по докладу М. Я. Капустина 9 января 1908 г. Докладъ комиссіи назначенъ былъ въ Думѣ къ разсмотрѣнію 25 января. Но въ началѣ этого засѣданія предсѣдатель Думы заявилъ, что законопроектъ объ университетѣ имени А. Л. Шаняевскаго взять обратно вновь назначеннымъ министромъ народнаго просвѣщенія А. Н. Шварцемъ на основаніи ст. 47 учр. Гос. Думы для пересмотра и исправленія.

Два новыхъ мѣсяца томительнаго ожиданія для Попечительнаго совѣта, являвшагося вмѣстѣ съ Лид. Алекс. какъ бы душеприказчикомъ А. Л. въ предпринятомъ имъ дѣлѣ. Наконецъ, городскимъ головой было получено слѣдующее отношеніе градоначальника отъ 24 марта:

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, препроводивъ прилагаемое при семъ въ копіи отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 6 сего

марта за № 243, по проекту положенія о Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго, просить моего распоряженія о внесеніи сдѣланныхъ Сенаторомъ Шварцемъ по существу означеннаго проекта замѣчаній на обсужденіе Московской Городской Думы и копію постановленія послѣдней по сему предмету, а также подлежаще засвидѣтельствованныя копіи указанныхъ въ отношеніи № 243 документовъ сообщить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Къ сему Министръ Внутреннихъ Дѣлъ присовокупилъ, что, согласно завѣщанія А. Л. Шанявскаго, въ случаѣ, если Московское Городское Общественное Управленіе не будетъ въ состояніи устроить народный университетъ къ 3-му октября 1908 года, то все движимое и недвижимое имущество, оставленное жертвователемъ, должно быть передано въ собственность С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго Института“.

Эта бумага была доложена городской Думѣ въ собраніи 1 апрѣля. По предложенію городского головы Дума единогласно постановила: «Возбужденный предложеніемъ градоначальника вопросъ передать на срочное обсужденіе комиссіи для выработки организаціи и устава народного университета совмѣстно съ Попечительнымъ совѣтомъ университета имени А. Л. Шанявскаго.»

Чтобы оцѣнить всю напряженность положенія, надобно знать, что думское засѣданіе 1 апрѣля было предпослѣднимъ передъ началомъ пасхальныхъ ваканцій. Послѣднее было назначено на 4 апрѣля. А между тѣмъ, какъ извѣщали изъ сферъ Государственной Думы расположенныя къ дѣлу лица, отвѣтъ городской Думы нельзя было откладывать до Ѳоминой недѣли: тогда не оставалось почти шансовъ, чтобы законопроектъ до конца сессіи успѣлъ пройти черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Какъ бы насмѣшкой звучало при такихъ условіяхъ то напоминаніе о предѣльномъ срокѣ, которымъ заканчивалась присланная городскому головѣ бумага. Обширная записка А. Н. Шварца во многомъ измѣняла одобренное его предшественникомъ Положеніе о народномъ университетѣ. Каждый изъ длиннаго ряда образовавшихъ ее пунктовъ требовалъ строго обдуманнаго и точно формулированнаго отвѣта. Все это надобно было написать, надобно было обсудить въ соединенномъ засѣданіи комиссіи и Попечительнаго совѣта, надобно было сообща редактировать и, наконецъ, надобно было напечатать, чтобы докладъ 4 апрѣля

могъ быть представленъ Думѣ. И на все это оказывалось въ распоряженіи только трое сутокъ. Но тутъ сказалось, что начинаніе А. Л. Шанявскаго успѣло уже стать въ Москвѣ дорогимъ для лучшихъ дѣятелей городского самоуправления. На просьбу со стороны трехъ членовъ Попечительнаго совѣта, которымъ порученъ былъ проектъ отвѣта на министерскую записку, снабдить ихъ нѣкоторыми указаніями, столь видный членъ Думы, какъ Н. И. Астровъ (тогда еще не имѣвшій прямого прикосновенія къ университету) отвѣтилъ тѣмъ, что отдалъ имъ на помощь въ это критическое время не только свои дни, но и свои ночи. Съ его содѣйствіемъ дѣло спаслось отъ крушенія на такомъ порогѣ. Докладъ былъ изготовленъ къ сроку въ редакціи, которая одобрена была Думой безъ долгихъ преній. Категорическія требованія А. Н. Шварца были приняты въ виду отсутствія времени для дальнѣйшихъ съ нимъ сношеній. По другимъ пунктамъ, гдѣ министръ только рекомендовалъ казавшіяся ему цѣлесообразными измѣненія, была представлена защита думскихъ взглядовъ. Въ виду того, что нѣкоторыя требованія А. Н. Шварца нарушали поставленныя жертвователемъ условія дара, пришлось еще по телеграфу испросить согласіе удерживаемой нездоровьемъ за-границей Лидіи Алексѣевны. Въ градоначальствѣ, однако, дѣло это, несмотря на крайнюю его спѣшность, все же задержалось на значительное время и возвратилось обратно въ Петербургъ лишь въ концѣ апрѣля. 7 мая при отзывѣ министра внутреннихъ дѣлъ оно было препровождено въ министерство народного просвѣщенія и 15 мая было имъ снова внесено въ Государственную Думу, гдѣ стало предметомъ разсмотрѣнія 3 іюня.

Эти дебаты въ Государственной Думѣ достаточно извѣстны. Въ симпатіи къ начинанію А. Л. Шанявскаго сошлись представители всѣхъ партій до гр. В. А. Бобринскаго, включительно, направо. Однако, этотъ думскій триумфъ, при всемъ своемъ моральномъ вѣсѣ, нисколько не служилъ гарантіей благополучной окончательной развязки. Въ реакціонной прессѣ университетъ А. Л. Шанявскаго сталъ мишенью для самыхъ ядовитыхъ стрѣлъ. «Еврейскій университетъ», «гниздо польской крамолы въ Москвѣ, сердцѣ Россіи», «оплотъ кадетской про-

паганды» и т. п.—таковы были здѣсь ходячіе эпитеты. Несмотря на всю свою внутреннюю ничтожность эти инсинуации были важны, какъ симптомъ: характеръ органовъ печати, гдѣ онѣ появлялись, показывалъ, что университетъ Шанявскаго вызываетъ къ себѣ непріязнь въ кругахъ, особенно вліятельныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. А между тѣмъ довольно было Государственному Совѣту измѣнить въ «Положеніи» хотя бы одинъ изъ пунктовъ, и обязательная передача вопроса въ согласительную комиссію была равнозначительна потерѣ городскимъ университетомъ всего, что завѣщала ему А. Л. Шанявскій: о компромиссѣ въ заканчивавшуюся уже сессію не могло быть рѣчи. Для всѣхъ, кто пристально слѣдилъ за этими захватывающими перипетіями, не подлежитъ сомнѣнію, что если начинаніе А. Л. Шанявскаго не потерпѣло такой серьезной аваріи, то этимъ дѣломъ обязано было больше всего несокрушимой энергіи Лидіи Алексѣевны. Не обращая вниманія ни на свои годы, ни на состояніе здоровья, она пріѣхала къ критическому моменту изъ-за-границы въ Петербургъ, и удивительная сила убѣжденія, нѣкогда обратившая гр. И. Д. Делянова въ покровителя высшаго женскаго образованія, не измѣнила ей и на этотъ разъ, когда она взялась побороть въ высшихъ правительственныхъ сферахъ гнѣздившія тамъ ядовитыя подозрѣнія касательно возможнаго характера будущей дѣятельности городского университета. Во всякомъ случаѣ, вопреки тревожнымъ ожиданіямъ, Государственный Совѣтъ, гдѣ выдѣлился своей блестящей рѣчью А. О. Кони, принялъ 18 іюня безъ измѣненій прошедшую черезъ Государственную Думу редакцію законопроекта, а 26 іюня послѣдовало и Высочайшее утвержденіе.

И тутъ, однако, не кончилось еще хожденіе университета по мытарствамъ. Однимъ изъ измѣненій, внесенныхъ А. Н. Шварцемъ въ первоначальный проектъ университетскаго устава, былъ пунктъ, въ силу котораго предсѣдатель Попечительнаго совѣта сталъ утверждаться въ должности министромъ народнаго просвѣщенія. Согласно этому 8 іюля городская управа препроводила въ министерство ходатайство объ утвержденіи В. К. Рота въ должности предсѣдателя Попечительнаго совѣта.

8 августа министръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ утвердить В. К. Рота, такъ какъ не признаетъ самаго существованія Попечительнаго совѣта. Пусть Дума согласно ст. 13 Высочайше утвержденаго Положенія объ университетѣ произведетъ выборы 10 членовъ въ Попечительный совѣтъ, и пусть совѣтъ произведетъ выборы предсѣдателя: только тогда можетъ быть представлено и ходатайство объ утвержденіи. 19 августа городская Дума постановляетъ: «Не производя новаго заявленія записками кандидатовъ на должность членовъ Попечительнаго совѣта народнаго университета, подвергнуть въ настоящемъ же собраніи баллотировкѣ шарами лицъ, кои уже были избраны Городской Думой на должность членовъ означеннаго совѣта въ собраніи ея 13 іюня 1906 года.» Всѣ эти лица и оказываются избранными снова. 20 августа подъ предсѣдательствомъ городского головы состоялось собраніе Попечительнаго совѣта для выбора предсѣдателя, которымъ снова избирается единогласно В. К. Ротъ. Снова идетъ ходатайство о его утвержденіи въ министерство, и 2 сентября согласіе на это г. министра докладывается городской Думѣ. На самую организацію преподаванія въ городскомъ университетѣ у Попечительнаго совѣта остался такимъ образомъ изъ трехъ отведенныхъ жертвователей лѣтъ ровно одинъ мѣсяць.

«Безумный мѣсяць»—такъ съ полнымъ правомъ могло бы называть этотъ сентябрь 1908 года университетское правленіе, которое было избрано совѣтомъ 3 сентября и подъ предсѣдательствомъ Н. В. Давыдова взяло въ руки непосредственныя хлопоты о дѣлѣ. Мы говорили выше, какъ скромно вступалъ въ жизнь новый Университетъ: всего 11 преподавателей, менѣе чѣмъ четыре сотни слушателей и полное отсутствіе собственнаго помѣщенія. Но въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ университетъ организовался, то, что удалось сдѣлать, было блестящимъ результатомъ, котораго нельзя было бы достигнуть, если бы навстрѣчу молодому учрежденію не шла широкая волна общественнаго сочувствія. Отмѣтимъ два особенно характерныхъ симптома. Какъ ни былъ обремененъ занятіями С. А. Муромцевъ, онъ явился первымъ изъ тѣхъ 11 преподавателей, которые въ нѣсколько дней были приобрѣтены для университета.

Не забываетъ университетъ до сихъ поръ и о томъ, кто былъ въ немъ «первымъ слушателемъ». Н. А. Шингаревъ—человѣкъ, кончившій раньше два высшихъ учебныхъ заведенія и сдѣлавшій довольно видную служебную карьеру—приложилъ особое стараніе къ тому, чтобы его имя открыло собой списокъ слушателей новаго университета. «Первый Шапявецъ» не оставлялъ затѣмъ дорогого ему учебнаго заведенія до самой своей смерти, являясь преданнымъ и дѣятельнымъ его другомъ.

Праздникомъ всей московской интеллигенціи было и торжество открытія городского университета, состоявшееся 1 октября въ зданіи Думы. Актовую рѣчь на этомъ торжествѣ произнесъ ставшій въ Россіи уже только рѣдкимъ гостемъ прежде московскій, нынѣ оксфордскій проф. П. Г. Виноградовъ.

Такъ наканунѣ рокового срока, 2 октября 1908 года лекціей А. О. Фортунатова открылись, наконецъ, занятія въ новой для Россіи свободной высшей школѣ, съ которой имя А. Л. Шанявскаго, вопреки собственной его скромности, рѣшеніемъ общества скрѣпилось на вѣки.

у
С-71
8047

Университетъ имени А. Л. Шанявскаго и г. Кассо.

1912 годъ.

— Чего имъ надо? Нѣтъ, наконецъ, чего же имъ въ самомъ дѣлѣ надо? Успокоенія, которое у нихъ не сходитъ съ языка, или чего-то совсѣмъ, совсѣмъ другаго?—Такой вопросъ у многихъ и у многихъ невольно долженъ былъ подняться въ головѣ при чтеніи безстрастной газетной освѣдомительной замѣтки: «Въ университетѣ имени Шанявскаго г. Кассо не утвердилъ В. К. Рота въ должности предсѣдателя Попечительнаго совѣта, а г. московскій попечитель А. А. Тихоміровъ, съ своей стороны, не утвердилъ Н. В. Давыдова предсѣдателемъ правленія». Итакъ, изъ механизма управленія городскимъ университетомъ вынуты сразу двѣ главныя пружины. Замѣтка далѣе столь же безстрастно прибавляетъ: «Тотъ и другой отказъ не снабженъ былъ никакой мотивировкой». Значитъ, одна изъ мѣръ, въ истинномъ смыслѣ которыхъ министерство не желаетъ признаваться: толкуйте, какъ хотите. Но толкованіе здѣсь дается безъ труда. Немного надо проницательности, чтобы разгадать эту министерскую загадку, и характерная при этомъ развертывается картина.

Напомнимъ еще разъ основную идею, давшую жизнь московскому городскому университету. Надъ выходомъ изъ вестибюля въ аудиторію новаго собственнаго зданія университета строителями помѣщена такая надпись: «Наукѣ—источнику добра и силы». Эти слова заимствованы изъ обращенія покой-

наго А. Л. Шанявскаго въ 1905 году со своимъ проектомъ вольнаго университета въ московскую городскую думу. Эти слова для жертвователя имѣли глубокое значеніе. То былъ не афоризмъ: то былъ крикъ сердца человѣка, готовившагося переступить порогъ земного существованія, при видѣ бѣдствій, переживаемыхъ нашей страной. Военный человѣкъ, А. Л. Шанявскій остро болѣлъ позоромъ вѣшняго униженія Россіи; поклонникъ дисциплины, въ особенности же самодисциплины, онъ глубоко страдалъ при видѣ ярости разнузданныхъ страстей, въ какомъ бы политическомъ лагерѣ онъ ни бушевали; а непоколебимая вѣра въ достоинство и мощь человѣческаго разума,—счастливая принадлежность всѣхъ истинныхъ шестидесятниковъ,—во тѣмъ невѣжества заставляла его видѣть главный источникъ и нашего вѣшняго безспія, и нашего внутреннего раздора. А между тѣмъ та же политическая буря привела къ полной остановкѣ жизни во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: у русскаго народа въ критическій моментъ отнималось единственно способное исцѣлить его лѣкарство. Зрѣлище этой ужасающей разрухи и придало угасавшему А. Л. Шанявскому силу осуществить давно уже зародившуюся въ немъ мысль помочь народу, посѣявъ «зерно горчичное»,—давъ средства на созданіе хотя бы въ очень скромномъ видѣ перваго въ Россіи свободнаго университета. Свободнымъ этотъ университетъ долженъ былъ явиться не только по отсутствію стѣсненій при доступѣ къ наукѣ: сама наука въ немъ должна была впервые получить полную мѣру необходимой для ея здороваго существованія свободы. Избавившись отъ той связи съ государственной службой, которая ей отравляетъ жизнь въ правительственныхъ школахъ, наука должна была уйти изъ сферы, отравленной политикой,—изъ сферы борьбы за власть,—и найти тихое пристанище, гдѣ бы она сама себя довлѣла.

Всѣмъ памятно еще, конечно, тѣ перипетіи, черезъ которыя проходило такое начинаніе. Три года далъ жертвователю городу Москвѣ, принявшей даръ, на осуществленіе своей воли: этихъ трехъ лѣтъ едва оказалось довольно, чтобы задуманное имъ учрежденіе могло увидѣть свѣтъ. Быть или не быть,—въ концѣ

это опредѣлялось прямо днями. Всѣмъ памятно должны быть и тѣ навѣты, какіе ввозились на будущій университетъ реакціонными кругами, противившимися его возникновенію. «Гнѣздо польской крамолы въ Москвѣ, сердце Россіи», «прибѣжище революціоннаго еврейства», «сѣдалище кадетской измѣны» и т. д., и т. д.,—такіе жупелы пускались въ ходъ, чтобы тормазить движеніе дѣла, предпринятаго ради возможно полнаго обезпеченія спокойствія и мира, необходимыхъ для занятія наукой.

Если бы люди, занимавшіеся подобными предсказаніями, способны были вообще чего-нибудь стыдиться, они должны были бы отъ стыда сгорѣть, когда съ осени 1908 года вопреки имъ все же открылась дѣятельность университета. Поляковъ въ университетѣ оказались единицы; еврей не на много превысили тотъ процентъ, который силой вводится въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вмѣсто «кадетской пропаганды» университетъ спокойно началъ работать надъ сообщеніемъ научныхъ знаній тѣмъ, для кого вѣшнія условія закрывали доступъ въ другія высшія учебныя заведенія «съ правами». Подъ руководствомъ близкаго друга А. Л. Шанявскаго, тогда еще профессора В. К. Рота въ качествѣ предсѣдателя Попечительнаго совѣта и Н. В. Давыдова, только-что оставившаго тогда одинъ изъ высшихъ постовъ въ судебномъ вѣдомствѣ и бывшаго приватъ-доцентомъ Императорскаго университета, въ качествѣ предсѣдателя правленія, московскій городской университетъ пошелъ по той самой дорогѣ, на которой его желалъ видѣть покойный основатель,—по дорогѣ служенія наукѣ, какъ источнику добра и силы. За каждымъ шагомъ новаго университета, за каждымъ словомъ, произнесеннымъ въ его аудиторіяхъ, и органы полиціи, и органы министерства просвѣщенія слѣдили съ ревнивой подозрительностью, но даже ихъ предубѣжденный взглядъ не могъ открыть здѣсь признаковъ какой-нибудь крамолы. Въ докукахъ, какъ требованія объясненій изъ-за каждой сказанной кѣмъ-нибудь изъ лекторовъ неосторожной фразы, конечно, у дѣятелей городского университета никогда не оказывалось недостатка. Но въ общемъ у правительства не поднималась на него рука. Годъ изъ году Попечительный совѣтъ

единогласно избиралъ тѣхъ же двухъ лицъ на два руководящія поста, и министерство не находило основаній отказывать имъ въ утверженіи. Ихъ утверждали по принадлежности министръ г. Шварцъ и попечитель округа г. Ждановъ; ихъ утвердили тѣ же власти и тогда, когда министромъ сталъ г. Кассо, а попечителемъ г. Тихоміровъ.

Что же случилось за истекшій годъ въ городскомъ университетѣ? Почему тѣ же власти предержавшія вдругъ измѣнились въ отношеніи къ нему? Быть-можетъ, городской университетъ сталъ ареной беспорядковъ среди учащихся, и министерство нашло, что управленіе имъ ведется слабо? Но нѣтъ, напротивъ. Даже зимой злосчастнаго 1910 года, когда во всѣхъ другихъ высшихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ на лекціи являлось больше полиціи, нежели студентовъ, въ университетѣ имени Шанявскаго нормальная учебная жизнь не нарушалась. То была ему «огненная проба». Вопросъ былъ въ томъ, поймутъ ли слушатели городского университета, что забастовка въ ихъ учрежденіи была бы искаженіемъ всего внутренняго смысла предпріятія. И слушатели поняли и устояли въ борьбѣ съ естественнымъ въ ихъ положеніи страхомъ, что ихъ спокойствіе можетъ быть ложно истолковано, что въ немъ увидятъ знакъ трусости или индифферентизма. Но, чтобы внушить имъ это, чтобы побудить ихъ беречь породившую ихъ университетъ идею,—для этого руководители университета должны были стоять на полной высотѣ своего призванія.

Или, быть можетъ, въ городскомъ университетѣ министерство замѣтило за послѣдній годъ паденіе уровня научности преподаванія и поспѣшило дать свое предостереженіе? Опять-таки напротивъ. Именно съ осени послѣдняго академическаго года университетъ обогатился цѣлымъ рядомъ преподавателей первой научной силы. Въ его составъ вошли П. Н. Лебедевъ и Б. К. Млодзѣвскій, А. А. Мануиловъ и Г. Ф. Шершеневичъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Д. М. Петрушевскій и П. Н. Сакулинъ. Съ этимъ вмѣстѣ университетъ получилъ возможность сверхъ лекцій и элементарныхъ практическихъ занятій дать болѣе широкое развитіе чисто-научнымъ семинаріямъ, вводящимъ въ пріемы самаго созиданія науки. Съ этимъ вмѣстѣ московскій

городской университетъ началъ завоевывать себѣ извѣстность даже за границей: напомнимъ о недавнемъ пожертвованіи на его нужды со стороны международной комиссіи физиковъ при институтѣ Сольвэ. Нѣтъ, В. К. Рота и Н. В. Давыдова никто уже никогда не попрекнетъ тѣмъ, что они вели не съ должной энергіей дѣло университета. Оглядываясь на то, чѣмъ былъ университетъ назадъ тому три года и чѣмъ онъ сталъ сейчасъ, они могутъ по справедливости гордиться.

Такъ въ чемъ же ихъ вина для министерства? Въ томъ и вина, что мы сейчасъ объ университетѣ рассказали; въ томъ и вина, что имъ удалось осуществить идею покойнаго А. Л. Шанявскаго по духу. Въ минуту вновь разыгравшейся реакціонной бури, опустошившей стѣны московскаго правительственнаго университета, основанный А. Л. Шанявскимъ общественный университетъ въ Москвѣ явился мѣстомъ, гдѣ люди, отдавшіе себя занятіямъ наукой, покончивъ съ вопросомъ, насколько связываетъ свободу личныхъ убѣжденій государственная служба, нашли возможность продолжать служить нуждающемуся въ просвѣщеніи обществу своими знаніями и своимъ талантомъ. *Inde igae...* Строптивые профессора уходятъ такимъ образомъ изъ-подъ самаго тяжелаго удара, какой имъ можетъ нанести учебное начальство,—они спасаются отъ обреченія на потерю любимой дѣятельности, что для людей съ призваніемъ страшнѣе всякаго матеріальнаго ущерба. А тутъ еще пошли сравненія съ «обновленнымъ» правительственнымъ университетомъ, клонившіяся далеко не къ министерской славѣ.

Иначе говоря, гнѣвный ударъ по университету имени Шанявскаго,—не угрожающій покамѣсть, правда, существованію учрежденія, но все же наносящій ему чувствительную рану,—не можетъ объясняться самъ по себѣ виѣ общей связи съ ходомъ жизни въ высшей русской школѣ. Это—лишь эпизодъ изъ той борьбы, которая идетъ по всей линіи между министерствомъ и прогрессивной русской профессурой. Неутвержденіе В. К. Рота и Н. В. Давыдова—одно изъ звеньевъ въ цѣпи такихъ мѣръ, какъ назначеніе въ Петербургъ гг. Грибовскаго и Никонова, какъ удаленіе съ кафедры подъ видомъ «перевода для пользы службы» проф. Покровскаго, и т. д. Но эпизодъ этотъ—

изъ самыхъ характерныхъ. А. Л. Шанявскій задумалъ свой университетъ какъ разъ съ желаніемъ, чтобы у насъ политика не задушила окончательно науку. А министерство тянетъ и эту школу въ политическій водоворотъ. И министерство при этомъ утверждаетъ, будто оно стремится только къ тому, чтобы «изгнать политику изъ школы». Какъ же не повторить тутъ: «Чего имъ, въ самомъ дѣлѣ, надо?» Или они задались цѣлью доказать, что до побѣды надъ ними въ политической борьбѣ напрасны будутъ всѣ попытки вести въ Россіи какую бы то ни было мирную культурную работу? Если такъ, то надобно признать, что г. Кассо недурной профессоръ.

Кавказскій университетъ.

1911 и 1912 годы.

Статья первая.

Университетъ въ Тифлисѣ... Родъ сказки про бѣлаго бычка, какими изобилуетъ исторія Россійскаго государства. О высшемъ учебномъ заведеніи въ своей столицѣ Закавказья ходатайствуетъ уже четвертый десятокъ лѣтъ. Хлопоты начались еще въ 1880 году, когда ходатайство было приурочено къ 25-лѣтнію царствованія императора Александра II. Ходатайства возобновились въ 1894 и 1897 годахъ, затѣмъ въ 1900 г. по случаю столѣтняго юбилея русскаго управленія въ Тифлисѣ, затѣмъ въ 1906 году, когда задуматься надъ этой мыслью заставила буря революціоннаго движенія на Кавказѣ, а въ 1911 году ходатаямъ все еще приходится стоять передъ скорбнымъ вопросомъ, которымъ А. С. Бабовъ озаглавилъ новую свою брошюру: «Быть или не быть высшей школѣ въ Тифлисѣ въ близкомъ будущемъ?»

Правда, за тридцать лѣтъ въ судьбахъ такихъ ходатайствъ произошло существенное измѣненіе. Раньше они наталкивались на каменную стѣну съ грозною надписью: «Не соответствуетъ видамъ правительства». Теперь имъ уже не ставятъ подобнаго предѣла, «его же не преидеши». Теперь и высшія кавказскія, и даже высшія петербургскія сферы завѣряютъ о своемъ благожелательномъ отношеніи къ такой идеѣ. Вопросъ задерживается для Петербурга соображеніями цѣлесообразности. Безспорно, университетъ для Закавказья былъ бы нуженъ. Но неудовлетворенныхъ нуждъ въ области высшаго образованія очень мно-

го. Есть цѣлый рядъ ходатайствъ: такъ, Саратовъ просить о высшемъ сельскохозяйственномъ училищѣ, Екатеринбургъ—о горномъ училищѣ, Ростовъ-на-Дону и Нижній-Новгородъ—объ университетахъ, Омскъ—о ветеринарномъ институтѣ. «Возможны большіе споры объ очереди: могутъ выдвинуться вопросы о томъ, нужно ли сначала облагодѣтельствовать окраину, оставляя безъ вниманія коренную Русь, центръ Россіи и т. д.» (изъ бесѣды тифлискаго городского головы съ министромъ финансовъ).

«Облагодѣтельствовать окраину»... А можетъ быть, умѣстнѣе была бы здѣсь другая риторическая фигура? Что-нибудь въ родѣ: «Заплатить Кавказу старый долгъ»? Но если говорить серьезно, то рѣчь должна идти здѣсь не о «благодѣяніяхъ» или «уплатахъ долга». Рѣчь здѣсь должна идти о томъ, вернуть или не вернуть тифлисскій университетъ странѣ то, что придется на него затратить, и есть ли основаніе думать, чтобы онъ способенъ былъ вернуть эти затраты съ большею лихвой, чѣмъ, напримѣръ, университетъ ростовскій или нижегородскій.

Всякій университетъ есть учено-учебное заведеніе. Возьмемъ сначала первую часть этого опредѣленія и спросимъ: насколько позволительно питать надежду, чтобы тифлисскій университетъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ очаговъ науки? На это не колеблясь можно отвѣчать, что тутъ имѣются чрезвычайно крупныя задатки. Пусть мнѣ разрѣшено будетъ привести здѣсь пару личныхъ наблюдений. Въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда на сцену повторно выступалъ вопросъ о закавказскомъ университетѣ, мнѣ пришлось говорить съ теперешнимъ кievскимъ профессоромъ Н. И. Андрусовымъ, тогда еще готовившимся только къ «профессорскому званію» по своей специальности, — геологій. Онъ говорилъ, что для работы ему необходимо утвердиться въ Петербургѣ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи нѣтъ достаточно серьезной научной обстановки. «Или вотъ если бы открылся университетъ въ Тифлисѣ». — «Да тамъ какая же будетъ обстановка?» — «А весь Кавказъ... Какъ будто для геолога съ такой научной обстановкой можетъ что-нибудь сравниться?» Въ другой разъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ берлинскимъ профессоромъ Р. Геймонсомъ, — имя, достаточно извѣстное въ

кругу людей, посвятившихъ себя научной разработкѣ біологическихъ вопросовъ. Тогда онъ былъ въ Берлинѣ еще приватъ-доцентомъ. Геймонсъ женатъ на русской, — на дочери покойнаго проф. А. И. Чупрова. Я въ шутку ему сказалъ, что ради жены ему бы слѣдовало переѣхать въ Россію. «Что же, — отвѣтилъ онъ вполне серьезно. — Я бы пошелъ въ Тифлисъ хранителемъ естественно-историческаго музея». — «Какъ? Что же это за музей сравнительно съ вашими берлинскими дворцами? И вы же навѣрное займете профессорскую кафедру въ одномъ изъ вашихъ видныхъ университетскихъ центровъ». — «Все это такъ. Но для меня, какъ для самостоятельнаго научнаго изслѣдователя, Кавказъ съ его природой имѣетъ колоссальную притягательную силу».

Нетрудно было бы произвести въ этомъ направленіи анкету, и трудно сомнѣваться въ томъ, что встрѣченные мною случайно отзывы не оказались бы рѣдкимъ исключеніемъ. Мало изученная природа могучаго Кавказа неотразимо манитъ къ себѣ множество людей, стремящихся вывѣдывать у природы ея тайны. Въ числѣ препятствій къ открытію въ Россіи новыхъ университетовъ министръ финансовъ указывалъ тифлисскому городскому головѣ, что даже въ старыхъ университетахъ цѣлый рядъ кафедръ по недостатку лицъ остается незамѣщеннымъ. Но въ области естествознанія цѣлый рядъ кафедръ скорѣе останется незамѣщеннымъ въ старыхъ университетахъ въ коренной Россіи, чѣмъ въ новомъ университетѣ на Кавказѣ. И не Ростовъ-на-Дону или Нижній-Новгородъ способны соперничать въ этомъ отношеніи съ Тифлисомъ.

А развѣ юридическій и историко-филологическій факультеты въ кавказскомъ университетѣ не общаются съ своей стороны дать рядъ толковъ многимъ и многимъ изъ представленныхъ на нихъ научныхъ дисциплинъ? Развѣ Кавказъ не представляетъ собой драгоцѣннѣйшаго поля наблюдений и для лингвиста, и для фольклориста, и для юриста, и для историка политическихъ и социальныхъ отношеній? Словно въ музеѣ тамъ собраны образчики различныхъ общественныхъ укладовъ, способные зажечь живѣйшій интересъ у всякаго, кто въ современности или въ исторіи занимается социологическими вопро-

сами. Недолго побылъ М. М. Ковалевскій на Кавказѣ и взялъ отсюда поучительнѣйшій матеріалъ для освѣщенія западнаго феодализма. А между тѣмъ это былъ лишь родъ «ученаго набѣга»: сколько же здѣсь можетъ дать систематическое, пристальное изученіе ученаго, работающаго на мѣстѣ. Нѣтъ, если только гдѣ-нибудь въ Россіи новый университетъ имѣетъ шансы явить собой и новую ученую индивидуальность, то именно въ столицѣ Закавказья,—въ центрѣ и несравнимой по богатству и по могуществу природы и въ то же время въ центрѣ своеобразной, многовѣковой культуры, окаймленной въ горахъ пестрыми образчиками самаго первобытнаго уклада житейскихъ отношеній.

Взглянемъ теперь на университетъ, котораго требуетъ себѣ такъ настойчиво Кавказъ, съ второй—съ учебной точки зрѣнія.

Противники устройства на государственныя средства высшаго учебнаго заведенія въ Тифлисѣ, какъ Л. Л. Марковъ, опираются, между прочимъ, на такого рода указаніе: Кавказъ и безъ того стоитъ казнѣ больше, чѣмъ ей приноситъ. Кавказъ—одна изъ тѣхъ окраинъ, изъ-за которыхъ оскудѣваетъ центральная Россія. Такъ можно ли возлагать на русскаго плательщика налоговъ новыя жертвы въ пользу и такъ уже бременящаго его Кавказа? Фактъ, что «Кавказъ идетъ казнѣ въ убытокъ», оспаривался защитниками кавказской высшей школы. Но пусть онъ будетъ вѣренъ,—отъ истины, во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ отстоять далеко,—такъ не противникамъ кавказскаго университета на него ссылаться. Онъ вопіетъ противъ нихъ къ небу. Онъ—лучшій показатель пагубы той политики, которая изъ ревнивой подозрительности не допускала возникнуть на Кавказѣ мѣстной высшей школѣ.

Стоитъ ли повторять, до чего щедро одарила и горы, и долины на Кавказѣ мать-природа? Стоитъ ли повторять, что по обилію естественныхъ сокровищъ Кавказъ долженъ былъ бы являться одной изъ богатѣйшихъ странъ на свѣтѣ? Стоитъ ли повторять и то, что если несмотря на милости природы Кавказъ оказывается бѣднымъ краемъ, не приносящимъ для казны достаточныхъ доходовъ, то виновато здѣсь прежде всего худое управленіе? Но стоитъ внимательнѣе присмотрѣться къ

тѣмъ условіямъ, которыя приводятъ за собой какъ плачевный видъ русской администраціи на Кавказѣ, такъ и неудачу тамъ культурной миссіи Россіи вообще.

Кавказъ и безконечно разнообразенъ, и безконечно своеобразенъ. Чтобы управлять имъ, не нанося работой административнаго механизма глубокихъ ранъ жизни и дѣятельности населенія, необходимо всегда имѣть передъ глазами конкретную картину того, что представляетъ собой каждый затрогиваемый той или другой административной мѣрой уголокъ. Чтобы нести Кавказу высшую, заимствованную съ Запада культуру, необходимо глубоко перерабатывать ея формы. Готовые европейско-русскіе шаблоны, какъ при эксплуатаціи производительныхъ силъ страны, такъ и при нормированіи склада общественныхъ отношеній, къ Кавказу не подходятъ. Отсюда ясно, что для культурнаго прогресса на Кавказѣ необходимы люди, которые владѣли бы одновременно и благами европейскаго образованія, и практическимъ знакомствомъ съ жизненными условіями страны.

Наше же управленіе Кавказомъ вмѣсто того, чтобы стремиться къ сочетанію этихъ двухъ условій, упорно ихъ разъединяло. Роль «культуртрегеровъ» вѣрялась русскимъ людямъ, питомцамъ русскихъ высшихъ школъ, не знающимъ Кавказа. А доступъ мѣстнымъ элементамъ къ высшей школѣ былъ затрудненъ до крайней степени упорнымъ нежеланіемъ правительства видѣть университетъ или хотя политехникумъ на Кавказѣ. Кто ищетъ высшаго образованія, пусть отправляется въ Россію. Это способствуетъ ассимиляціи Кавказа и Россіи. А учреждать на мѣстѣ расадники науки,—тогда Кавказъ, пожалуй, совѣмъ забудетъ, что онъ часть Россіи.

Бхать за полученіемъ университетскаго или высшаго техническаго образованія въ Россію—легко сказать. Во-первыхъ, многимъ это уже оказывалось не по средствамъ. Но и для тѣхъ, у кого находились деньги, это былъ родъ изгнанія съ жестокой тоской по родинѣ и съ рискомъ для здоровья. Масса кавказцевъ возвращалась на теплую и солнечную родину изъ холодовъ Москвы или изъ тумановъ Петербурга, привозя вмѣстѣ съ дипломомъ высшей школы легочную чахотку. Немало ихъ сходило отъ чахотки въ могилу и до окончанія курса. Да и

наука, которую они находили въ русской высшей школѣ, во многихъ случаяхъ оказывалась для нихъ слишкомъ русской, не отвѣчая на запросы, которые они къ ней предъявляли. Взять хотя бы область высшаго сельскохозяйственнаго образованія. Развѣ Петровская академія или Ново-александрійскій институтъ—такія школы, какія нужны, чтобы потомъ удобно работать на Кавказѣ? А тѣхъ, кто выносили этотъ тяжелый искъ, ждало на родинѣ недовѣрчивое отношеніе со стороны администраціи. Если они искали службы, имъ нерѣдко подавали совѣтъ лучше служить опять-таки въ Россіи,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда кандидатъ принадлежалъ къ какому-нибудь вліятельному семейству. «Князь, ваше мѣсто—въ Петербургѣ. Тамъ вы сдѣлаете карьеру, а на Кавказѣ вы рассчитывать на это не должны». Такъ мѣстный элементъ и отстранялся отъ активнаго участія въ направленіи жизненной работы края, а что отсюда получалось, объ этомъ имѣлъ, конечно, довольно случаевъ слышать всякій, кому доводилось ѣздить по Кавказу.

Рядъ возмутительныхъ несправедливостей, гдѣ часто вопіющія несправедливости и бѣды причиняются безъ всякаго участія злой воли. Помню спокойный, сдержанный при всемъ внутреннемъ раздраженіи рассказъ одного знакомаго крупнаго кавказскаго землевладѣльца. «Бунтъ былъ у насъ въ селеніи. Военная экзекуція. А все изъ-за печальнаго недоразумѣнія. Пришли податные списки. Оказывается, для всего селенія—одни. Селеніе же дѣлится на верхнее и нижнее. Черезъ него проходитъ граница культуры винограда. Разница получается больше, чѣмъ у васъ въ Россіи между черноземной и нечерноземной полосой. Нижніе домохозяева — богачи. Верхніе — бѣдняки, живущіе только скотоводствомъ. Понятно, среди нихъ бунтъ, отказъ въ уплатѣ податей, угроза сборщикамъ оружіемъ... а дальше—обыкновенная исторія». И не было при этомъ ни съ чьей стороны корысти или злой воли... Простая непривычка людей, выросшихъ на равнинѣ, направлять особое вниманіе на высоту надъ уровнемъ моря или на поворотъ мѣстечка къ солнцу. Въ горахъ же этимъ все опредѣляется.

Или взять судъ. Не говоря уже про вѣчныя столкновенія между народнымъ правовымъ сознаніемъ и нормами русскаго

закона,—если Кавказу суждено будетъ увидѣть свой университетъ, то юридическому факультету придется поработать надъ вопросомъ о мѣрахъ, способныхъ смягчить остроту этого конфликта,—одно уже незнакомство русскихъ судей съ мѣстными нарѣчіями ставитъ ихъ постоянно передъ населеніемъ въ ложное и унижительное положеніе. Извѣстна роль присяжныхъ переводчиковъ въ судахъ Кавказа. Безъ нихъ судья безсиленъ дѣлать свое дѣло. А набираясь изъ невысоко стоящихъ культурныхъ слоевъ, они доступны и денежнымъ воздѣйствіямъ, и угрозамъ. Да, наконецъ, кто же не знаетъ, что точный переводъ съ одного языка на другой требуетъ не одного лишь добраго желанія: для малоразвитаго переводчика, притомъ же русскимъ языкомъ владѣющаго по большей части плохо, подобная задача часто оказывается просто непосильной. И судить судъ на основаніи данныхъ, гдѣ правда перемѣшана то съ ложью, то съ невольнымъ перевираньемъ. Понятно, что и престижъ его у населенія не можетъ стать высоко.

А пробы насажденія усовершенствованной земледѣльческой культуры, гдѣ крымскіе приемы садоводства и виноградарства, рассчитанные на привлеченіе въ почву влаги, примѣнялись на черноморскомъ побережьѣ, страдающемъ въ этихъ культурахъ отъ избытка влаги? А эпизоды изъ области инженерныхъ предприятий, гдѣ русскіе инженеры съ такой легкостью попадали въ просакъ, ведшіи экономически къ плачевнымъ результатамъ изъ-за незнанія условій мѣстности и быта. Да можно ли все это перечестъ? Кавказъ далекъ, и черезъ горы немного долетаетъ до Россіи. Но за хребтомъ прямо устанешь слушать все эти удивительныя сказанія о томъ, къ чему приводитъ хозяйничанье на Кавказѣ русскихъ людей, не сжившихся съ его самобытной жизнью.

Отсюда же и бѣдность. Отсюда же и та накипь негодования на наше управленіе, которая съ такою остротой дала себя почувствовать въ годы освободительнаго движенія. И нѣтъ другого пути къ тому, чтобы обезпечить за Кавказомъ внутреннее спокойствіе и возможность быстраго матеріальнаго прогресса, какъ править имъ, широко прибѣгая къ содѣйствію интеллигенціи, сформированной изъ мѣстныхъ элементовъ. Кавказскихъ

странъ сейчасъ никто какъ слѣдуетъ не знаетъ. Для однихъ Кавказъ темень, такъ какъ, не выросши на немъ, съ нимъ трудно освоиться въ необходимой для плодотворной дѣятельности мѣрѣ. Для другихъ темень онъ потому, что имъ не приходится на помощь свѣтъ образованія. Чтобы жить благополучно, Кавказъ долженъ прежде всего «познать самого себя»,—долженъ увидѣть правильное отраженіе своей природы и быта въ зеркалѣ науки. Для этого же необходима упорная и продолжительная работа мѣстной высшей школы, или, вѣрнѣе, мѣстныхъ высшихъ школъ. Кавказу нуженъ и университетъ, и высшая техническая, и высшая сельскохозяйственная школа. Но начинать, конечно, слѣдуетъ съ университета. При немъ скорѣе достигнуть процвѣтанія и школы, разрабатывающія приложения науки. Университетъ, съ другой стороны, долженъ излѣчить и многочисленныя язвы, которыми страдаетъ средняя школа на Кавказѣ. Средняя же школа—поставщица учебного матеріала для высшихъ заведеній, и качествомъ такого матеріала обусловлены ихъ успѣхи.

Все это, повидимому, ясно было Государственной Думѣ, когда 4-го марта она единогласно приняла предложеніе бюджетной комиссіи,—просить правительство внести въ Думу законопроектъ объ открытіи университета въ г. Тифлисѣ на общемъ основаніи. Но бюрократія пока остается глухой къ такого рода просьбѣ. Печать уже сообщила, что особое совѣщаніе о высшей школѣ подъ предсѣдательствомъ министра просвѣщенія «вмѣсто учрежденія университета на Кавказѣ въ Тифлисѣ ограничилось постановленіемъ объ открытіи медицинскаго факультета въ Ростовѣ-на-Дону, главнымъ образомъ потому, что ростовское ходатайство гарантируетъ казну отъ затратъ на учрежденіе и содержаніе просимой школы». Значитъ, бюрократія снова рекомендуетъ Кавказу запастись терпѣніемъ. Но долго ли, коротко ли, а силою вещей высшая школа возникнетъ на Кавказѣ, и дѣятели ея, вѣроятно, произведутъ современемъ хотя приблизительный подсчетъ тому, во что приходится оцѣнивать ущербъ для народной экономіи отъ такой образовательной политики по отношенію къ Кавказу. Въ Ростовѣ-на-Дону, быть можетъ, и не совсѣмъ на мѣстѣ, да за-то даромъ...

Жать, гдѣ не сѣялъ, конечно, всякому доброму хозяину пріятно. Но государственное хозяйство—не частное владѣніе, и не такими экономическими принципами должно оно руководиться.

Статья вторая.

Университетъ въ Тифлисѣ... Меньше чѣмъ годъ назадъ мнѣ приходилось высказываться по поводу его. Теперь жизнь снова требуетъ обсужденія той же темы. Къ ей періодическимъ возвращеніямъ впрочемъ привыкнуть было время. Еще «въ тѣ дни, когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія», еще 32 года тому назадъ Тифлисѣ впервые возбудилъ ходатайство передъ Петербургомъ о дарованіи Кавказу мѣстной высшей школы. Много воды съ тѣхъ поръ въ Курѣ и въ Невѣ утекло въ море. Много съ тѣхъ поръ сбылось «несбыточныхъ мечтаній». Свой университетъ въ Томскѣ увидѣла Сибирь. Свой университетъ въ Саратовѣ увидѣло Поволжье. Даже такіе центры, какъ Новочеркасскъ или Воронежъ, добились для себя высшихъ учебныхъ заведеній. Кавказъ же и понынѣ со своимъ желаніемъ все сидитъ между двухъ морей и ждетъ погоды. Чуть небо проясняется, онъ снова проситъ, но изъ прошеній его пока лишь получается какая-то «сугубая ектенія».

Въ чрезмѣрной притязательности Кавказъ при этомъ неповиненъ. Если нельзя открыть въ Тифлисѣ полный университетъ, Кавказъ готовъ пока удовлетвориться двумя или хотя бы однимъ изъ факультетовъ. Если правительство сочло бы умѣстнѣе основать въ первую очередь въ Тифлисѣ какое-либо изъ профессиональныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, Кавказъ въ ближайшемъ будущемъ согласенъ довольствоваться и этимъ. Нельзя сказать, чтобы и Петербургъ съ Тифлисомъ былъ особенно неласковъ. Раньше, положимъ, онъ довольно грубо обрывалъ такія просьбы. Теперь онъ слушаетъ и милостиво вступаетъ въ разговоры. Но разговоры эти невольно вызываютъ въ головѣ картину, гдѣ Гоголь представляетъ, какъ добръ былъ къ бѣднымъ въ Миргородѣ Иванъ Ивановичъ. «Гм! Что жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?..» «Гм! Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?..» «Гм! Развѣ мясо лучше хлѣба?..» То же и

заключеніе: «Ну, ступай же съ Богомъ. Чего же ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью». Здѣсь только оно облекается въ такую форму: Петербургъ совѣтуетъ для окончанія разговора, чтобы кавказцы обратили собранныя для университета средства на учрежденіе какой-нибудь *средней* профессиональной школы. Положимъ, въ силу самыхъ условій пожертвованія кавказцы на это не имѣютъ права, да не о томъ для нихъ идетъ и рѣчь. Но это все же привѣтливѣе, чѣмъ отвѣчать прямымъ отказомъ.

А между тѣмъ нѣтъ дѣла, которое было бы справедливѣе, чѣмъ требованіе собственнаго университета для Кавказа. Современное существованіе Кавказа—сплошная цѣль противорѣчій. Обширный и разнообразный край, раскинувшійся подъ благословеннымъ небомъ, край, гдѣ природная растительность поистинѣ является «божьемъ садомъ», край, въ нѣдрахъ своихъ скрывающій неисчислимыя богатства, и въ то же время край, который русская казна признаетъ себѣ за тягость, край, гдѣ хозяйничанье наше по справедливости характеризуется словами «ни себѣ, ни людямъ», край, гдѣ дары природы не обезпечиваютъ населенію элементарнаго довольства, край, ропщущій, какъ будто бы онъ былъ обдѣленъ судьбою: это—несообразности изъ самыхъ вопіющихъ. Другого же средства нѣтъ, чтобы разорвать ту сѣть безсмыслицъ, въ которой путается и бьется жизнь Кавказа, какъ всячески способствовать развитію въ немъ истинно-интеллигентныхъ элементовъ и самобытныхъ, отвѣчающихъ оригинальнымъ его запросамъ отраслей научныхъ изысканій. Самостоятельный очагъ высшаго образованія является насущнѣйшей потребностью Кавказа. Его тепло дать ту энергію, которая необходима, чтобы направить въ настоящее русло теченіе кавказской жизни. При его свѣтѣ для доброй воли того же правительства впервые станетъ возможнымъ избѣгать ошибокъ, которыя оно сейчасъ творитъ роковымъ образомъ, дѣйствуя какъ бы съ завязанными глазами.

Но Петербургъ къ такого рода аргументамъ глухъ. Для государственныхъ мужей все это—только обывательскія соображенія. Сами они оцѣниваютъ положеніе съ иной, гораздо болѣе высокой точки зрѣнія, позволяющей приравнивать нулю собственные интересы края. «Мы взяли инородцевъ,—такъ гово-

рилъ недавно въ Государственномъ Совѣтѣ одинъ изъ вдохновителей русской политики, П. Н. Дурново,—не для того, чтобы доставить имъ удовольствіе, а потому, что они намъ нужны, и поставимъ ихъ такъ, какъ того требуютъ интересы нашего отечества». Для интересовъ же отечества,—въ истолкованіи ихъ петербургской бюрократіей,—кавказскій университетъ представляется опаснымъ. Сдѣлать Тифлисъ, столицу Закавказья, университетскимъ центромъ,—развѣ не значитъ это оказывать потворство кавказскому сепаратизму? Пускай сейчасъ этотъ счастливый по природѣ край вовсе не видитъ никакого счастья, зато онъ нашъ. Если же онъ, достигнувъ процвѣтанія, возьметъ да отдѣлится отъ Россіи, какъ будутъ отвѣчать за это передъ отечествомъ гг. Дурново, Макаровы и Кассо?

На эти бюрократическіе страхи и отвѣчаетъ записка о тифлисскомъ университетѣ, представленная въ совѣтъ министровъ намѣстникомъ Кавказа, главные выводы которой на дняхъ сообщены были въ печати. На фактахъ, съ цифрами въ рукахъ намѣстникъ доказываетъ гг. министрамъ всю призрачность питаемыхъ Петербургомъ подозрѣній. «Вообще,—говоритъ въ концѣ записки,—опасеніе созданія сепаратизма путемъ открытія высшей школы не имѣетъ подъ собой ни малѣйшаго основанія, такъ какъ исторія не знаетъ ни одного примѣра, чтобы школа, основанная на государственномъ языкѣ, дала сколько-нибудь отрицательные результаты въ отношеніи болѣе прочной спайки страны.»

Какъ членъ правительства высокопоставленный авторъ «записки» не могъ не проявлять особой сдержанности при критикѣ линіи правительственнаго поведенія въ вопросѣ о высшемъ учебномъ заведеніи на Кавказѣ, и для оффиціального документа докладъ его составленъ въ достаточно категоричномъ тонѣ. Но при свободѣ называть вещи своими именами толь этотъ надобно поднять много и много выше. Самая мысль о томъ, будто бы у Россіи есть основанія опасаться возможности отпаденія отъ нея Кавказа, явная нелѣпость. Ея господство въ петербургскихъ сферахъ показываетъ только, какъ при бумажномъ управленіи бумажные драконы, въ родѣ Катковымъ еще пущеннаго «сепаратизма», оказываются способны вызы-

вать правительственные дѣянія, которымъ реальная политика должна отказать въ тѣни смысла. Сепаратизмъ Кавказа? Пусть кто-нибудь попробуетъ нарисовать конкретно картину, которая соотвѣтствовала бы этимъ словамъ, звучащимъ для нѣкоторыхъ ушей такъ страшно. Можно представить себѣ возможность отдѣленія отъ Россіи Польши, являющей собой этнографическое и культурное единство. Но на Кавказѣ, гдѣ грузинскій, армянскій и татарскій элементы такъ между собой переплетены и такъ непримиримо между собой враждуютъ, кто же собственно способенъ былъ бы отдѣлиться отъ Россіи, и что бы тамъ стало на мѣсто русскаго господства? Царство армянское? Царство грузинское? Царство татарское?—Такъ и татаръ казанскихъ, съ своимъ товаромъ мирно расхаживающихъ по Россіи, можно, пожалуй, заподозрѣть: ужъ не агенты-ли это пропаганды казанскаго сепаратизма?

Кавказъ однако будируетъ довольно сильно, и въ частности кавказская молодежь, учащаяся въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, даетъ, по донесеніямъ въ соотвѣтственные министерства, высокій процентъ лицъ, доступныхъ дѣйствию революціонной пропаганды. Да какъ же не будировать Кавказу, когда въ отвѣтъ на выраженіе законнѣйшихъ своихъ желаній, онъ слышитъ только, что Россія присоединила его къ себѣ не для того, чтобы «ему дѣлать удовольствіе»? Въ частности же кавказской молодежи, разсѣянной по русскимъ высшимъ школамъ, есть отъ чего быть склонной къ оппозиціи. Въдѣ самая необходимость, въ которую поставлены уроженцы Кавказа покупать высшее образованіе цѣною риска потерять отъ рѣзкой переменѣ климата свое здоровье, достаточна, чтобы непрерывно держать ихъ въ раздраженіи противъ царящаго по отношенію къ нимъ режима. Въ другихъ странахъ «отечество» воспользовалось бы несомнѣнно такого рода пунктомъ, какъ Тифлисъ, въ интересахъ не только мѣстнаго населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и собственныхъ своихъ дѣтей, которымъ въ учебное ихъ время теплый край необходимъ по состоянію организма. У насъ, наоборотъ, уроженцевъ Кавказа просятъ пожаловать для обученія туда, гдѣ среди тумановъ и морозовъ этихъ южанъ, выросшихъ на солнцѣ, подстерегаетъ грозный

врагъ—чахотка,—и гдѣ во всякомъ случаѣ для нихъ житье—страданіе. Надобно въ это вдуматься, чтобы понять психологію учащихся кавказцевъ.

Но если бы даже сепаратизмъ Кавказа не былъ сказкой, если бы онъ дѣйствительно былъ мыслимъ, такъ чѣмъ бы тутъ могло принести вредъ основаніе русскаго университета въ Закавказьѣ? Записка кавказскаго намѣстника говоритъ: «Исторія не знаетъ ни одного примѣра, чтобы школа, основанная на государственномъ языкѣ, дала сколько-нибудь отрицательные результаты въ отношеніи болѣе прочной спайки страны». Сказано вѣрно, но это необходимо еще значительно усилить. Исторія прямо знаетъ, что основаніе цвѣтущей высшей школы—лучшее средство тамъ, гдѣ является забота о подобной спайкѣ. Что сдѣлала Германія при Бисмаркѣ, когда она присоединила Эльзасъ и Лотарингію, успѣвшіе давно скрѣпитися съ Франціей прочными матеріальными и духовными связями? Чтобы внутренне ассимилировать себѣ тѣ страны, которыя были захвачены военной силой, на слѣдующій же годъ по заключеніи мира Германія основываетъ въ Страсбургѣ университетъ и обставляетъ его исключительно богато. Она хотѣла, чтобы Страсбургъ выдвинулся сразу на одно изъ первыхъ мѣстъ въ университетскомъ мірѣ, и она этого достигла и не ошиблась въ государственномъ своемъ расчетѣ. Если сейчасъ даже французскіе провинциалы реванша съ горемъ признаютъ, что Эльзасъ по крайней мѣрѣ изъ французской сталъ совершенно нѣмецкою страной, то въ крупной долѣ такое превращеніе произошло благодаря престижу блестящаго страсбургскаго университета.

Таковъ культурный методъ борьбы съ сепаратизмомъ. Но, повторяемъ, пора бы въ примѣненіи къ Кавказу совсѣмъ оставить толки о сепаратизмѣ и обсуждать вопросъ о насажденіи высшихъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ лишь съ точки зрѣнія пользы и нужды тѣхъ 10-ти милліоновъ человѣкъ, которые образуютъ населеніе края. Въ этой же постановкѣ вопросъ не допускаетъ спора.

СРЕДНЯЯ И НИЗШАЯ ШКОЛА
ПРИ г. КАССО.

Итоги.

1912 годъ.

Смѣта министерства народнаго просвѣщенія въ Думѣ—моментъ, когда законно подводятся итоги тому, что получила страна отъ лицъ, поставленныхъ во главѣ вѣдомства верховной властью.

Въ плачевномъ видѣ принялъ нашъ вѣкъ отъ своего предшественника дѣло образованія въ Россіи. Въ народной школѣ—реакціонное Положеніе 1874 года съ прибавкой «раздѣленія властей» по правиламъ 13 іюня 1884 г., созданнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ, этимъ злымъ гениемъ Россіи, четверть столѣтія душившимъ въ ней всякое движеніе жизни. Бюджетъ народной школы—двугривенный на жителя, тогда какъ въ культурныхъ странахъ онъ опредѣлялся гдѣ въ 2 руб., гдѣ въ 3 руб., въ американскихъ же Соединенныхъ Штатахъ даже до 5 руб. Въ гимназіяхъ—толстовская система и деляновскіе циркуляры насчетъ «кухаркиныхъ дѣтей». Въ университетахъ—Уставъ 1884 года, характеристика котораго достаточно извѣстна.

Новый вѣкъ настоятельно потребовалъ реформы образованія на всѣхъ его ступеняхъ, и высшая государственная власть не осталась къ этому требованію глуха. Всѣмъ памятенъ Высочайшій рескриптъ на имя генерала Ванновскаго отъ 25 марта 1901 г. Въ этомъ рескриптѣ,—такъ формулировалъ его смыслъ въ первомъ своемъ министерскомъ приказѣ самъ ген. Ванновскій,—указана была въ краткихъ словахъ вся програм-

ма дѣятельности, предстоявшей новому министру. «Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устройство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія».

Всѣ виды школы представляли однако столько до нестерпимости наболѣвшихъ мѣсть, что невозможно оказывалось ждать годы, необходимые на разработку плана стройной и согласованной реформы сложнаго и отвѣтственнаго дѣла образованія во всемъ его огромномъ цѣломъ. Дѣло пошло путемъ отказовъ отъ наиболѣе вопіющихъ несообразностей стараго режима, а такъ какъ имъ имя было легионъ, то въ сущности всѣ виды школы скоро остались безъ правильныхъ уставовъ. На временномъ положеніи стали жить гимназіи, къ «временнымъ правиламъ» пришли университеты; да и въ начальной школѣ отдѣльныя правительственныя мѣры во многомъ не согласовались съ старыми принципами, которые не были формально взяты назадъ въ законодательномъ порядкѣ.

Такого положенія никто, конечно, не могъ считать нормальнымъ, и потому, какъ только послѣ бури освободительнаго движенія явилась снова возможность планомѣрной законодательной работы, лица, руководившія тогда вѣдомствомъ просвѣщенія, немедленно принялись за составленіе уставовъ и высшей, и средней, и народной школы, а Государственная Дума съ нетерпѣніемъ ждала, когда уставы эти будутъ внесены въ нее на разсмотрѣніе. Но наступило 1 января 1908 года. На смѣну гг. Кауфману и Герасимову явились г. Шварцъ и г. Ульяновъ, и Думѣ пришлось запастись добавочнымъ терпѣніемъ. Проекты, подготовленные при г. Кауфманѣ, оказались не соответствующими болѣе правительственнымъ видамъ, и министерство занялось составленіемъ новыхъ. Работая съ примѣрнымъ рвеніемъ, оно въ два съ половиной года успѣло справиться съ такой задачей, и при замѣнѣ осенью 1910 года г. Шварца теперешнимъ министромъ въ Думу уже были внесены всѣ три школьныхъ законопроекта, въ сложности представлявшихъ планъ общей реформы русскаго учебно-воспитательнаго строя.

Но тутъ случилось нѣчто, чему въ исторіи школы нигдѣ, кажется, не отыщешь аналогіи. Бюрократическія учрежденія неизмѣнно грѣшатъ тѣмъ, что они писанію уставовъ придаютъ очень преувеличенную цѣну, Россіи же судьба послала въ 1910 году такого бюрократа, взгляды котораго на значеніе организационной дѣятельности правительства напоминаютъ кн. Крапоткина и Элизе Реклю.

«Не придаю никакой важности уставамъ»: на этомъ основаніи г. Кассо обратилъ изъ Думы университетскій законопроектъ г. Шварца, не замѣнивъ и не собираясь замѣнить его никакимъ новымъ. Конечно, на бумагахъ университеты считаются живущими по законному уставу—по «новому уставу» 1884 г. Но въ объяснительной запискѣ къ своему законопроектъ г. Шварцъ съ достаточной компетентностью показалъ, что это—фикція, что «перемѣны, кои были въ уставѣ 1884 г., согласно съ указаніями опыта, произведены за истекшее 20-тилѣтіе, настолько значительны, что отъ первоначальнаго его содержанія въ сущности осталось уже немного». Теперь же стараніями г. Кассо и ничего почти не остается. Уставъ 1884 г. съ прибавкой запрещенія приватъ-доцентамъ оказывать научную конкуренцію профессорамъ, но съ сохраненіемъ системы гонорара, введенной ради обезпеченія возможности подобной конкуренціи, это—насмѣшка и надъ закономъ, и надъ здравымъ смысломъ. Было бы однако непослѣдовательно обрушиваться за нее на г. Кассо, разъ онъ такъ откровенно сразу заявилъ о полномъ принципиальномъ своемъ неуваженіи къ уставамъ.

Такъ же отнесся теперешній министръ и къ той работѣ, которую произвелъ г. Шварцъ по проекту реформы нашей средней школы. «Нынѣ дѣйствующія» или, вѣрнѣе, якобы дѣйствующія нынѣ положенія о гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ представляютъ собою глубокой архаизмъ. Они списаны были г. Георгіевскимъ 40 лѣтъ тому назадъ съ тѣхъ европейскихъ образцовъ, которые Европа сама успѣла сдать въ архивъ, перейдя къ новому учебно-воспитательному строю. Г. Шварцъ въ своей реформѣ попытался хоть нѣсколько продвинуться впередъ вслѣдъ за Европой. Г. Кассо нашелъ его

проектъ себѣ не по душѣ и также взялъ его изъ Думы обратно въ министерство. Онъ долженъ замѣнить его своимъ? Съ какой же стати? Это была бы работа, и притомъ трудная и отвѣтственная работа. А кто же сталъ бы съ охотой убивать жизнь на то, чему онъ въ принципѣ не придаетъ значенія? «Все дѣло въ людяхъ»: такъ, выкурить изъ одного университета полтора десятка заслуженныхъ и молодыхъ ученыхъ или въ одномъ учебномъ округѣ цѣлую тысячу учителей удалить со службы, — вотъ это — настоящее поле для приложенія административной энергій и административнаго таланта. Уставы же... если народные представители, собранные въ Думѣ, желаютъ обладать новымъ уставомъ средне-учебныхъ заведеній, пусть сами его пишутъ. Имъ предоставлена вѣдь тоже законодательная инициатива.

Но почему бы, въ самомъ дѣлѣ, народнымъ представителямъ не попробовать самимъ исполнить то, на что не хочетъ тратить своего времени презирающее уставы министерство? Отвѣтъ даетъ судьба третьяго изъ внесенныхъ въ Думу г. Шварцемъ законопроектвъ — плана переустройства нашей народной школы. Много и добросовѣстно поработали надъ нимъ сотрудники г. Шварца, которымъ онъ довѣрилъ это дѣло. Много и добросовѣстно поработала надъ его обсужденіемъ Государственная Дума. А Государственный Совѣтъ пресѣкъ возможность его осуществленія при дѣятельномъ участіи министра: вкупѣ съ г. Звѣревымъ и г. Дурново г. Кассо ратовалъ, чтобы изъ новой затѣи ничего не вышло. Откуда же послѣ этого и у Государственной Думы могла бы явиться энергія проявлять свою законодательную инициативу?

Краснорѣчивы эти итоги правленія молчаливаго министра. Они становятся однако еще краснорѣчивѣе, если мы окинемъ взглядомъ все послѣднее десятилѣтіе. Парламентъ — говорильня; парламентъ даромъ тратитъ время при законодательной работѣ; парламентъ не обеспечиваетъ ей пужнаго единства направленія... у кого повернется языкъ все это повторять, если онъ сравнитъ хотя бы ходъ реформы французскаго образованія послѣ прусскаго погрома съ той картиной, которая развертывается въ Россіи. Благодаря народнымъ представите-

лямъ и у насъ средства на образованіе народа стали отпускаться гораздо болѣе щедрою рукою: за послѣднее пятилѣтіе 1907—1912 гг. бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія возросъ въ 2½ раза. Но дѣятельность министерства, кичащагося полной своей независимостью отъ смѣнныхъ настроеній Думы, точно опредѣляется словами: сдѣлать, передѣлать, раздѣлать... Нѣтъ, не на Западѣ съ его парламентаризмомъ, а у насъ, въ богоспасаемой Россіи, законодательная дѣятельность напоминаетъ собой сказку про бѣлаго бычка.

Родительскіе комитеты.

1911 годъ.

Въ дѣлѣ опустошенія русской жизни приходится отмѣтить новый эпизодъ. Министерство народнаго просвѣщенія, все время стремившееся показать, что оно шутитъ не любитъ, съ родительскими комитетами рѣшило пошутить и однимъ почеркомъ пера, одной переменной цифры самое ихъ существованіе обратило въ шутку. Постановление совѣта министровъ отъ 13 ноября 1905 года пребываетъ въ силѣ, родители вольны организовать при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ собранія и комитеты, и въ то же время родительскихъ комитетовъ больше нѣтъ, школьная бюрократія свободна отъ такой доуки, и остается только вспоминать, почему общество попробовало-было обезпокоить ее подобной затѣей.

Что вызвало родительскіе комитеты къ жизни шесть лѣтъ тому назадъ? Сознаніе необходимости возстановить утерянное взаимное пониманіе между обществомъ и средней школой. Гимназіи наши,—какъ это всѣмъ извѣстно,—являются довольно точнымъ сколкомъ съ сосѣднихъ прусскихъ. А прусскія гимназіи,—какъ это менѣе извѣстно,—сложились въ ту пору, когда на горизонтѣ общественной нѣмецкой мысли ярко горѣла звѣзда Гегеля съ его превознесеніемъ культа государства. Въ недавно вышедшей работѣ проф. Будде стоитъ прочитать, какъ сильно и какъ пагубно отразилось гегельянство на строѣ нѣмецкой средней школы. Гегель же постарался философски подкрѣпить и то стремленіе, которое присуще

всякой бюрократіи,—править, руководясь лишь собственнымъ разумѣніемъ и удобствомъ. Съ «родительскими притязаніями вмѣшиваться въ распорядки школы» философъ прусской государственности рекомендовалъ настойчиво бороться, и школьные чиновники не остались глухи къ столь авторитетному внушенію. Procul este, profani, хотя бы дѣло шло о воспитаніи вашихъ собственныхъ дѣтей.

Дорого заплатила и Германія за такую утрировку государственнаго начала въ средней школѣ; но самое глубокое внутреннее опустошеніе школьной жизни произвела такая гегельянская теорія при переносѣ ея къ намъ, въ Россію. Въ Германіи гимназія была все-же растеніемъ, самостоятельно развившимся на національной почвѣ. Въ Германіи, затѣмъ, она воспитывала дѣтей общественнаго класса, гдѣ тѣ родители, которые не прошли сами по крайней мѣрѣ гимназическаго курса, являлись въ XIX столѣтіи уже рѣдкимъ исключеніемъ. Отсюда при всей горечи, какая накопилась и у нѣмцевъ противъ ведущейся по гегельянскимъ завѣтамъ школы, критика обществомъ гимназіи не выходила за извѣстные предѣлы: общество все-же сохраняло къ своей гимназіи значительную долю пѣтета и обнаруживало пониманіе тѣхъ трудностей, какія приходится встрѣчать на своемъ пути всякой школѣ. Не тѣ условія нашла организованная по прусскому образцу гимназія въ Россіи. Навязанная обществу извнѣ, она должна была при этомъ исполнять особенно трудную задачу: она должна была разлить среднее образованіе въ средѣ, которая раньше въ крупной мѣрѣ оставалась ему чуждой. Русской гимназіи пришлось, да и приходится еще понинѣ, имѣть дѣло со множествомъ родителей, которымъ все то, надъ чѣмъ такъ трудятся въ школѣ педагоги, по сути непонятно. Ей было бы необходимо потому съ особой тщательностью отнестись къ задачѣ ввести родителей въ пониманіе внутреннихъ условій жизни школы. Но власти, управлявшія ея судьбой, сдѣлали совсѣмъ обратный выводъ. Если Германія не находитъ нужнымъ считаться въ гимназическихъ вопросахъ съ мнѣніемъ общества, которое тамъ высоко культурно, то уже въ Россіи, конечно, здоровая школьная политика можетъ быть одна: «не разго-

варивать». Такой буквально окрикъ и сдѣланъ былъ на общества во времена Каткова и Толстого.

Публично,—въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ,—о средней школѣ послѣ катковской ея реформы долгіе годы и не было никакого разговора. Но дома, но въ кругу знакомыхъ родители не могли о ней не говорить, и разговоры эти дышали уныніемъ и злобой, и въ разговорахъ этихъ все школьное рублилось съ плеча, и разговоры эти опредѣляли отношеніе самихъ учащихся къ воспитывавшей ихъ школѣ. Преувеличенное представление о вліяніи школы на питомцевъ—одно изъ самыхъ распространенныхъ и опасныхъ для школы заблужденій. Вліяніе школы можетъ быть огромно, если оно правильно скомбинировано съ дѣйствіемъ другихъ общественныхъ агентовъ. Но мысль, что чрезъ школу правительственная рука способна вести жизнь противъ глубокихъ общественныхъ теченій,—пагубная мечта, попытки осуществленія которой на практикѣ приводятъ лишь къ уродованію школы. И это столкновение между средней школой и семьей, критиковавшей заслуженно и незаслуженно всѣ школьные программы и порядки, много содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній слишкомъ извѣстное всѣмъ подобіе маленькаго ада. Оно въ ней отравило работу учителямъ и отстраняло отъ педагогической дѣятельности самые живые элементы; оно въ ней отравило работу ученикамъ, безапелляціонно признававшимъ все гимназическое ученіе ерундой; а то, что было главнымъ соблазномъ для Толстого,—эта воспѣтая гегельянцами дрессировка гибкаго ума и послушной воли,—сформировала въ жизни поколѣнія, которыя приводили само же правительство въ полное отчаяніе при обращеніи ихъ изъ гимназистовъ въ студентовъ университета.

Когда печать публичнаго молчанія, наконецъ, была снята съ устъ, то всѣ поднявшіеся голоса слились въ общій кликъ: съ такою разобщенностью, съ такой враждой между обществомъ и школой дѣло дальше идти не можетъ. Однимъ изъ способовъ, чтобы уничтожить гибельный раздоръ между семьей и школой, и были признаны «родительскіе комитеты при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Урегулированны закономъ встрѣчи роди-

телей и педагоговъ обезпечивали послѣдней сторонѣ возможность не ограничивать свой воспитательный кругозоръ лишь полемъ, заключеннымъ въ тѣсныхъ стѣнахъ гимназій. Но столь же важно было, что при сближеніи со школой семья должна была бы рано или поздно отказаться отъ черезчуръ размашистаго критиканства, какому она за десятки лѣтъ привыкла предаваться. Распря между семьей и школой, надѣлавшая столько бѣдствій и семья, и школѣ, мало-по-малу должна была бы перейти въ сотрудничество по воспитательнымъ вопросамъ. Но комитеты создались въ 1905 г., но комитеты—порожденіе освободительнаго движенія и въ пору бури не остались въ иныхъ, хотя рѣдкихъ, случаяхъ вовсе безъ грѣха. Недаромъ же г. Шварцъ немедленно по вступленіи во власть издалъ циркуляръ, которымъ предписывалось директорамъ гимназій «коли ежели что», то доносить полиціи на членовъ комитета. Такъ лучше прочь ихъ вовсе, чтобы, напоминая о временахъ свободъ, они не дѣйствовали школьной администраціи на нервы.

Однако, чтобы открыто уничтожить комитеты, надобно было бы привести иные, болѣе уважительные мотивы и, главное, необходимо было бы объяснить, какова же будетъ общая линия поведенія правительства въ вопросѣ о мѣрахъ для устраненія розни между семьей и школой. А между тѣмъ у г. Кассо, какъ извѣстно, къ словамъ охоты иѣтъ: онъ соглашается высказываться публично только тогда, когда безъ этого обойтись совершенно невозможно. Съ родительскими же комитетами наплась для этого возможность. Г. Кассо просто повысилъ до недостижимой высоты тотъ «кворумъ», который требуется, чтобы ихъ собранія считались состоявшимися. «Кворумъ въ двѣ трети»,—и вотъ безъ разговоровъ, безъ объясненія причинъ, какъ бы по знаменитому «третьему пункту» родительскіе комитеты удалены со службы русской жизни.

Школьная автократія и семья.

(«Правила о внѣшкольномъ надзорѣ».—1911 годъ).

«Правила о внѣшкольномъ надзорѣ за учениками средне-учебныхъ заведеній»... По приказанію г. попечителя педагогическіе совѣты московскихъ гимназій заняты въ настоящее время рѣшеніемъ важной общественно-воспитательной задачи, — какъ комбинировать всего цѣлесообразнѣе маневры полиціи и педагоговъ по ловлѣ гимназистовъ на гуляньяхъ, въ мѣстахъ публичныхъ увеселеній и просто, наконецъ, на улицахъ зимою позже 8-ми, а лѣтомъ позже 10-ти часовъ. И смѣхъ, и горе. Смѣхъ для людей съ веселымъ нравомъ, стоящихъ внѣ прямого отношенія къ школѣ. Горе и для дѣтей, учащихся въ гимназіяхъ, и для ихъ семействъ, и болѣе всего для отвѣчающихъ своему призванію педагоговъ.

Не правильнѣе ли было бы однако, чтобы никто не портилъ себѣ крови отъ этой педагогически-охотничьей затѣи? Вѣдь ясно, что въ условіяхъ столичной жизни ей суждено остаться только фарсомъ. Вопросъ объ организаціи усиленнаго внѣшкольнаго надзора въ Москвѣ не новъ. На первыхъ же шагахъ министерства г. Шварца объ этомъ велись въ Москвѣ совѣщанія между учебнымъ округомъ и градоначальствомъ. Тогда по представленію чиновъ полиціи окружные чины признали мечту свою неисполнимой. Теперь они рѣшили все же ее осуществить. Ну, что же, пускай попробуютъ явиться учителями самой полиціи въ полицейскомъ дѣлѣ, пусть погоняютъ злосчастныхъ надзирателей по ночной Москвѣ, пусть сдѣлаютъ изъ нихъ

ходячій типъ для сатирическихъ журналовъ, пусть укрѣпляютъ за классными наставниками кличку «Передоновъ», — бѣды большой отъ этого не будетъ, а общество найдетъ, чѣмъ позабыться въ скучномъ школьномъ дѣлѣ. Новыя сцены для какого-нибудь бульварнаго «Обозрѣнія Москвы въ 1911 г.»

Все это такъ, но мы не полагаемъ, чтобы можно было глядѣть на дѣло только съ балаганной стороны. Здѣсь есть надъ чѣмъ задуматься серьезно какъ съ точки зрѣнія принципиальной, такъ и съ точки зрѣнія непосредственного практическаго вліянія новой мѣры на укладъ жизни въ школѣ.

На комъ лежитъ забота о воспитаніи подрастающихъ поколѣній въ современномъ государствѣ? Отчасти на семьѣ, отчасти на специальныхъ органахъ правительственной власти. Какъ разграничивается между ними эта область? На Западѣ господствующій теоретическій принципъ гласитъ: участіе правительственной власти умѣстно лишь въ той мѣрѣ, въ какой сама семья признаетъ себя не въ силахъ справиться со сложными воспитательными задачами. На практикѣ въ большинствѣ странъ мы видимъ отступленія отъ этого принципа въ пользу усиленнаго вмѣшательства въ воспитательное дѣло государства. Но государство, умудренное опытомъ, само не позволяетъ себѣ тамъ выходить въ своихъ претензіяхъ за извѣстныя границы. Изъ сути воспитательнаго дѣла ясно, что въ цѣломъ эта тонкая задача не можетъ исполняться только при помощи столь грубыхъ по необходимости орудій, какъ органы правительственнаго механизма. По правилу о соотношеніи обязанностей и правъ государство и не пытается поэтому присвоить себѣ въ области воспитанія полноту правъ, такъ какъ она сдѣлала бы его отвѣтственнымъ за все физическое и духовное развитіе каждаго гражданина, — отвѣтственность, передъ которой государство отступаетъ. Такъ и прошла здѣсь пограничная межа: въ школѣ и западныхъ государства склонны видѣть свое, или, вѣрнѣе, правительственное царство, но за стѣнами школы — царство родительскаго авторитета. Однако и государственное управленіе школой заботится о томъ, чтобы между школьнымъ и родительскимъ авторитетомъ было какъ можно меньше конфликтовъ. Разъ государство въ семьѣ видитъ главнѣйшую базу собственнаго

своего существованія, разъ оно признаетъ семью основной общественной ячейкой,—оно не можетъ своей силой расширять семейные устои.

Въ практической политикѣ такое положеніе порождаетъ рядъ вопросовъ, которые считаются на Западѣ особенно ответственными, и требующими исключительнаго такта. Но то, что затрудняетъ Западъ, то необыкновенно просто рѣшается въ Россіи.

Вотъ г. московскій попечитель замѣтилъ, что иные гимназисты являются по временамъ «въ неподходящихъ для нихъ мѣстахъ, въ неподходящемъ обществѣ и иногда даже въ непристойномъ видѣ». Готово дѣло. Не спрашиваясь никого и даже не совѣщаясь ни съ кѣмъ,—даже съ имѣющимъ при округѣ совѣтомъ,—онъ обращается, съ одной стороны, циркулярно къ педагогическимъ совѣтамъ, съ другой... вы думали бы къ родителямъ дѣтей, воспитывающихся въ гимназіяхъ?... нѣтъ, прямо къ дѣтямъ. «Дѣти школьнаго возраста,—пишетъ г. попечитель гимназистамъ въ особомъ выдаваемомъ имъ на руки «Наставленіи»,—не могутъ быть предоставлены самимъ себѣ въ дѣлѣ установленія надлежащихъ нормъ поведения. Здѣсь необходимы указанія и совѣты старшихъ. Вооруженные знаніями и опытомъ, школьные руководители не могутъ не желать искренно помочь учащимся въ томъ, чтобы внѣ обстановки семьи и школы они могли уберечь себя отъ ошибокъ и сохранить свое личное достоинство и достоинство того учебнаго заведенія, которое ихъ воспитываетъ. Такова цѣль требованій и указаній по отношенію къ ученикамъ, изложенныхъ въ настоящемъ билетѣ.» И, начинаясь съ обязательства носить на улицѣ форменную одежду («рисунокъ форменной одежды вывѣшенъ въ зданіи учебнаго заведенія»), «билетъ» обязываетъ дальше гимназистовъ не отлучаться вечеромъ изъ дома позже указаннаго срока, не посѣщать театра, публичныхъ лекцій, торжественныхъ собраний и проч. безъ особаго разрѣшенія начальства, не принимать участія въ какихъ бы то ни было кружкахъ и Обществахъ, въ чествованіяхъ, носящихъ публичный характеръ, въ состязаніяхъ на призы, не посѣщать въ числѣ публики засѣданій судебныхъ, городской Думы, дворянскихъ и земскихъ собраний и т. д., и т. д.

Ну, а родители? Неужели въ округѣ ихъ существованіе такъ-таки окончательно забыли? До этого однако дѣло не дошло. Родителямъ тоже препровождено по экземпляру «Наставленія», и даже съ нихъ отбирается подписка въ чтеніи этихъ правилъ. Но что они про это думаютъ,—объ этомъ уже округъ знать ничего не хочетъ. Родителямъ—къ свѣдѣнію, дѣтямъ—къ руководству, педагогическимъ совѣтамъ—къ исполненію, а думаетъ и выдумываетъ все за всѣхъ самъ г. московскій попечитель.

Но съ какой стати и сталъ бы онъ заботиться о мнѣніи родителей, разъ онъ, повидимому, не вмѣшивается въ права семьи. Вѣдь наставленіе касается лишь случаевъ, когда воспитанникъ находится «внѣ обстановки семьи и школы»,—такъ сказать, на нейтральной почвѣ... Не знаемъ, попробуетъ ли округъ прибѣгать къ подобному софизму. Во всякомъ случаѣ передъ такой уловкой останется только пожалть плечами. Не говоря уже про всѣ эти безчисленные абсолютныя запрещенія, при которыхъ округъ можетъ прикрыться эгидой министерскихъ циркуляровъ, возьмемъ его самостоятельное измышленіе,—эту регулировку отлучекъ изъ дома, эту оригинальную систему соединенія семейной обстановки съ интернатомъ. Какую смуту вноситъ оно въ жизнь многихъ тысячъ московскихъ семей. Кто приучалъ дѣтей, чтобы они исполняли домашнія порученія; кто дополнял развитіе ихъ въ тѣхъ важныхъ областяхъ, которыя не культивируетъ гимназія,—какъ музыка или рисованіе, или практическія занятія новыми языками; кто, находя, что общую благовоспитанность, что нѣкоторые общежительные навыки приходится цѣнить не ниже благъ образованія, старался, чтобы дѣти бывали въ подходящемъ обществѣ, и т. д., и т. д. Теперь все это, если не совсѣмъ прекращено, то поставлено подъ контроль учебнаго начальства. Безъ вечера при этомъ никакъ не обойдешься: вечернія же отлучки «изъ семейной обстановки»,—хотя бы съ отцомъ и съ матерью,—требуютъ разрѣшенія начальства. Вы, можетъ-быть, считаете, что если сыну на недѣлѣ удастся послушать музыку, которую онъ страстно любитъ, то онъ потомъ бодрѣе будетъ работать надъ тѣми же гимназическими уроками. Начальство же можетъ взгля-

нуть на посѣщеніе концертовъ въ будни какъ на баловство, и вамъ, родителю, придется предъ волею начальства преклониться. Такъ будетъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, причемъ, однако, если сынъ вырастетъ какъ неотесанный бурсакъ или если за отсутствіемъ гонимыхъ развлеченій изъ него станутъ слагаться меланхоликъ, или если онъ, изъятый изъ-подъ родительскаго руководства, разстроится настолько нервами, что изъ-за глупости, въ родѣ полученія двойки, способенъ будетъ покушаться на самоубійство или на другую полоумную выходку въ томъ же родѣ, то,—можно быть увѣреннымъ,—отвѣтственности за это округъ на свою душу не возьметъ. Нѣтъ, школьному начальству — права; родителямъ — отвѣтственность: такова русская казенная теорія касательно участія семьи и государства въ дѣлѣ воспитанія.

Отдѣльные родители, конечно, почти безсильны здѣсь бороться. Въ случаѣ ихъ протестовъ начальство бьетъ ихъ по самому большому мѣсту,—по тѣмъ же дѣтямъ. «Не нравятся вводимые нами новые порядки, не нравится домашній интернатъ, не нравится приглашеніе городскихъ для поддержанія школьной дисциплины,—такъ вамъ извѣстно, что мы въ гимназіяхъ насильно никого не держимъ. Берите сына вонъ и воспитывайте его по своему родительскому благоусмотрѣнію.» Судебной же охраны для возможности родителямъ воспитывать дѣтей въ какой-либо изъ школъ, обладающихъ «правами», главнымъ изъ которыхъ является право на доступъ къ высшему образованію, въ нашихъ законахъ нѣтъ. Пускай гимназія всецѣло содержится на средства, доставляемые самими же родителями; разъ только она относится къ разряду полноправныхъ, учебный округъ и надъ ней хозяйничаетъ такъ же, какъ надъ «казенной» — по существующему словоупотребленію. Уже сейчасъ включеніе городскихъ въ число «наставниковъ, которые лелѣютъ юность нашу», уже сейчасъ обращеніе ранѣе безобидной форменной одежды въ подобіе арестантской «формы» до глубины души возмущаетъ во многихъ чувство простаго человѣческаго достоинства. Но округъ, объятый рвеніемъ къ «предупрежденію и пресѣченію», можетъ позволить себѣ и гораздо больше на пути сближенія тюремнаго и гимна-

зическаго режима: со всѣмъ родителямъ придется примириться, если они хотятъ, чтобы изъ дѣтей ихъ вышли впоследствии образованные люди.

Это господство произвола, эта свобода унижать личность учащагося въ школѣ и его семью—пережитокъ нашего «старого порядка». Новыя наши законодательныя учрежденія не должны поэтому пропускать актовъ, подобныхъ изданію московскихъ «Правиль», безъ всякаго вниманія, какъ слишкомъ мелкихъ административныхъ мѣръ. При видимой своей значительности и даже смѣхотворности «Правила» эти поднимаютъ коренной вопросъ: что же для чего? Суббота для человѣка или человѣкъ для субботы? Школы для помощи семьѣ или семья для доставленія живого матеріала заведеннымъ ради казенной надобности школамъ? Пора же положить конецъ порядкамъ, при которыхъ у школьной администраціи развились привычка въ сношеніяхъ съ семьями говорить про гимназистовъ: «Мое добро: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю». Только народные представители способны поднять въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о коренномъ пересмотрѣ отношеній между семьей и правительственной школой. На нихъ ложится и обязанность взяться за это, не давая чрезмѣрно застарѣть болѣзни.

Но если даже оставаться всецѣло на почвѣ существующихъ законоположеній, нельзя не указать высшей школьной администраціи, что ей бы слѣдовало умѣрить воспитательное рвеніе иныхъ изъ подчиненныхъ. Стремясь раздвинуть воспитательную свою дѣятельность за предѣлы школы, школьное начальство, не достигая новой цѣли, наноситъ тяжкіе удары самой же школѣ, какъ воспитательному учрежденію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно только не закрывать глаза на то, что происходитъ сейчасъ въ кругахъ, затронутыхъ изданіемъ новыхъ «Правиль».

§ 1-й новоявленнаго ученическаго «билета» говоритъ: «Внѣ дома ученики должны быть въ одеждѣ установленной формы». Если бы мы не опасались, что наше предложеніе будетъ принято буквально, мы посоветовали бы округу ходатайствовать передъ градоначальствомъ, чтобы чины полиціи освѣдомились у портныхъ, сколько къ нимъ поступило за послѣдніе дни

заказовъ на шитье «статскаго платья» для московскихъ гимназистовъ. Кто и не думалъ раньше имъ обзаводиться, теперь торопится, принимая къ сердцу «Наставленіе».

§ 5-й говоритъ о времени прогулокъ и отлучекъ. Послушайте, о чемъ идутъ бесѣды гимназистовъ. «Очень просто: стклянка съ лѣкарствомъ изъ аптеки въ карманъ,—и дѣло въ шляпѣ». Переберите параграфъ за параграфомъ: каждый изъ нихъ служитъ предметомъ оживленнѣйшихъ обсужденій среди учащихъ въ гимназіяхъ и всѣ съ одной и той же точки зрѣнія,—какъ выработать совершеннѣйшіе способы ихъ обхода. Одно изъ главныхъ правительственныхъ воспитательныхъ заданий учебнымъ округамъ—ростить законопослушныхъ гражданъ. Новое «Наставленіе»—чуждая практика для гимназистовъ въ діаметрально противоположномъ направленіи. Поскольку еще страшно, быть-можетъ, кое-что кое-къмъ и будетъ исполняться. Но чтобы «за совѣсть»... Какая же тутъ совѣсть, гдѣ начинается игра въ казаки и разбойники съ надзирателями и полицейскими чинами?

Не будетъ гимназистъ исполнять «Наставленія» за совѣсть и потому, что видить, какъ къ этимъ требованіямъ относится семья. Округъ можетъ при собственномъ отеческомъ попеченіи о гимназистахъ приравнивать взгляды родителей къ нулю. Но какъ бы ни унижала родителей государственная власть, первымъ авторитетомъ для дѣтей все же всегда останутся они, и если школа идетъ вразрѣзъ съ семьей, то гибнетъ всякая возможность воспитательнаго вліянія для школы. Такой конфликтъ между семьей и школой со времени Толстого и введенія классической системы уродуетъ всю нашу гимназическую жизнь. При новыхъ вѣяніяхъ, пошедшихъ со времени Ванновскаго, онъ сталъ-было смягчаться. Та вспышка полицейски-бюрократическаго духа, которой вызвано къ жизни и наше «Наставленіе», снова выводитъ дѣло на хорошо знакомую дорогу, гдѣ взаимныя довѣріе и любовь между учащими и учащимися невозможны. Безъ этого же немыслимо воспитательное вліяніе учебныхъ заведеній, да и само ученіе для обѣихъ принимающихъ въ немъ участіе сторонъ обращается въ постылую, каторжную учобу.

Чѣмъ же однако виноваты тутъ учителя? Вѣдь если «На-

ставленіе» и говоритъ какъ бы отъ ихъ лица, то ихъ на дѣлѣ никто не спрашивалъ о мнѣніи. Какъ мы сказали, «Наставленіе» не обсуждалось даже въ попечительскомъ совѣтѣ. Конечно, учителя во всей этой затѣѣ округа нисколько неповинны. Но это только возвышаетъ моральную мучительность ихъ положенія, при которомъ они обязаны являться орудіемъ для достиженія цѣлей, возмущающихъ ихъ собственную душу, и молча переносить оскорбительныя насмѣшки людей, не различающихъ округа и педагоговъ. А гдѣ же масса общества оказывается способна на такія различія? Такъ это «Наставленіе» къ воспитанію незаконопослушныхъ гражданъ является съ тѣмъ вмѣстѣ и средствомъ къ очищенію обучающаго персонала въ гимназіяхъ отъ лицъ съ развитымъ чувствомъ собственного достоинства и теплымъ отношеніемъ къ педагогическому дѣлу. Мы говорили, о чемъ сейчасъ между собой толкуютъ гимназисты. Учителя же въ довольно безнадежномъ тонѣ обсуждаютъ, какая у кого возможность спастись съ этой гимназической галеры. Сами они, положимъ, прикованы уже къ ней достаточно крѣпкими цѣпями. Но видѣ ихъ въ настоящую минуту остережетъ многихъ талантливыхъ людей изъ молодежи отъ обращенія въ округъ съ просьбою о мѣстѣ. Учить, воспитывать—благородное призваніе. Но какъ придется ходить по ученическимъ квартирамъ... нѣтъ, лучше поискать себѣ другой дороги.

Трудно надѣяться, конечно, чтобы учебное вѣдомство способно было отступить даже предъ наличностью совершенно очевидныхъ печальныхъ фактовъ. Однако не надобно глядѣть на дѣло и черезчуръ пессимистично. Жизнь сама своими средствами сводила на нѣтъ и не такія мѣры. Но, повторяемъ, народнымъ представителямъ нельзя не обратить вниманія на этотъ повоявленный крохотный гимназическій «билетъ», гдѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отразился духъ современнаго школьнаго режима.

Арестъ дѣтей въ гимназіи Витмеръ.

1913 годъ.

Статья первая.

«Всяка душа властемъ предержанымъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога». Не думай только, — такъ толковалъ въ былое время этотъ текстъ простому люду Лютеръ, — чтобы въ Писаніи было сказано: «Нѣсть власть, аще не отъ Бога» въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ ты говоришь про моровую язву, про градобитіе, и про всякія напасти, что онѣ отъ Бога...

Такое простодушное недоразумѣніе печально припомнилось при дѣлѣ, по которому сегодня Государственная Дума спрашиваетъ отчетъ у высшаго изъ представителей учебной власти. Плачевная исторія. Подвигъ полиціи, схватившей три съ половиной десятка юныхъ школьниковъ въ гимназіи г-жи Витмеръ и нагрянувшей съ ловальнымъ обыскомъ въ ихъ семьи. Все петербургское общество въ переполохѣ. Такая неслыханная мѣра: должно-быть, и гимназисты что-нибудь неслыханное натворили. Идутъ легенды и дикія, и подлые: тутъ и злоумышленіе противъ г. Кассо, и гнусные рассказы про «огарки». Черезъ нѣсколько часовъ однако все это признается вздоромъ. Сама полиція поддерживаетъ обвиненіе въ одномъ, — что то сообщество, которое она накрыла, носило политической, антиправительственный характеръ. Судъ, разсмотрѣвъ представленныя доказательства, направилъ дѣло къ прекращенію. Скандалъ полиціи. Чтобы поддержать ея достоинство, жандармское упра-

вленіе въ Петербургѣ «взяло въ свои руки дальнѣйшее дознаніе, установивъ за большинствомъ учениковъ негласный надзоръ». Пускай. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ и у жандармовъ нѣтъ еще ничего, кромѣ одного желанія перевалить вину съ полиціи на потерпѣвшихъ отъ ея усердія гимназистовъ, и въ ожиданіи дѣти, конечно, получили возможность продолжать прерванное такой грубой рукой ученіе. Увы, не такъ. Надъ школой, кромѣ судебной и полицейской, бдитъ еще третья власть, — власть министерства просвѣщенія, которая вѣдь, тоже по Писанію, «не безъ ума мечъ носить». И мечъ этотъ пресѣкъ бѣднымъ претендамъ возможность получать образованіе въ школѣ если не на всегда, то, по крайней мѣрѣ, на срокъ министерскаго владычества г. Кассо. «Пока я у власти, — такъ передаютъ петербургскія газеты резолюцію г. Кассо, — никто изъ виновныхъ, какъ мнѣ ни жаль ихъ, не войдетъ въ двери средней школы. Зараза должна быть вырвана съ корнемъ.»

Вчужѣ не знаешь, куда отъ такихъ властныхъ словъ дѣваться. А каково тому, въ чью грудь они влетѣли какъ посланный въ упоръ зарядъ картечи? Передъ нами — письмо одной изъ матерей, задѣтыхъ петербургской школьной катастрофой. Сестра изъ Петербурга послала его своей сестрѣ въ Москву черезъ 3—4 дня послѣ случившагося несчастья. Семья скорѣе консервативная по общимъ взглядамъ и съ исключительно крѣпкой внутренней связью. Послѣ смерти мужа мать вся отдалась воспитанію дѣтей, и дѣти платятъ матери душевной близостью, не позволяющей имъ дѣлать что бы то ни было, не посвятивъ ее въ свои намѣренія. Никто изъ нихъ не выйдетъ изъ дому, не сказавъ матери, куда собрался, и одного ея неодобрительнаго слова всегда довольно, чтобы дѣти отказались отъ всякаго соблазна.

И въ тотъ злосчастный вечеръ сынъ сказалъ матери, что думаетъ пойти на собраніе въ гимназію Витмеръ, объяснивъ ей, кто тамъ будетъ. Въ отвѣтъ послѣдовало больше, чѣмъ согласіе: послѣдовало поощреніе. Мать находила такія товарищескія собранія прекрасной вещью. Письмо рассказываетъ дальше про мучительную ночь. Тщетное ожиданіе сына. Въѣсто него являются чины сыскной полиціи и производятъ обыскъ.

Къ утру лишь изъ участка прибываетъ истомленный мальчикъ. У старшей дѣвочки открылся жаръ и высыпала сыпь. Сначала докторъ рѣшилъ было, что тифъ; но черезъ день, когда температура рѣзко спала и сыпь исчезла, онъ призналъ, что это было слѣдствие остраго нервнаго потрясенія, испытаннаго сестрой въ ночь ареста брата. Другого сына тоже пришлось уложить въ постель въ виду его тяжелаго нервнаго состоянія. Ждешь гнѣвныхъ возгласовъ, ждешь выраженія негодованія, ждешь протеста. Нѣтъ, тонъ письма остается все время сдержаннымъ, какъ будто бы дѣло шло объ описаніи какого-нибудь стихійнаго несчастья, изъ тѣхъ, противъ которыхъ бесплодно возмущаться. Голосъ у матери поднимается только тогда, когда заходитъ рѣчь о будущемъ, которое теперь ожидаетъ пострадавшаго ребенка. Неужели же его исключать изъ школы? Неужели ему отрѣжутъ путь къ продолженію образованія, который онъ проходилъ съ такимъ успѣхомъ, и все за то, что онъ былъ на собраніи, куда сама же мать его почти послала! Конечно, директоръ его гимназіи готовъ ходатайствовать, чтобы дѣло обошлось безъ такихъ послѣдствій. Но самъ директоръ говоритъ, что въ концѣ-концовъ все тутъ зависитъ отъ того, какъ посмотритъ министерство.

И потянулись дни, и потянулись недѣли мучительнаго ожиданія,—и не у одной этой семьи, а у десятковъ семей. Теперь конецъ. Власть приняла рѣшеніе. Всѣ дѣти, схваченныя полиціей въ гимназіи Витмеръ, за это сталкиваются со своей прямой дороги: имъ угрожаетъ участь современныхъ «изгоевъ». Ну, что же? По крайней мѣрѣ тягостная неизвѣстность не будетъ больше жилы тянуть изъ пострадавшихъ людей. *Lieber ein Ende mit Schrecken, als ein Schrecken ohne Ende.*

Итакъ, пока г. Кассо будетъ пребывать у власти, никто изъ виноватыхъ не войдетъ въ двери средней школы и притомъ не только въ его вѣдомствѣ; г. Кассо снесся съ другими вѣдомствами, чтобы и они держали у себя школьныя двери на запорѣ. Но въ чемъ же эти виноватые повинны? Вѣдь, судъ не захотѣлъ даже допустить ихъ дѣла до разбора? Почему же г. Кассо объявляетъ этихъ дѣтей «заразой»? Отвѣтъ звучитъ здѣсь такъ: Пускай судъ не пашель въ собраніи дѣтей

политическаго элемента, но для учебной власти оно уже преступно просто, какъ собраніе. «Кружковщина,—я уже не говорю о политической,—въ стѣнахъ школы недопустима.»

«О новомъ и неслыханномъ преступленіи я расскажу вамъ, судьи: кліентъ мой ѣздилъ въ Африку»,—такъ началъ Цицеронъ одну изъ знаменитѣйшихъ своихъ защитительныхъ рѣчей. «О новомъ и неслыханномъ преступленіи я расскажу вамъ, судьи: ребята въ гимназіи Витмеръ собрались въ кружокъ»,—такъ могъ бы начать г. Кассо свою защитительную рѣчь сегодня. Не будемъ, впрочемъ, предвосхищать подлинныхъ его ораторскихъ аргументовъ. Подождемъ, пока онъ самъ изложитъ, почему невинныя собранія учащихся дѣтей надо считать «заразой». Пока же будемъ бороться противъ искушенія понять слова Писанія о власти предержавшей такъ, какъ ихъ понимали встарину простые люди.

Статья вторая.

Вопреки слухамъ, проникшимъ въ прессу, не всѣмъ участникамъ ученическаго собранія въ гимназіи Витмеръ будетъ закрыта дорога къ продолженію образованія. Г. Кассо въ своей думской рѣчи сообщилъ, что онъ сумѣлъ среди нихъ отдѣлать овецъ отъ козлищъ. Лишь козлища имъ будутъ изгнаны въ пустыню за грѣхи учащагося народа. Очень пріятно: общество должно кланяться и благодарить министра.

Нѣтъ, тамъ, гдѣ поднимается вопросъ о правѣ, тамъ матеріальная сумма зла, тамъ число жертвъ почти-что не играетъ роли. Пускай окажется, что лишь одинъ ребенокъ потерпѣлъ невинно: все равно. Дѣло идетъ здѣсь не о лицахъ,—иной изъ исключенныхъ гимназистовъ на практическомъ пути, быть можетъ, добьется даже блестящаго успѣха,—дѣло идетъ о принципахъ. Разъ въ сердцѣ общества остается подозрѣніе, что министерство склонно находить въ учащихся вину, чтобы прикрыть полицію, нагрянувшую на школу, ему нельзя еще вздохнуть свободно: у него на сердцѣ не можетъ не остаться гнетущій камень. А подозрѣніе это нисколько не разсѣялось отъ рѣчи г. Кассо, гдѣ было все, кромѣ серьезнаго объясненія по существу дѣла.

Жанръ думскихъ выступлений г. Кассо—свѣтскій жанръ. Для него говорить съ жаромъ, искренне—признакъ дурного тона. Пусть невоспитанные думскіе ораторы держать рѣчи волнуясь и отдаваясь чувству. Самъ онъ не позволяетъ себѣ подобныхъ увлеченій. Какіе тамъ принципы... Оставимъ ихъ вульгарной демагогіи. Свѣтскому человѣку даже къ самымъ серьезнымъ случаямъ не полагается относиться черезчуръ серьезно. И г. министръ обо всемъ толкуетъ «по-житейски», съ шуткой.

Ну, что тутъ? Изъ-за чего весь шумъ? Зачѣмъ полиція нагрянула въ гимназію Витмеръ? Очень просто: да потому, что 9-е декабря было воскресенье. По воскресеньямъ же всѣ министерства отдыхаютъ. Лишь бѣдная полиція не знаетъ праздниковъ. Ей и пришлось для праздника заняться тѣмъ, чѣмъ само министерство просвѣщенія занялось бы въ будни.

Дѣтей трепали по участкамъ? Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ съ трагическимъ лицомъ. Полиція сама, вѣдь, знаетъ, кто сколько времени способенъ переносить ближайшее соприкосновеніе съ ней. Она и отмѣряла всякому по силамъ. Лишь двухъ, «наиболѣе зрѣлыхъ», она держала подъ арестомъ сутки, другихъ же только по нѣсколькимъ часамъ. Такая малость, что даже совѣстно время терять на разговоръ объ этомъ.

Все попусту? Напрасно думать. Конечно, высокоблаговоспитанный министръ не счелъ возможнымъ утомлять вниманіе собранія подробнымъ изложеніемъ того, что собственно открылось за тѣмъ или инымъ изъ мальчугановъ. Но, не вдаваясь въ надобныя подробности, онъ просилъ повѣрить, что въ стѣнахъ средней школы далеко не все обстоитъ благополучно. Тамъ есть попытки организовать, тамъ издаются (конечно, не при помощи типографскаго станка) еженедѣльные «нелегальныя» газеты (замѣтимъ, что для петербургскаго суда такая гимназическая нелегальная литература не показалась преступной). Все это показываетъ, что школьники склонны идти вразрѣзъ съ мудрой пословицей: «Яйца курицу не учать». Такъ и приходится разбить нѣсколько яицъ, чтобы другимъ было не повадно.

Но если въ школѣ неблагополучно, то почему бы министерству вмѣсто полиціи не обратиться къ содѣйствію семьи? Зачѣмъ же министерство уничтожило родительскіе комитеты? Ахъ, эти

комитеты!—съ насмѣшливой досадой говорилъ министръ.—Отъ нихъ никогда не было никакого толка. Напротивъ, они сами ходатайствовали о такихъ вещахъ, которыя мы въ школѣ запрещаемъ. И все же я ихъ вовсе не уничтожилъ. Я только, видя, что ихъ довольно слабо посѣщаютъ, рѣшилъ устроить родителямъ поощреніе и возвысилъ кворумъ. Всякій читатель оцѣнитъ, конечно, по достоинству такого рода юморъ.

Позанимавъ нѣсколько времени собраніе образчиками своего свѣтскаго, остроумнаго, легкаго отношенія къ дѣлу, министръ закончилъ бодрой, высокой нотой. Если нѣтъ больше родительскихъ комитетовъ, то это значитъ, что родители довѣряютъ школѣ, что разговоры о розни между семьей и государствомъ—басни. Итакъ, все къ лучшему въ семьѣ лучшемъ изъ міровъ, гдѣ г. Кассо состоитъ въ министрахъ просвѣщенія. Царство всеобщаго довѣрія: семья вопреки всякимъ росказнямъ питаетъ душевное довѣріе къ министерству, министерство питаетъ полное довѣріе къ полиціи, на праздники ей поручая свое дѣло. Не довѣрять приходится лишь дѣтямъ, обучающимся въ школѣ: но это—только пятнышко на общемъ свѣтломъ фонѣ.

Рѣчь и забавная, и утѣшительная, способная разгладить на лбу у слушателей самыя глубокія морщины. Но по достоинству она была оцѣнена лишь незначительной группой депутатовъ одного воспитанія съ г. Кассо. А большинство Государственной Думы вмѣсто того, чтобы поблагодарить министра за доставленное удовольствіе, встрѣтило его свѣтское краснорѣчіе угрюмо: «Чему смѣтесъ? Надъ собой смѣтесъ». Да, трудно министру склада г. Кассо столковаться съ такимъ народомъ, который собрался изъ всѣхъ угловъ Россіи и, ничего не понимая въ «хорошемъ тонѣ», требуетъ одного, чтобы ему говорили дѣло. Ну да, положимъ, можно жить и такъ, и жить нехудо, глядя на думскія порицанія, какъ на горохъ, а на себя, какъ на каменную стѣну.

Новый налогъ на образованіе.

1911 годъ.

Въ русскихъ нравахъ водворяется удивительная простота, — такая простота, что мало-мальски совѣстливому человѣку даже глядѣть становится неловко. вмѣстѣ со всей жизнью «опростился» въ достаточной мѣрѣ и московскій учебный округъ. У округа давно идетъ «исторія» съ частными женскими гимназіями. Но чтобы ее яснѣе изложить, и оцѣнить по полному достоинству въ новой фазѣ, необходимо сначала привести относительно женскаго образованія общую небольшую справку.

Какую роль у насъ играло и играетъ правительство въ дѣлѣ развитія средней женской школы? Отвѣтъ на это даютъ такія цифры. Въ прошломъ году въ Россіи министерство просвѣщенія насчитывало 700 подвѣдомственныхъ ему женскихъ гимназій. На содержаніе ихъ расходовалось 11.000.000 руб. Изъ этой суммы казна давала лишь 870.000 руб.: все остальное представляетъ собою чисто-общественныя средства, причѣмъ плата родителей за обученіе своихъ дѣтей стоитъ на первомъ мѣстѣ. Женская средняя школа за послѣднія 50 лѣтъ являлась у насъ въ области воспитанія главнымъ полемъ приложенія общественной и частной инициативы, и какъ ни косо смотрять обыкновенно министерства на все, что не отъ нихъ исходитъ, самъ г. Шварцъ еще недавно счелъ возможнымъ передъ Государственной Думой отозваться о всей этой огромной работѣ совершенно благосклонно.

Тратясь само на содержаніе женскихъ гимназій почти-что

исключительно въ инородческихъ окраинахъ Россіи (въ Царствѣ Польскомъ, въ Забайкальѣ и въ Туркестанѣ), министерство народнаго просвѣщенія «вѣдаетъ» большинство ихъ во всей Россіи. Чтобы не убить духъ частной предпримчивости, безъ которой оно здѣсь было бы бессильно удовлетворить такую настоятельную общественную потребность, министерство не обращало до сихъ поръ своего «вѣдѣнія» въ «хозяйство» и не протягивало руку къ распоряженію матеріальными средствами частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Свою задачу оно ограничивало только педагогическимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Главными органами этого контроля служатъ окружные инспектора и предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ, назначаемые округомъ въ каждую женскую гимназію отдѣльно.

Было бы можно поразсказать немало и о томъ, какъ опростился московскій округъ въ формахъ инспекціи женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но наша рѣчь пойдетъ здѣсь не объ этомъ. Дѣло касается предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій.

Ихъ роль въ женскихъ гимназіяхъ довольно любопытна. Ихъ назначаетъ округъ. Они являются въ гимназіи окомъ окружнаго начальства. Такого рода контролеръ какъ-будто долженъ былъ бы при нашихъ нравахъ являться въ стѣнахъ гимназій почти какъ недругъ. А между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ въ Москвѣ подобнаго ничего не наблюдалось. И съ содержательницами, и съ начальницами гимназій, и съ дѣйствующими въ школѣ педагогами предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ жили въ мирѣ, не возбуждая въ округѣ никакихъ кляузъ. Зато такіе ставленники округа у самого окружнаго начальства послѣ новѣйшей перемѣны курса попали какъ будто подъ опалу. Мы отмѣчали уже своевременно принятую относительно ихъ и представляемыхъ ими женскихъ учебныхъ заведеній упрощенную мѣру. Когда изъ Петербурга повѣяло морозомъ и раздалась команда «задній ходъ», московское окружное начальство не то, чтобы формально исключило этихъ членовъ изъ попечительскаго совѣта, а «просто» перестало имъ посылать пригласительныя повѣстки. Значить, при новыхъ нравахъ тѣмъ-то онъ начальству показались неудобны.

Ключъ къ этой новой загадкѣ подыскать нетрудно. Первоначально, когда женскихъ гимназій было мало, закономъ въ качествѣ предсѣдателей ихъ педагогическихъ совѣтовъ предусматривались только директора мужскихъ гимназій да штатные смотрители училищъ. Эту добавочную обязанность помянутыя лица несли бесплатно. Съ ростомъ числа женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній пришлось расширить кругъ вербовки предсѣдателей ихъ педагогическихъ совѣтовъ. По Высочайшему повелѣнію 1883 г. было разрѣшено окружному начальству выбирать этихъ предсѣдателей какъ изъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и изъ преподавателей средней школы. Но сама должность попрежнему была оставлена бесплатной, и было даже введено ограничительное условіе, «чтобы поименованныя лица не занимались преподаваніемъ за вознагражденіе въ тѣхъ женскихъ гимназіяхъ, куда назначены предсѣдателями». Спасительность подобнаго ограниченія ясна. Такъ и образовался здѣсь родъ естественнаго подбора. За такимъ мѣстомъ изъ корысти никто не гнался. Своихъ особыхъ фаворитовъ окружное начальство скорѣе склонно было освобождать отъ этой безвозмездной службы. Работать даромъ въ женскихъ гимназіяхъ охотно соглашались только тѣ изъ учителей, у кого жилъ въ душѣ настоящій интересъ къ педагогическому дѣлу. Отсюда же ихъ миролюбивый тонъ относительно гимназій. Отсюда же и неприспособленность ихъ для быстраго обращенія по вѣтру, за что, быть можетъ, передъ ними и были закрыты двери попечительскаго совѣта.

Подобное почетное предсѣдательство по назначенію, съ другой стороны, можетъ, конечно, считаться вещью ненормальной, — особенно при скромномъ матеріальномъ достаткѣ большинства лицъ, изъ которыхъ состоятъ предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ, — и если бы окружное начальство ходатайствовало чрезъ министерство у казны, чтобы имъ назначено было извѣстное вознагражденіе, то противъ этого было бы трудно возражать. Но недовольный настоящимъ положеніемъ московскій округъ принялся за дѣло съ другого края: онъ сразу протянулъ руку для оплаты своихъ чиновниковъ къ частному карману.

Въ 1903 году въ первый разъ округъ завелъ объ этомъ рѣчь. Онъ обратился къ попечительнымъ совѣтамъ женскихъ гимназій съ предложеніемъ, чтобы они вносили окружному начальству подушный сборъ, по 5 руб. съ ученической души: изъ этихъ денегъ будетъ оплачиваться трудъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ. Видимо, самъ нѣсколько еще стѣсняясь собственнаго предложенія, округъ попробовалъ при этомъ доказать, что онъ не претендуетъ на настоящіе доходы содержательницъ гимназій. Эта оплата, — такъ онъ аргументировалъ, — возьмется изъ прибавочныхъ доходовъ. А какъ они найдутся, — совершенно ясно. За деньги предсѣдатель будетъ работать лучше. Отъ его рвенія лучше пойдетъ и дѣло, а это «обусловитъ собой увеличеніе числа ученицъ въ частномъ учебномъ заведеніи и, стало быть, увеличить доходъ частнаго лица, содержащаго гимназію». Однако, попечительные совѣты женскихъ гимназій не вняли такой аргументаціи. Сомнительны посылки, ложенъ выводъ. Во *всѣхъ* гимназіяхъ число ученицъ такимъ путемъ не можетъ возрасти. Значитъ, пятирублевый сборъ просто является на нихъ налогомъ. Въ такомъ духѣ и были составлены отвѣты: не воѣ гимназіи въ состояніи взять на себя добровольный расходъ оплаты предсѣдательскаго труда; но даже тѣ, что могутъ, сами должны опредѣлить размѣры послѣдняго для нихъ вознагражденія, ибо, согласно дѣйствующему закону, «завѣдываніе денежными средствами женскихъ гимназій принадлежитъ всецѣло ихъ попечительнымъ совѣтамъ».

Черезъ годъ округъ возобновилъ свои настоянія въ нѣсколько измѣненной формѣ и уже въ болѣе суровомъ тонѣ. Теперь онъ предлагалъ, чтобы предсѣдателямъ изъ средствъ каждой гимназіи было назначено по 1.000 руб. Иначе, — говорилъ онъ, — можетъ случиться такъ: «начальство учебнаго округа будетъ вынуждено ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о закрытіи тѣхъ уже существующихъ гимназій и прогимназій, для которыхъ округъ не найдетъ лица, желающаго быть предсѣдателемъ ея педагогическаго совѣта». Жестокая угроза. Попечительные совѣты рѣшились тѣмъ не менѣе держаться твердо. Тутъ подошло освободительное движеніе, и такъ дѣло осталось.

Теперь оно возобновилось и уже в иных, гораздо болѣе современныхъ формахъ. Начать съ того, что новая бумага, увидѣвшая свѣтъ 23 апрѣля, направилась не въ попечительные совѣты, съ которыми у округа должны производиться всѣ сношенія по хозяйственнымъ дѣламъ женскихъ гимназій. Ее послали тѣмъ, кто заинтересованъ въ вопросѣ лично: ее адресовали самимъ же предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ. «Приди и возьми»,—такъ говорить каждому изъ нихъ округъ, и взять рекомендуется немало, и взять рекомендуется путемъ, который въ извѣстной своей части прямо возбраняется закономъ.

«Отъ представителей нѣкоторыхъ попечительныхъ совѣтовъ,—пишется въ этой замѣчательной бумагѣ,—поступали въ управленіе округа неоднократныя ходатайства о назначеніи предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ лицъ съ высшимъ образованіемъ изъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, но подобныя ходатайства удовлетворялись и могутъ впредь удовлетворяться лишь при условіи оплаты труда предсѣдателя педагогическаго совѣта, какъ такового, и при условіи порученія ему преподаванія какихъ-либо предметовъ, причемъ, конечно, подходящее для этой должности лицо можетъ быть назначаемо, если матеріальное обезпеченіе предсѣдателя педагогическаго совѣта (вмѣстѣ съ платой за уроки) будетъ по возможности такое же, какъ и начальниковъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.» Такъ вотъ, милостивый государь,—предписываетъ затѣмъ бумага,—вы это своему попечительному совѣту и передайте и сообщите округу потомъ, что попечительный совѣтъ на это скажетъ.

Бумагу эту иные изъ московскихъ предсѣдателей долгое время не рѣшались показывать въ своей гимназій отъ конфуза. Но показать пришлось, и любопытно знать, какъ въ настоящемъ случаѣ разрѣшится дѣло.

Лучше всего, конечно, въ этомъ документѣ упрощенное отношеніе округа къ закону. По Высочайшему повелѣнію 1883 г., которое мы уже привели, предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ въ данномъ учебномъ заведеніи именно въ немъ и не имѣютъ права заниматься преподаваніемъ за плату. Но московскій округъ, повидному, понимаетъ, что не такое настало

время, когда приходится стѣсняться соблюденіемъ закона. Достояна замѣчанія, наконецъ, и сумма, которую онъ требуетъ, если кто хочетъ, чтобы предсѣдатель оказывался «подходящимъ». Матеріальное обезпеченіе директора гимназій,—это—уже не та несчастная тысяча рублей, которую женскія гимназій не признавали себѣ по силамъ. Посчитавъ разныя статьи директорскаго вознагражденія, его приходится опредѣлять приблизительно въ 4.000 руб.

Чтобы представить, о какихъ суммахъ пошло бы здѣсь дѣло, если бы такой подборъ съ женскихъ гимназій изъ Москвы распостранился и на всю Россію, возьмемъ приведенныя выше цифры. У насъ—700 гимназій въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. Если у каждой предсѣдатель будетъ «подходящій», то предсѣдательское жалованье выразится суммой въ 2.800.000 руб. Скинувъ отъ четверти до трети, какъ плату за уроки, мы все же получимъ около 2.000.000 руб. въ видѣ расхода на правительственный надзоръ надъ дѣломъ, которое все обходится въ 11.000.000 р. Не слишкомъ ли начеисто для тѣхъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, усиліями которыхъ и создалось, и ведется женское среднее образованіе въ Россіи?

Впрочемъ, у содержателей женскихъ гимназій подобныхъ средствъ все равно не имѣется въ распоряженіи. При нашей бѣдности, вынуждающей назначать очень невысокую плату за ученіе, гимназій въ массѣ едва сводятъ въ бюджетѣ концы съ концами. Итакъ, если московскій округъ своего добьется, новый расходъ гимназій можетъ покрываться или путемъ возвышенія платы съ ученицъ, или путемъ уменьшенія и такъ уже скуднаго учительскаго вознагражденія, или путемъ плачевной экономіи, связанной съ ухудшеніемъ гигиеническихъ условій школы: путемъ переполненія классовъ, перехода въ худшія зданія и т. п. На практикѣ, конечно, произойдетъ комбинація всѣхъ этихъ элементовъ. Иначе говоря, учиться станетъ и хуже, и дороже. Такъ, не однимъ попечительнымъ совѣтамъ, а всѣмъ родителямъ, воспитывающимъ дочерей въ частныхъ гимназійхъ, слѣдуетъ подумать, какъ отнестись къ движенію той руки, которая съ такой непринужденностью и простотой готова распорядиться содержимымъ ихъ кармана.

Трудъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ въ женскихъ гимназіяхъ не особенно великъ, и имѣть достаточныхъ основанийъ предъявлять на него повышенные запросы. Отъ превращенія предсѣдателей въ родъ «параллельныхъ директоровъ», когда дѣйствительныя директорскія обязанности поручены закономъ начальницамъ гимназій, вышла бы только глубокая дезорганизация педагогическаго дѣла. Въ такой же мѣрѣ, въ какой трудъ этотъ сейчасъ на предсѣдателей ложится, онъ могъ бы считаться достаточно вознаграждаемымъ при жалованьѣ въ 500—600 руб. Но какъ бы ни опредѣлять справедливую его оцѣнку, подобное вознагражденіе правительственныхъ агентовъ должно всецѣло производиться изъ правительственныхъ средствъ. Вознагражденіе контролеровъ изъ средствъ контролируемыхъ ими предпріятій если въ иныхъ случаяхъ и практикуется, то нигдѣ не доводитъ до добра. А въ данномъ случаѣ притязанія московскаго округа на распоряженіе средствами частныхъ лицъ, содержащихъ женскія гимназіи, стоитъ въ противорѣчій не только съ истиннымъ общественнымъ интересомъ, но и съ прямыми указами закона.

Съѣздъ классиковъ.

1912 годъ.

Нѣкогда популярнѣйшая опера Мейербергера «Робертъ-Дьяволъ» давно уже стала рѣдкой гостьей на театральныхъ сценахъ. Но кто ее видалъ, не могъ не вспомнить эту почтенную старушку, читая про только что закончившійся съѣздъ классиковъ въ Петербургѣ. Передъ нами—картина возстанія мертвецовъ, вызванныхъ на проклятомъ мѣстѣ изъ-подъ могильныхъ камней чарами заклинаній волшебника Бертрама, и пляска ихъ, пока не пробилъ часъ опять вернуться въ холодную могилу. Весело было классикамъ на съѣздѣ, и разошлись они съ желаніемъ снова поскорѣе собраться. Но всѣ ихъ разговоры на всякаго живого человѣка производили впечатлѣніе какихъ-то *mémoires d'outre-tombe*.

Сдѣлаемъ оговорку. На съѣздѣ былъ кое-кто изъ филологовъ, кого грѣшно было бы причислять къ царству тѣней. Но мы беремъ лишь коллективныя постановленія съѣзда и по нимъ судимъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о всей породѣ русскихъ поборниковъ классической системы въ XX вѣкѣ.

Въ чемъ заключается «паоось» съѣзда,—употребляя это слово прилично случаю въ древне-греческомъ его значеніи? Отвѣтъ коротокъ: паоось этотъ—злоба, и злоствуютъ такого стиля классики не на что другое, какъ на жизнь, и злоствуютъ за то, что она смѣетъ въ своихъ путяхъ нисколько не считаться съ ихъ школьной указкой. А злоба помрачаетъ разумъ, что и приводитъ къ такому постановленію, какое открываетъ серію принятыхъ на съѣздѣ резолюцій.

«Реформа 1901 года, устранившая греческій языкъ какъ обязательный предметъ изъ преподаванія въ гимназіяхъ, не только понизила до ужасающихъ размѣровъ познанія учащихся по древнимъ языкамъ, что удостовѣряется единодушными заявленіями преподавателей, какъ средней, такъ и высшей школы, но въ то же время нисколько не повысила успѣшности по остальнымъ предметамъ преподаванія, а, напротивъ, уменьшила работоспособность учащихся, развила дилеттантизмъ, верхоглядство, а также содѣйствовала распространенію среди учащихся чувства глубокой неудовлетворенности школой.»

Классическій въ своемъ родѣ способъ разсужденія. Не будемъ уже толковать о соотвѣтствіи истинѣ приводимыхъ фактовъ (безспорно, впрочемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ гимназистовъ перестали обучать насильно греческому языку, его не знаютъ и студенты); допустимъ, будто гимназіи упали такъ, какъ это бы хотѣлось констатировать гг. членамъ съѣзда; но логика-то гдѣ? Гдѣ дисциплина мысли, которая, по утверженію гг. филологовъ, ничѣмъ не достигается въ большемъ совершенствѣ, чѣмъ работой по избранному ими своею специальностью предмету? Вѣдь это образцовый выводъ по схемѣ *post hoc, ergo propter hoc*, и одного его довольно было бы для уничтожающаго приговора надъ воспитательною цѣнностью занятій, которыя такъ прославляютъ, возвеличивая съ тѣмъ вмѣстѣ и самихъ себя, гг. классическіе филологи. Нескладнѣе и заносчивѣ приведенныхъ строкъ касательно послѣдствій сокращенія курса древнихъ языковъ нарочно трудно было бы что-нибудь придумать. А перспективы? Верните греческій языкъ въ гимназіи, и юношество вновь почувствуетъ себя удовлетвореннымъ школой. Такъ же, какъ было оно удовлетворено передъ 1901 годомъ? Русское общество только поклонится и поблагодаритъ: много довольны. Нѣтъ, есть же мѣра во всѣхъ вещахъ, и классики, обрадовавшись, что министерство устроило на ихъ улицѣ праздникъ, все же не должны были бы забывать объ этомъ.

Ни воспитанія мысли, ни чувства мѣры... что же это однако за классики безъ самыхъ основныхъ своихъ достоинствъ? И не напрашивается ли выводъ, что ихъ самихъ надо переучить—

хотя бы въ какой-нибудь изъ затѣваемыхъ министерствомъ заграничныхъ семинарій? Но нѣтъ: напрасный трудъ. То, что мы видѣли передъ собою на петербургскомъ съѣздѣ, въ массѣ своей это—особая толстовская порода, которая всегда была антиподомъ къ истинному классицизму, къ истинно «эллинскому» духу. Она вызывалась обратить занятія вольнолюбивой языческою древностью въ орудіе воспитанія юношества въ духѣ охранительныхъ началъ. Въ этомъ и судъ надъ ней для всѣхъ, кто дорожитъ дѣйствительно классической культурой. Освободительное движеніе свело было ихъ со сцены. Реакція ихъ пробуетъ опять туда вернуть. Но не вдохнешь жизни въ концепцію, которая самую жизнь осуждена безповоротно. Во времена Георгіевскаго по крайней мѣрѣ можно еще было, хотя и облыжно, ссылаться на авторитетъ всей Западной Европы,—облыжно, такъ какъ Европа нашего истинно-русскаго классицизма у себя не знала. Теперь однако этотъ аргументъ говорить противъ тѣхъ, кому хотѣлось бы гальванизировать трупъ монополюющей псевдо-классической гимназіи стараго пошиба. Новый ХХ вѣкъ повсюду принесъ съ собой и новыя формы школы, поставивъ на мѣсто прежней монополіи школьнаго классицизма систему свободной конкуренціи взаимно уважающихъ другъ-друга и подающихъ другъ другу руку равноправныхъ школьныхъ типовъ. Здѣсь та дорога, на которую,—какъ это призналъ самъ г. Шварцъ въ своемъ проектѣ устава средней школы,—необходимо должна выйти и Россія. Но, чтобы школа, оправившись отъ пережитыхъ потрясеній, успѣшно двинулась впередъ новыми путями, необходимо взаимное уваженіе между представителями различныхъ педагогическихъ теченій и полный отказъ отъ такихъ замашекъ, какія проявили участники послѣдняго классическаго съѣзда, ободренные милостивымъ вниманіемъ г. Кассо.

Грамотность и грамотность.

1912 годъ.

Статья первая.

Министръ народнаго просвѣщенія озабоченъ «замѣчаемымъ въ средней школѣ упадкомъ грамотности въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ въ отношеніи правописанія, такъ и въ отношеніи умѣнья облекать свои мысли въ правильную и логически построенную рѣчь». Кто же не согласится, что министръ не можетъ относиться равнодушно къ подобному прискорбному явленію. Вѣдь школа, не сообщающая своимъ питомцамъ грамотности въ такомъ широкомъ смыслѣ, не достигаетъ главной своей цѣли: неправильная, безтолково построенная рѣчь есть первый признакъ отсутствія того, что называется общимъ образованіемъ, а въ немъ вся суть задачи среднихъ учебныхъ заведеній. Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ черезъ попечителей учебныхъ округовъ педагогическимъ совѣтамъ «всесторонне обсудить, въ связи съ мѣстными условіями, мѣры къ устраненію подобнаго явленія». Путь—правильный, единственно цѣлесообразный. Но, къ сожалѣнію, министръ не счелъ возможнымъ дожидаться такихъ свободныхъ отзывовъ коллегій, ведущихъ дѣло въ средней школѣ. Онъ самъ поторопился преподавать имъ соотвѣтственныя указанія,—и указанія эти таковы, что педагогамъ остается только развести руками. Предметомъ дѣйствительнаго обсужденія въ педагогической средѣ теперь должны явиться не мѣры противъ указаннаго министер-

скимъ циркуляромъ зла, а мѣры противъ зла, скрывающагося въ министерскомъ циркулярѣ.

На первый взглядъ однако циркуляръ кажется довольно безобиднымъ. Что онъ рекомендуетъ какъ средства для поднятія грамотности въ широкомъ смыслѣ? Прилежно проходить грамматику, списывать въ младшихъ классахъ съ книги, обратить въ первыхъ пяти классахъ «серьезное вниманіе на заучиванье наизусть отрывковъ стихотвореній и прозы, какъ на такую мѣру, которая при надлежащей постановкѣ кромѣ развитія механической памяти содѣйствуетъ также и развитію памяти зрительной, имѣющей столь важное значеніе при обученіи правописанію», а въ старшихъ классахъ задавать какъ можно больше сочиненій и переводовъ письменно съ иностранныхъ языковъ, особенно съ латинскаго на русскій. При этомъ «сочиненія, какъ классныя, такъ въ особенности домашнія надлежитъ давать не только по русскому языку, но и по другимъ предметамъ: исторіи, географіи, Закону Божію и др.». Начальству же предписывается наблюдать, «чтобы преподаватели всѣхъ предметовъ такъ же строго слѣдили за орфографіей (въ широкомъ смыслѣ слова), какъ и преподаватель русскаго языка, и при оцѣнкѣ письменной работы принимали во вниманіе такъ же орфографію и языкъ сочиненія, какъ и его содержаніе». Такъ, совокупными успіями всѣхъ учителей ученики гимназій приобрѣтутъ и твердый навыкъ въ правильномъ начертаніи словъ, и способность облекать свои мысли въ логически построенную рѣчь.

Не будемъ возражать противъ цѣлесообразности отдѣльныхъ указаній циркуляра. Не подлежитъ сомнѣнію, напимѣръ, что письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій съ заботой о доведеніи русскаго текста до изящной литературной формы—упражненіе, далеко не посильное для питомцевъ русской средней школы. Во Франціи, гдѣ обучался въ своей юности г. Кассо, положимъ, такія упражненія въ ходу: не надо только забывать, что близость латинскаго языка съ французскимъ не та, какъ съ русскимъ. Но, повторяемъ, сила не въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Писать какъ можно больше сочиненій и вообще исполнять какъ можно больше письменныхъ работъ по всѣмъ пред-

метамъ. Такъ, хорошо. Но гдѣ на нихъ взять время? Чѣмъ министерство готово ради этого поступиться въ программѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній? Вѣдь ясно, что если учителя исторіи, географіи, Закона Божія и другіе должны будутъ отдать часть своихъ уроковъ на работу по русскимъ сочиненіямъ, имъ не исполнить въ положенное время ранѣе установленной программы. Что-нибудь надо скинуть. Въ зависимости же отъ этихъ скидокъ стоитъ и вся оцѣнка предложеннаго министерствомъ плана. Всякій учитель и безъ того работаетъ надъ общей умственной культурой своихъ питомцевъ, отъ которой неотдѣлимо «умѣніе облекать свои мысли въ правильно и логически построенную рѣчь». Какъ же подводить тутъ министр балансъ возможной прибыли и неизбежнаго убытка?

Никакъ,—и въ этомъ приговоръ надъ циркуляромъ. Можно сказать, пожалуй, что въ этомъ есть и своеобразная подкупающая прелесть. Какимъ прекраснѣйшимъ полонъ уже первый изъ восьми параграфовъ, которые онъ обнимаетъ.

«Въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній необходимо отвести должное мѣсто систематическому и основательному изученію грамматики и усилить требованія по этому предмету. Это однако не должно вести къ ослабленію или уменьшенію практическаго изученія русскаго литературнаго языка путемъ чтенія литературныхъ произведеній, а равно и путемъ упражненій въ устной и письменной рѣчи. Самое изученіе грамматики не должно сводиться только къ заучиванію учащимися наизусть отвлеченныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ формулъ, оторванныхъ отъ живого литературнаго языка; наоборотъ, эти правила должны являться для учащихся яснымъ выводомъ изъ разбираемыхъ литературныхъ образцовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, учащіеся должны возможно чаще упражняться въ примѣненіи ихъ на практикѣ.»

Итакъ, требованія по грамматикѣ усилить, проходя ее притомъ не сокращеннымъ, а самымъ длиннымъ, такъ-называемымъ «эвристическимъ» путемъ. Но требованій по русскому же языку съ другихъ сторонъ не ослаблять! Нѣтъ рѣчи и о сбавкѣ требованій по другимъ предметамъ. Какъ же тутъ быть?—съ отчаяніемъ спроситъ всякій преподаватель русскаго языка

въ младшихъ классахъ. На это циркуляръ отвѣтствуетъ молчаніемъ. Онъ хочетъ лишь хорошаго: онъ хочетъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. А педагоги пусть исполняютъ такіа министерскія заданія, какъ знаютъ.

«Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки». Для педагоговъ новое мытарство, и сколько учительской энергіи будетъ отвлечено отъ прямой производительной работы на изысканіе способовъ, какъ выйти изъ несноснаго положенія, создаваемаго новымъ министерскимъ циркуляромъ. Образование же учениковъ, а съ нимъ и грамотность отъ этого, конечно, останутся въ большомъ накладѣ.

Статья вторая.

Наша статья о мѣрахъ для поднятія грамотности въ средней школѣ, предложенныхъ въ циркулярѣ г. Кассо, была враждебно принята нѣкоторыми органами печати. Какими,—нетрудно угадать. «Россія» не была бы «частнымъ изданіемъ», если бы она не ополчилась на защиту правительственнаго авторитета, и подаромъ партіи, издающей «Голосъ Москвы», присвоено названіе «партіи послѣдняго министерскаго предписанія».

Вотъ нѣкоторыя лѣвья газеты говорятъ,—такъ анонимно полемизируетъ «Россія»,—будто бы съ одного вола никакъ нельзя содрать двѣ шкуры. Мы понимаемъ, чего бы имъ хотѣлось. Имъ непріятна мысль, что дѣти будутъ больше времени отдавать ученію. Поэтому онѣ и полагаютъ, что если уже усиливать преподаваніе грамматики, то надобно бы было уменьшить требованія по другимъ предметамъ. «Впрочемъ, благоразумно умалчиваютъ, насчетъ какихъ именно предметовъ слѣдуетъ съкономить. Вѣроятно, имѣется въ виду латынь, а судя по нѣкоторымъ намекамъ, Законъ Божій». Такой даръ чтенія въ сердцахъ небомъ данъ «Россіи».

«Голосъ Москвы» тоже читаетъ у «лѣвыхъ» въ сердцахъ, но открываетъ тамъ крамолу другого рода. По его мнѣнію, намъ несосна мысль, что въ школѣ опять будутъ усиленно заботиться о правильномъ употребленіи буквы *ъ*, и въ назиданіе публикѣ онъ приводитъ слѣдующую притчу.

„Разсказываютъ, что Императоръ Николай Павловичъ задалъ однажды Гроту вопросъ:

— Скажи, Гротъ, зачѣмъ въ русскомъ языкѣ существуетъ буква „ѣ“?

— Чтобы отличить грамотныхъ отъ неграмотныхъ, Ваше Величество, — отвѣтилъ Гротъ“.

«Устарѣлая точка зрѣнія»... — пронизуется почтенная газета, принявъ Гротову шуточную реплику за чистую монету.

О сокращеніи курса латинскаго языка или Закона Божія въ нашей статьѣ ничего не говорилось. Не говорилось въ ней ничего и о буквѣ ѣ. Но разъ уже партизаны министерства сами выкатили этого своего идола на сцену, то, можетъ быть, и съ этой стороны о циркулярѣ г. Кассо слѣдуетъ поговорить. Министръ въ немъ оперируетъ понятіемъ «грамотность въ широкомъ смыслѣ». Понятіе это не мѣшаетъ однако построже расчленивать. Тогда яснѣе станетъ роль разныхъ видовъ грамотности въ жизни средней школы.

Позволимъ себѣ привести въ этой связи нѣсколько положеній, считающихся элементарными въ современной педагогической наукѣ. Главнѣйшей задачей средней школы повсюду признается *образование* ея питомцевъ, которое состоитъ въ развитіи вложенныхъ природой въ человѣка духовныхъ силъ, въ доведеніи юнаго человѣческаго существа до опредѣленнаго *образа*, до опредѣленнаго облика, до опредѣленной формы. По неразрывной связи между языкомъ и мыслью надежнѣйшей примѣтой успѣшности подобной общеобразовательной школы признается свобода и изящество въ обращеніи съ рѣчью. Было время, когда связь эта сбивала педагогику на ложные пути. Было время, когда усилія школы сосредоточивались на шлифовкѣ рѣчи въ убѣжденіи, что «разумнѣе слѣдуетъ за краснорѣчіемъ, какъ тѣнь за тѣломъ». Но, къ счастью, эти преданія отошли въ сѣдую старину, и школа возвратилась къ основному греческому опредѣленію ея задачи: φρονεῖν τε καὶ λέγειν, — разумно мыслить и говорить, — въ такомъ порядкѣ располагаетъ она свою систему.

Можно ли обладать такой грамотностью въ высшемъ смыслѣ слова, не обладая твердо элементарной грамотностью, состоящей въ навыкахъ правописанія? Вопросъ наивный для всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей европейскаго образованія.

Начать съ того, что тѣ же греки, которыхъ намъ и до сихъ поръ рекомендуется считать за идеальными образованными людьми, ранѣе создали свою науку и философію, свою изящную и историческую литературу и уже потомъ, когда культура ихъ прошла чрезъ зенитъ, мало-по-малу стали интересоваться вопросами грамматики и правописанія. Извѣстенъ хохотъ, который вызывалъ у публики Аѳинъ великій мастеръ языка Аристофанъ насмѣшками надъ первыми попытками современныхъ ему ученыхъ создать грамматику, различивъ въ глаголѣ времена, а въ именахъ существительныхъ — ихъ роды. Кончатъ же приглашеніе историческихъ свидѣтелей здѣсь пришлось бы лишь на прошломъ XIX столѣтіи. Стоитъ попутно, можетъ быть, напомнить, какой «свободой орѳографіи» изъ русскихъ классиковъ отличался Гоголь, что не мѣшало ему быть однимъ изъ нашихъ геніальнѣйшихъ стилистовъ и, вдобавокъ, занимать кафедру въ петербургскомъ университетѣ, — положимъ, ранѣе бесѣды императора Николая Павловича съ Гротомъ.

Такъ, значить, вонъ правописаніе изъ школы? Нѣтъ. Школа — двуликій Янусъ. Однимъ лицомъ она глядитъ на идеаль, къ которому желательно приблизить духовный образъ человѣка; другимъ — на общество, куда какъ членъ долженъ будетъ вступить въ послѣдствіи ея питомецъ, и на общественные утилитарные запросы. А съ точки зрѣнія общественно-утилитарной правописанію приходится въ нашъ вѣкъ придавать очень большую цѣну. «Свобода орѳографіи» влекла бы къ нестерпимымъ затрудненіямъ въ ставшей теперь столь важной области разнообразныхъ письменныхъ сношеній. И школа, относящаяся черезчуръ легко къ правописанію изъ-за отсутствія въ немъ идеальнаго момента, готовить своимъ питомцамъ много неприятныхъ испытаній въ жизни: когда дѣло заходитъ объ его удобствахъ, общество туго соглашается на сдѣлки.

Итакъ, по разнымъ основаніямъ тѣ два умѣнья, которыя сливаются и въ просторѣчии, и въ циркулярѣ въ одно понятіе «грамотности въ широкомъ смыслѣ», законно культивируются въ средней школѣ. Но это — два различныхъ умѣнья, а не двѣ стороны одного умѣнья, и если для многихъ орѳографія приходитъ сама собой при общеобразовательныхъ занятіяхъ,

«слѣдую за ними какъ тѣнь за тѣломъ», то обратное явленіе не имѣетъ мѣста. Для общаго образованія усиленные занятія правописаніемъ не нужны. Мало того: они стоятъ съ нимъ до извѣстной степени въ антагонизмѣ, и не по одному тому, что отнимаютъ у другихъ болѣе умственныхъ предметовъ время: антагонизмъ проходитъ глубже. Но здѣсь мы предоставимъ слово крупному иностранному авторитету: на русскіе авторитеты, собранные въ академіи наукъ, мы не ссылаемся, такъ какъ ихъ голоса нынѣшній руководитель министерства просвѣщенія, — русскій націоналистъ изъ Берлина и Парижа, — рѣшительно не желаетъ слушать.

Въ извѣстномъ предисловіи, которое онъ далъ къ *Grammaire raisonnée de la langue française*, составленной профессоромъ L. Clédat, Гастонъ Парисъ, свѣтило романской филологіи, такъ объясняетъ то, что въ орфографіи есть для школы рокового. Указавъ, что существующія хитрости правописанія — плодъ измышлений начетчиковъ, понятія не имѣвшихъ о принципахъ научнаго языкознанія, французскій академикъ продолжаетъ:

«И вотъ на усвоеніе этой дребедени, во сто разъ болѣе запутанной и болѣе вредной для формировки здраваго смысла, чѣмъ всѣ средневѣковыя юридическія глоссы, уходятъ въ занятія нашихъ мальчиковъ самые долгіе часы... Преподавать и заучивать грамматику, — вотъ что у насъ зовется преподаваніемъ и изученіемъ французскаго языка, и мы въ книгахъ и рѣчахъ не устаемъ поздравлять себя съ прогрессомъ такихъ занятій; мы бросаемъ взоры, полные удивленія и чуть не ужаса, на варварское время, когда не изучалась французская грамматика; мы забываемъ только, что въ это время жили лучшіе изъ нашихъ авторовъ... Гейне сказалъ, что если римляне завоевали міръ, то это потому, что имъ не приходилось учиться по-латыни; я же подчасъ испытываю искушеніе сказать, что если Паскаль, Лафонтэнъ, Боссюэтъ, Вольтеръ такъ дивно писали по-французски, то это потому, что имъ не приходилось учиться грамматикѣ. Правда, они всѣ дѣлали «орфографическія ошибки», изъ-за которыхъ за двѣ строки ихъ письменной работы ихъ бы у насъ провалили на самомъ элементарномъ экзаменѣ; но они, можетъ быть, полезнѣе провели тѣ часы,

которые у нашихъ школьниковъ изводятся на изученіе того, что *corps* требуетъ *p* (и образованные учителя поясняютъ это ссылкой на его происхожденіе отъ *corpus*), но что *corsage* его не принимаетъ; на вбиваніе себѣ въ голову случаевъ (я никогда не могъ этого осилить), когда надо писать *fond* и *fonds*; на различеніе словъ на *ou* и на *eu*, которыя «образуютъ свое множественное число» при помощи *s* или *x*; на заучиванье перечней глаголовъ на *dre*, принимающихъ *d* или *t* въ третьемъ лицѣ единственнаго числа изъявительнаго наклоненія».

Чѣмъ же должна руководиться здравая школьная политика для ослабленія такъ ярко описаннаго здѣсь антагонизма двухъ видовъ той грамотности, о которыхъ сразу печется циркуляръ г. Кассо? Однимъ изъ средствъ является при этомъ, какъ извѣстно, реформа орфографіи на рациональныхъ основаніяхъ съ освобожденіемъ ея отъ элементовъ китайской мудрости, какихъ немало и въ русской грамотѣ, хотя, по счастью, и не такъ много, какъ во французской. Было бы опрочетливо однако возлагать на подобную реформу преувеличенныя надежды. Она, конечно, можетъ существенно облегчить работу школы въ области правописанія; она способна вынуть изъ орфографическихъ упражненій жало, дѣлающее ихъ вреднѣе для формировки здраваго смысла, чѣмъ всѣ средневѣковыя юридическія глоссы; но трудъ при усвоеніи искусства передавать слова условными письменными знаками, соответствующими разъ принятому соглашенію, все же останется большимъ. А такъ какъ искусство это само по себѣ не обладаетъ внутренней образовательной цѣнностью, даваясь притомъ же разнымъ дѣтямъ очень различной цѣной внѣ соответствія съ ихъ общей духовной одаренностью, то въ этой области всегда будетъ необходимо представлять какъ можно болѣе простора педагогическому такту лицъ, непосредственно ведущихъ дѣло школьнаго ученія. Свобода для учителя одна способна здѣсь избавить общеобразовательную школу отъ тяжкихъ прегрѣшеній и даже преступленій противъ личности многихъ и многихъ изъ ея питомцевъ при разумной заботливости о связанныхъ съ орфографіей утилитарныхъ интересахъ.

Г. Кассо давно уже заявилъ «Новому Времени», — онъ вѣдь охотно открываетъ свои планы репортерамъ изъ Эртелева пе-

реулка, — что, пока онъ состоитъ министромъ, Россія не увидитъ реформы орфографіи, какъ бы ее ни защищала академія наукъ. Теперь по циркуляру, комментированному «Голосомъ Москвы», и учителя съ учениками вновь отдаются въ крѣпостную зависимость буквѣ *ъ*. Но иногда вѣдь *on recule pour mieux sauter*. Есть что-то въ общей атмосферѣ современной жизни, не позволяющее трагично относиться къ подобнымъ проявленіямъ игры «задняго ума». Все это перемелется, хотя пропажа силы при перемолѣ, конечно, неизбѣжна.

Церковь и государство въ дѣлѣ народнаго образованія.

(Обсужденіе законопроекта о начальныхъ училищахъ въ Государственной Думѣ.—1910 годъ).

I.

—«Тогда какъ государство основано на принудительной силѣ права и преслѣдуетъ цѣли матеріальнаго благополучія гражданъ, церковь есть богоучрежденный союзъ духа и истины, имѣющій цѣлью силою подвига достигнуть нравственнаго совершенства своихъ членовъ. Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный.» Съ другой же стороны: при обсужденіи вопроса о церковной школѣ не надо забывать о болѣе земной сторонѣ дѣла, — той самой, которая заставила уже давно мудрыхъ служителей реакціи на Западѣ Европы дать духовенству титулъ «лучшаго изъ жандармовъ».

—«Объединеніе церковно-приходской школы со свѣтской въ одномъ вѣдомствѣ встрѣчаетъ препятствія къ своему осуществленію въ безконечномъ различіи самой природы церкви и государства и ихъ цѣлей.» Съ другой же стороны: для отпуска государственныхъ средствъ на школы, находящіяся въ вѣдѣніи святѣйшаго синода, не встрѣчается никакихъ препятствій, такъ какъ подобныя суммы все равно «находятся подъ наблюденіемъ органовъ государственной власти, къ каковымъ, наравнѣ съ прочими вѣдомствами, принадлежитъ и вѣдомство православнаго исповѣданія».

—«Предпринимавшіяся попытки объединить свѣтскія и цер-

ковныя школы вытекали изъ соображеній, въ сущности ничего общаго съ дѣломъ народнаго образованія не имѣющихъ, главнымъ образомъ денежныхъ.» Съ другой же стороны: горькія жалобы, что государство отпускаетъ на приходскія школы гораздо меньше этихъ презрѣнныхъ денегъ, чѣмъ на министерскія и земскія, откуда и получается количественное и качественное превосходство этихъ послѣднихъ.

Въ старыя времена знаменитый Абельяръ издалъ надѣлавшій переполоха въ богословскомъ мірѣ трактатъ подъ заглавіемъ «Sic et Non» («Да и нѣтъ»), гдѣ извлеченъ былъ изъ божественныхъ и святоотеческихъ писаній рядъ текстовъ, которые не легко соглашались мириться, ставъ лицомъ къ лицу. Этимъ трактатомъ, повидимому, и вдохновились поборники правъ церкви на завѣдываніе школой, продиктовавшіе думской комиссіи по дѣламъ православной церкви ея докладъ и депутату Львову 2-му его пространную обвинительную рѣчь.

Грозная рѣчь. Гибъвъ, правда,—плохой совѣтникъ: онъ внесъ нескончаемую путаницу во всѣ ея логическіе аргументы. Но эти аргументы каждый въ отдѣльности обладаютъ такимъ вѣсомъ, что, согласись Государственная Дума хотя бы съ однимъ изъ нихъ и отнесись къ нему вполне серьезно, ей мыслимъ былъ бы только одинъ образъ дѣйствій: отчураться отъ большинства комиссіи по народному образованію, какъ отъ проклятыхъ; заявить, что фонъ-Анрепъ и Е. Ковалевскій съ ихъ соучастниками стали для нея язычниками и мытарями, и не чинить препятствій, если бы государственная власть, просвѣщенная указаніями св. синода, вздумала покарать этихъ преступниковъ въ полную мѣру ихъ неслыханной вины. Въ самомъ дѣлѣ, они, можно сказать, подкапываются подъ фундаментъ православной церкви. Если же церковь рухнетъ, что тогда станетъ съ людьми? «Тамъ, гдѣ исчезнуть богословы, исчезнетъ Божіе слово, и люди станутъ не язычниками даже, а прямо дьяволами.» Какого же снисхожденія заслуживаютъ представители народа, готовящіеся свергнуть души миллионовъ въ вѣчную погибель? Но пусть имъ удалось бы оправдаться отъ этого тягчайшаго изъ обвиненій. Пусть это подрываніе основъ окажется лишь сказкой. Стояла же, въ самомъ дѣлѣ,

православная церковь долгіе вѣка, не опираясь ни на какую школу. Тогда тѣхъ же мятежниковъ слѣдуетъ карать за посягательство на права державной власти. Развѣ церковно-приходскія школы не составляютъ части *управленія церковнаго*? И развѣ не написано въ российскихъ Основныхъ Законахъ: «Въ управленіи церковномъ Самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ святѣйшаго правительствующаго синода»? Значитъ, комиссія по народному образованію подстрекаетъ Думу нарушить дѣйствующіе Основные Законы и наложить руку на то, что собственно принадлежитъ монарху. И, наконецъ, развѣ не провидитъ Дума зарева пожаровъ, которые своимъ багровымъ свѣтомъ снова зальютъ Россію, если церковно-приходская школа объединится со свѣтской въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія? За одно это едва ли не слѣдовало бы приговорить членовъ большинства комиссіи по народному образованію къ смертной казни.

Но все это, конечно,—лишь страшныя слова, къ которымъ никто не можетъ отнестись серьезно,—къ которымъ не относятся серьезно и сами ратоборцы за дѣло церковно-приходской школы. Какъ совершенно справедливо замѣтило въ своемъ особомъ мнѣніи меньшинство комиссіи по дѣламъ православной церкви, признавшее думскій проектъ вполне приемлемымъ для церкви, «протестуя противъ объединенія школъ подъ предлогомъ недостаточнаго будто бы по новому проекту вліянія церкви въ начальной школѣ, слѣдовало бы протестовать противъ проекта вообще или представить къ нему рядъ существенныхъ поправокъ». А между тѣмъ сторонники св. синода не заявили такого принципиальнаго протеста. Высказавъ принципы, логическимъ развитіемъ которыхъ должно являться требованіе передачи всего народнаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ,—отъ сельскаго училища до университета,—въ руки церкви, синодъ оказывается вдругъ доволенъ малымъ. Онъ соглашается не забирать даже всей народной школы въ свои пастырскія руки. Онъ поручаетъ комиссіи по дѣламъ православной церкви мириться на сохраненіи status quo. «Отстаивая святость и неприкосновенность права церкви на учительство и вытекающую изъ онаго *самостоятельность* церковной школы, отвергая по-

сему объединеніе сей послѣдней въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, комиссія по дѣламъ православной церкви нисколько не стремится къ другой крайности,—къ объединенію всего дѣла начальнаго образованія въ рукахъ церкви и вѣдомства православнаго исповѣданія. *Suum cuique*,—говорить комиссія,—и какъ неотъемлемо и безспорно вытекающее изъ учительства церкви право ея на *свою* школу, такъ же безспорно и неотъемлемо право государства имѣть и содержать свою государственную свѣтскую школу. Такое взаимное признаніе, охраненіе и уваженіе правъ церкви и государства можетъ повести лишь къ твердому согласію обоихъ великихъ союзовъ, предназначенныхъ одинаково служить на благо челоуѣчества.»

Suum cuique. Если взять эту формулу въ смыслѣ «Кесарево кесарю и Божіе Богу», то кто же не согласенъ былъ бы съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. И будто бы проектъ комиссіи по народному образованію не отдастъ должнаго учительнымъ правамъ православной церкви? Все, что относится къ религиозному преуспѣянію, къ дѣлу вѣчнаго спасенія, къ взысканію града,—во всемъ этомъ пастыри душъ и остаются безусловными хозяевами въ школѣ. Но школа, какъ орудіе преуспѣянія народа въ сей земной жизни, должна быть въ вѣдѣніи государства, если оно не хочетъ допускать притязаній теократіи. *Das Schulwesen ist und bleibt allezeit ein Politicum* (школьное дѣло есть дѣло государства и будетъ имъ всегда),—это признала даже такая католическая страна, какъ Австрія, еще полтора вѣка тому назадъ.

Нѣтъ,—говорятъ на это депутатъ Львовъ 2-й и тѣ, что съ нимъ или за его спиной,—мы сами нашу формулу *suum cuique* понимаемъ по-другому. Пусть будутъ школы свѣтскія, гдѣ духовенства будетъ касаться только Законъ Божій. Но пусть на-ряду съ ними будутъ и другія, гдѣ даже свѣтскія науки будутъ проходиться по указаніямъ духовенства.

Надобны сильные аргументы, чтобы государство нашло возможнымъ идти на дѣлежъ такого рода. Надобны убѣдительные доводы, чтобы государство согласилось жить съ церковью по такому уговору: во всякой свѣтской школѣ должна быть доля

церкви, но до церковной школы органамъ свѣтской власти не должно быть дѣла. Посмотримъ же, чѣмъ могутъ оправдываться притязанія св. синода и не является ли обязанностью Думы сказать властолюбивымъ синодскимъ черноризцамъ: духовное пусть остается за духовенствомъ, отъ государственнаго же руки прочь!

II.

На чемъ основана претензія святѣйшаго синода имѣть свои, особыя отъ свѣтскихъ, начальныя училища? На превосходствѣ типа церковно-приходской школы. Конечно, по программѣ свѣтскія и церковныя народныя училища какъ-будто близко сходятся другъ съ другомъ. Но это—только видимое сходство. Въ свѣтской школѣ не только свѣтскіе, но даже и церковные предметы проходятся по-свѣтски. Въ церковной и свѣтскіе предметы напаяются церковнымъ духомъ. «Въ такой школѣ свѣтское и религиозное образованіе не должны быть расколоты, какъ двѣ несоединимыя части, а, напротивъ, объединены въ одну гармоническую цѣлостность образованія, содѣйствующую развитію въ ученикѣ твердаго и цѣльнаго характера.»

Выдумка эта сочинена не православной церковью. Выдумка эта не нова. Церковной школѣ въ Европѣ можно считать безъ малаго полторы тысячи лѣтъ. Срокъ оказался достаточнымъ для всевозможныхъ пробъ съ нею и для того, чтобы жизнь безопасно осудила всѣ эти пробы.

Мнѣ раньше приходилось уже говорить о томъ, что древней церкви въ пору завоеванія ею міра было совершенно чуждо какое бы то ни было посягательство на школу. Церковь не только не налагала руку на свѣтское школьное образованіе мірянъ, она не заводила даже для клириковъ училищъ особыхъ отъ мірскихъ. Великіе отцы древней церкви сами всѣ проводили дѣтство въ свѣтской школѣ.

Толкнула западную церковь на путь занятій школьнымъ дѣломъ горькая нужда. Религія, которую она хранила, «предана была письменамъ», и въ наступившее послѣ великаго переселенія народовъ безписьменное время религію нельзя было спасти, если бы церковь сама не принялась за спасеніе письменъ. Такъ

волею судеб римская церковь, кромѣ религіозной наставницы, сдѣлалась и школьной учительницей молодыхъ народовъ. Школу она спасала ради своихъ нуждъ, ради подготовленія клира. Но въ эти же церковныя училища,—за полнымъ почти исчезновеніемъ другихъ,—шли и міряне, которымъ было желательно поучиться грамотѣ, счету, начаткамъ землемѣрнаго искусства, римскимъ законамъ и т. п. ради своихъ совершенно мірскихъ цѣлей.

Властолюбивая папская церковь мало-по-малу вошла во вкусъ новой своей роли,—единственной хозяйки въ школьномъ дѣлѣ. Однако, заключавшееся въ повой школѣ противорѣчіе все-же смуцало мыслящіе умы. Миръ, это—Марѳа, пекущаяся о многомъ; церковь—Марія, избравшая благу часть. Такъ позволительно ли Маріи переходить въ ту область, гдѣ суетится и хлопочетъ Марѳа? Отбросить свѣтскія науки? А какъ прожить безъ нихъ самой Маріи-церкви, царство которой хотя и не отъ міра, но у которой собиралось повременамъ въ рукахъ болѣе трети всѣхъ имѣній въ покорныхъ римскому престолу странахъ? Но богословы побѣдоносно выходили и не изъ подобныхъ затрудненій. Слѣдуетъ ли въ церковной школѣ вести преподаваніе ариометики? Конечно. «Добрая наука ариометика, или искусство считать, такъ какъ съ помощью ея мы можемъ убѣдиться въ ничтожномъ числѣ нашихъ дней.» А геометрія? «Добрая наука геометрія, такъ какъ она учитъ насъ измѣрять землю, куда отойдетъ наше тѣло.» Такъ все, что нужно было для міра и жившей въ міру церкви, безъ труда получило въ школѣ санкцію въ качествѣ душеспасительныхъ предметовъ.

Однако тѣ монахи, которые вели непосредственно работу въ школѣ, тѣ не могли легко этимъ удовлетвориться, тѣ не могли не чувствовать всей разобщенности между «божественными» и свѣтскими, или «внѣшними», предметами. Отсюда—попытки напоить и «внѣшніе» предметы церковнымъ духомъ,—погоня за мечтой, манящей монаховъ, членовъ святѣйшаго синода. Въ изобрѣтательности тутъ средневѣковымъ педагогамъ отказать нельзя. Какъ напоить, напимѣръ, церковнымъ духомъ изученіе латинскаго спряженія? Намъ это кажется задачей мудреной, но педагогъ-монахъ оказывался на должной высотѣ. Доходитъ дѣло

до глагола *sum* (я есмь), и средневѣковый учебникъ предлагаетъ въ катехизической формѣ такое толкованіе:

„*Sum* какого залога?—Средняго или никакого.

Почему *sum* не имѣетъ залога?—Потому что оно не оканчивается ни на *o*, ни на *og*.

Почему *sum* не оканчивается ни на *o*, ни на *og*?

Для показанія своего превосходства надъ другими глаголами,

Какъ ты это толкуешь?

Подъ *sum* разумѣется троичность, такъ какъ въ немъ три буквы: *s*, *u* и *m*. Поэтому сей глаголь *sum* хотя и можетъ прилагаться ко всѣмъ вещамъ, но въ строгомъ смыслѣ прилагается лишь къ Богу и св. Троицѣ.

Почему *sum* кончается не на *n*, а на *m*?

Потому, что подъ *m* снова разумѣется троичность, такъ какъ въ буквѣ *m* три черты“.

А съ математикой какъ обстояло дѣло? Неужели и эту абстрактнѣйшую изъ наукъ оказывалось мыслимымъ привлечь на службу религіозно-нравственному воспитанію и напоить церковнымъ духомъ? Но то, что намъ представляется недостижимымъ, то для средневѣковаго педагога было самымъ легкимъ дѣломъ, такъ какъ онъ здѣсь работалъ съ такимъ богатымъ кладомъ, какъ нынѣ, къ счастью, забытая мистика чисель,—сокровище, копить которое начали еще пнеагорейцы. Взять число 10. Для насъ это одно изъ чисель—и больше ничего. Но средневѣковая школа показывала питомцамъ ариометическаго класса, какъ легко человѣческому уму различить въ немъ совокупность міра,—Бога и твореніе, взятые вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, троица указываетъ на тріеднаго Творца, семерка—на твореніе, которое состоитъ изъ тѣла и духа. Въ послѣднемъ мы опять находимъ троичность, такъ какъ мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ и всей душой и всѣмъ помышленіемъ. Въ тѣлѣ же совершенно ясно выступаютъ тѣ четыре элемента, изъ коихъ оно состоитъ.

И долго-долго продолжалось такое измывательство надъ заннанными исторической бурей подъ сѣнь церкви свѣтскими науками. Еще въ концѣ XVI в. въ ставшихъ уже достояніемъ протестантизма университетахъ лекторъ, читавшій со студентами греческія драмы, долженъ былъ оправдывать свое занятіе

тѣмъ, что въ «Алексѣ» содержится богатый матеріалъ для толкованія первой изъ десяти заповѣдей, данныхъ Богомъ Моисею; въ «Электрѣ», въ «Эдипѣ-царѣ», въ «Трахинянкахъ» для толкованія заповѣди «не прелюбы сотвори»; въ «Антигонѣ»—для толкованія заповѣди: «чти отца твоего и мать твою» и т. д., и т. д. Но, наконецъ, терпѣніе свѣтскаго общества стало истощаться. Не отрицая историческихъ заслугъ церкви въ дѣлѣ спасенія школы, оно замѣтило церковнымъ людямъ, что богословскій свѣтъ, прибавленный къ свѣту естественнаго разума, какъ бы черезъ интерференцію, порождаетъ темноту, и попросило ихъ жить по принципу *visum suique*. И все-же разводъ свѣтскаго и церковнаго образованія прошелъ не сразу. Шель онъ при этомъ, начиная сверху,—съ университетовъ,—и всего позже коснулся начальной школы, которой пришлось да и приходится немало еще терпѣть мытарствъ изъ-за допущеннаго когда-то по нуждѣ *complexio oppositorum* (сплетенія противоположностей).

III.

Сдабривать ради святости и арифметику, и грамматику, и древнихъ авторовъ кое-чѣмъ изъ богословія общеобразовательная школа съ XVII вѣка перестала. Но пробы напоенія ея церковно-религіознымъ духомъ продолжались; только велись онѣ менѣе грубо и наивно. Надъ этимъ параллельно упражнялись отцы изъ ордена іезуитовъ среди католиковъ и піетисты среди протестантовъ. Ученикамъ Игнатія Лойолы, превратившимъ всѣ свои школы въ интернаты и налагавшимъ руку на все духовное существо питомцевъ, нельзя, конечно, отказать въ значительномъ успѣхѣ. Немало если не добрыхъ христіанъ, то безпощадныхъ фанатиковъ-папистовъ вышло изъ ихъ коллегій. За-то и пробы эти пришлось прекратить насильственно рукой свѣтской власти. Въ XVIII столѣтіи всѣ католическія государства, какъ извѣстно, изгнали членовъ этого учительскаго ордена изъ своихъ предѣловъ. Съ полной чистотой религіозныхъ побужденій велись, напротивъ, подобные же опыты у піетистовъ. Довольно было среди послѣдователей Франке и педагогическихъ талантовъ. Къ чему же однако привели всѣ ихъ старанія?

Какъ пропитать всю атмосферу школы религіознымъ духомъ? Рецепты были тѣ же, какіе прописываются у насъ и нынѣ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Побольше разсужденій о религіи, побольше катехизиса и толкованія Св. Писанія, побольше духовныхъ пѣснопѣній, частое вознесеніе молитвъ, участіе школы въ богослуженіи: таковы были и піетистическіе пріемы. Но катехизисъ или другія формы школьнаго богословія... Недаромъ по недавней нѣмецкой анкетѣ касательно любимыхъ и нелюбимыхъ предметовъ въ школѣ изъ нелюбимыхъ далеко на первомъ мѣстѣ оказался Законъ Божій. Отъ катехизиса во всякомъ случаѣ ни у кого еще не пробуждалось чувство, способное согрѣть душу религіозной теплотой. Молитвы, пѣснопѣнія—дѣло другое. Плодъ возбужденія души, охваченной порывомъ къ неземному, онѣ способны вызывать тѣ же настроенія и въ другихъ душахъ, но при одномъ условіи—чтобы для нихъ былъ выбранъ подходящій часъ, чтобы человекъ, который ихъ повторяетъ или имъ внимаетъ, былъ склоненъ къ самоуглубленію. «Ты сколько «Отче нашъ» прочитываешь въ день?»—передаетъ старинная католическая духовно-назидательная книжка бесѣду одного духовника съ его духовной дочерью.—«Если Богъ въ церкви пошлетъ мнѣ свою милость и я могу по-настоящему молиться, то я читаю четверть, половину, иногда цѣлое «Отче нашъ». Если же молитвеннаго духа не находитъ, то ихъ прочтешь и дюжину, и сотню.» Когда же молитвы обязательно поются и читаются дюжинами въ школѣ по расписанію въ извѣстные часы, то отношеніе къ нимъ стремится въ предѣлѣ къ отношенію дьячка,—этой «трубы, черезъ кою Слово Божіе проходитъ до слуха прихожанъ громко и чисто, ни за что внутри не задѣвая». «Читаетъ какъ дьячокъ»,—синаодскимъ педагогамъ поглубже слѣдовало бы вникнуть въ горькій смыслъ этой ходячей фразы. Чувствуя недостаточную силу заученныхъ по принужденію на память и машинально повторяемыхъ молитвъ, нѣмецкій піетизмъ попробовалъ—было здѣсь еще другое средство. Дѣти должны были по временамъ произносить передъ классомъ *свои* молитвы, идущія на отвѣденномъ для такого упражненія урокъ изъ глубины ихъ собственной души. И послѣ порки кого-нибудь изъ товарищей

по классу они должны были по приглашенію учителя братски разъяснять наказанному его вину со ссылкой на подходящій текстъ... Итогъ? Онъ подведенъ извѣстнѣйшимъ изъ историковъ нѣмецкой школы въ такомъ заслуживающемъ всякаго вниманія приговорѣ: «Кто знаетъ человѣческую природу, тотъ не удивится, что подобное трепанье религіознаго чувства въ дѣтяхъ вызывало въ концѣ-концовъ полную невоспримчивость къ религіознымъ впечатлѣніямъ. Такая школа дѣйствовала на развитіе религіозности какъ бы предохранительная отъ нея прививка.»

Съ начала прошлаго столѣтія тѣ виды школы, гдѣ обучались дѣти «благородныхъ» или по крайней мѣрѣ «среднихъ» сословій, освободились, наконецъ, отъ всѣхъ экспериментовъ съ подобной гармонизаціей духовнаго и свѣтскаго образованія— не потому, конечно, чтобы родители сдѣлались безбожны или стали врагами своимъ дѣтямъ. Но въ срединѣ XIX в., послѣ потрясшихъ западныя общества ударовъ 1848 года, эта гармонизація праздновала свои триумфы въ области только-что начавшей-было серьезно развиваться народной школы. Инициатива на этотъ разъ шла уже не отъ церкви, а отъ государства, позвавшего здѣсь церковь на службу, какъ своего духовнаго жандарма,—причемъ однако церковь не заставила повторять себѣ два раза такого найденнаго ею лестнымъ приглашенія. Въ данныхъ условіяхъ задача рѣшалась просто. Разъ свѣтское образованіе упорно не соглашается сливаться въ одну гармоническую цѣлостность съ церковнымъ, то выкинуть его изъ школы почти совсѣмъ,—въ видахъ, конечно, «развитія твердаго и цѣльнаго характера» въ дѣтяхъ народа. Для нихъ этотъ отказъ отъ лишняго запаса свѣтской учености—благодѣяніе, такъ какъ несоотвѣтствующія жизненному положенію знанія—только источникъ душевнаго разстройства. Но столь же благодѣтельно это и для прочности соціальной іерархіи. «Учить народъ?»—говорилъ въ англійской палатѣ лордовъ одинъ изъ перовъ, который не стѣснялся смѣло называть вещи своими именами.—«Но вы не забывайте: знаніе—сила, и если бы моя лошадь знала столько же, сколько я, она бы никогда не допустила, чтобы я на нее садился верхомъ и ѣздилъ.»

Самымъ типичнымъ образчикомъ школьнаго законодательства этого глубоко реакціоннаго времени являются прусскія «Регулятивы» 1854 года. Къ докладу, представленному Думѣ комиссіей по дѣламъ православной церкви, приложенъ любопытный документъ, «Записка о народныхъ училищахъ», составленная въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія въ 1862 г., т. е. тогда, когда впервые между духовной и свѣтской властью поднялся споръ объ ихъ правахъ на руководство русской народной школой. Весьма искусно составленная записка (съ ней и сравнить нельзя новѣйшее «Опредѣленіе св. синода» отъ 11-го марта 1910 г.), привлекиши къ дѣлу каившихся тогда Гизо и Тьера, съ пафосомъ восклицала: Неужели «толикой облажащій насъ облакъ свидѣтелей» не окажется въ глазахъ нашего правительства достойнымъ вниманія? Но во главу угла она какъ-разъ ставила ссылку на Пруссію,—страну, «которая преимущественно передъ другими прославилась цвѣтущимъ состояніемъ своихъ народныхъ школъ» и гдѣ съ 1854 г. «правительство заботилось преимущественно о томъ, чтобы удержать народное образованіе въ предѣлахъ необходимо нужныхъ и простыхъ свѣдѣній».

Общество наше не слишкомъ сильно въ знакомствѣ съ исторіей образовательныхъ учреждений на Западѣ Европы. Кое-кто, прочтя «Записку» 1862 г., легко впадетъ въ соблазнъ подумать, что ея ссылки на «облакъ свидѣтелей» и на примѣръ ближайшей нашей западной сосѣдки имѣютъ цѣну и понынѣ. Но «церковь—столпъ и утверженіе истинны», и думская комиссія по ея дѣламъ, памятуя это, сдѣлала бы хорошо, если бы во избѣжаніе подобнаго соблазна прибавила и нѣкоторыя свѣдѣнія по новѣе. По совѣсти, ей слѣдовало бы разсказать, что прославляемые «Запиской» прусскія «Регулятивы», не продержавшись и двухъ десятковъ лѣтъ, брошены были страной прочь, какъ ржавое желѣзо. На мѣсто ихъ были проведены «Общія постановленія» 1872 г., гдѣ Законъ Божій вошелъ въ разумныя границы и свѣтское образованіе народа вновь получило полныя свои права, достигнувъ въ лучшихъ школахъ къ нашимъ днямъ такого уровня, который оказывается едва ли много ниже уровня нашихъ средне-учебныхъ заведеній. И облаку свидѣтелей, слова

которыхъ сейчасъ имѣютъ интересъ только какъ историческая справка, коммиссія могла бы противопоставить тучу другихъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ угрожаетъ націямъ помянутая старая ложная дорога. «Пускай то здѣсь, то тамъ,— такъ говоритъ одинъ свидѣтель, голосъ котораго давно уже пользуется въ Германіи заслуженнымъ авторитетомъ,—партиійные интересы поднимаютъ вопросъ, дѣйствительно ли расширеніе народнаго образованія полезно; но для народа въ цѣломъ,— для народа, организованнаго въ государство,—не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что его интересъ требуетъ возможно полнаго развитія всѣхъ народныхъ силъ ради національнаго самосохраненія и ради завоеванія для націи достойнаго мѣста въ мірѣ. При современномъ міровомъ положеніи народъ, который отстанетъ въ культурной области, неизбежно будетъ отгнѣсненъ народами, которые энергично въ ней работаютъ... Тѣмъ же, кто полагаетъ, что сильная государственная власть прочнѣе всего можетъ быть утверждена на невѣжествѣ массъ, судьбы одной великой восточно-европейской державы какъ-разъ въ настоящее время дадутъ недвусмысленный урокъ. Государство, которое боится просвѣщенія, можетъ быть увѣрено, что познакомится съ нимъ въ самой непріятной его формѣ.» (Паульсенъ въ 1906 г.)

Но мы не противъ свѣтскаго образованія,—скажетъ намъ вѣдомство православнаго исповѣданія. То былъ Побѣдоносцевъ, онъ подражалъ «Регулятивамъ», а мы—другіе. Другіе по фамиліямъ, другіе и по взглядамъ. Мы хотимъ только, чтобы раздача благъ свѣтскаго образованія проходила чрезъ наши руки. Такъ, значить: «Отрекаюсь отъ Побѣдоносцева, и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ аггелъ его, и всего служенія его. Дую и плюю на него.» А какъ же на юбилей побѣдоносцевской церковной школы такого отреченія не произносилось? Шагъ 1884 г. нисколько не критиковался юбилейнымъ съѣздомъ. Напротивъ, ему пѣли славу до небесъ безъ всякихъ оговорокъ. Нѣтъ, какъ бы ни звучали теперь ваши имена, «вы отца вашего Побѣдоносцева есте, и похоти отца вашего творите». Да если бы и повѣрить вашему обращенію изъ Савловъ въ Павлы, такъ васъ надо спросить: надежны ли, умѣлы ли въ раздачѣ свѣтскаго образованія ваши руки? *Suum cuique*. Вашего права, вашей обязанности рас-

пространять религіозное образованіе никто не отрицаетъ. Но что же? Въ этомъ дѣлѣ стоите вы на полной высотѣ? За вами нѣтъ здѣсь никакихъ неоплаченныхъ долговъ? Вамъ въ этой области уже не надъ чѣмъ работать? Домъ вашъ,—исконный собственный вашъ домъ,—устроенъ образцово? Едва ли у кого изъ васъ самихъ хватитъ здѣсь духа отвѣтить: да. А если такъ, то можно ли къ заботамъ о возведеніи зданія свѣтской народной школы приглашать тѣхъ, кто не умѣетъ заботиться о поддержаніи собственного дома?

Великая задача.

1913 годъ.

Великая задача нашего времени, это — введение всеобщаго народнаго образованія въ Россіи.

Но въ чемъ же тутъ задача? Вѣдь это дѣло безповоротно рѣшено. Вѣдь здѣсь какъ-будто остается только послѣ долгихъ лѣтъ борьбы торжествовать побѣду. Развѣ же обновленная Россія не приняла уже мѣръ, чтобы смыть пятно безграмотности, позорившее нашу родину передъ всѣмъ культурнымъ свѣтомъ? Развѣ элементарное образованіе не сдѣлается скоро и у насъ достояніемъ cadaго, какъ это считается въ XX вѣкѣ необходимымъ для всякаго цивилизованнаго государства? Законъ касательно всеобщаго обученія уже изданъ. Назначенъ срокъ: благое начинаніе должно быть завершено къ 1922 году. Отпущены болѣе или менѣе достаточныя средства: сказкой уже начинаютъ представляться времена, когда расходы на образованіе сводились у насъ къ 18—19-ти коп. на душу населенія. Все это такъ, и тѣмъ не менѣе задача, стоящая передъ русскимъ обществомъ, огромна. Законъ и деньги—лишь внѣшнія условія: это—мѣха, куда должно еще быть влито вино живой работы.

Правильно оцѣнить размѣры требующихся отъ насъ усилій можно, взглянувъ на Францію, которая такъ гордится реформой народнаго образованія, проведенной послѣ несчастной войны 1870—1871 года. Въ концѣ Имперіи Франція насчитывала у себя 70.000 школъ съ 4.700.000 учениковъ и должна была

стыдиться, что у нея 36% безграмотнаго населенія. Черезъ 15 лѣтъ работы республиканскаго правительства число школъ увеличилось до 83.000, число учащихся дошло до 5.540.000 чел., число же безграмотныхъ (при приѣмѣ новобранцевъ) упало до 5,7%. На-ряду съ этимъ количественнымъ приростомъ школъ Франція достигла въ то же время крупнаго повышенія какъ качества преподаванія, такъ и качества школьной обстановки,—недаромъ у нея бюджетъ народнаго образованія утроился за это время,—но за-то ея успѣхъ и признается колоссальнымъ.

Сравнимъ теперь, что предстоитъ осуществить Россіи. Дѣло здѣсь представляется въ слѣдующихъ цифрахъ. По однодневной школьной переписи, произведенной 18 января 1911 г., во всей Россіи было насчитано 100.000 училищъ со 154.000 учащихся (не считая законоучителей) и 6.180.000 учащихся дѣтей. По завершеніи всеобщаго обученія въ 1922 году число дѣтей въ школахъ (при обязательности обученія всѣхъ дѣтей въ возрастѣ 8—11 лѣтъ) должно достигнуть приблизительно 16.000.000, т. е. повысится не на 20%, какъ во Франціи, а больше чѣмъ на 250%. Этому долженъ соответствовать ростъ численности преподавательскаго персонала. Если считать даже не 40, какъ сейчасъ, а 50 дѣтей на cadaго преподавателя, то общее число учителей опредѣлится къ 1922 году огромной цифрой въ 320.000. Цѣляя десять лѣтъ придется ежегодно замѣщать свыше 16.000 новыхъ учительскихъ вакансій. А прибавляя тѣ 6% общей массы, которые выбываютъ каждый годъ со службы, мы получимъ, что годовой спросъ на учителей зайдетъ къ концу нашего десятилѣтняго періода за 30.000.

Грозный смыслъ этой цифры вполне раскроется, если съ нею сопоставить двѣ другія. Всѣ спеціальныя педагогическія заведенія, воспитанники и воспитанницы которыхъ идутъ работать въ народную школъ, выпускаютъ лишь около 3½ тысячъ въ годъ. Народному учительству, дальше, посвящаютъ свои силы около 25% дѣвушекъ, кончающихъ во всѣхъ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, что даетъ въ годъ около 5—5½ тысячъ. Это число къ концу десятилѣтія можетъ подняться благодаря росту женскаго средняго образованія до 8—9 тысячъ, если удержится тотъ же процентъ поступленія

на учительскую службу, какой мы выше привели въ согласіи съ расчетомъ комиссіи по народному образованію, представленнымъ ею Государственной Думѣ въ 1910 году. А повышать его нѣтъ основаній, такъ какъ безъ измѣненія степени привлекательности работы въ народныхъ школахъ, только отъ увеличенія ихъ числа, тягѣ на это поприще усиливаться нѣтъ причинъ. Откуда же будетъ пополняться образующаяся огромная нехватка? Ресурсъ одинъ: контингентъ лицъ, сдавшихъ экзаменъ на учителя только по окончаніи той же народной школы. Да и тѣхъ, можетъ-быть, не наберешь въ достаточномъ количествѣ. Но если бы даже такихъ охотниковъ нашлось довольно, какой регрессъ по качеству преподаванія противъ теперешняго положенія и какая бездна между такой школой, гдѣ милліоны и милліоны дѣтскихъ душъ будутъ поручены подобнымъ педагогамъ «отъ бѣды», и тѣмъ, что представляетъ собой народное образованіе въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи, гдѣ громко уже раздаются толки о необходимости давать всѣмъ педагогамъ академическую подготовку въ университетахъ, къ какой бы дѣятельности они себя ни предназначали,—въ гимназіяхъ ли, или въ народной школѣ.

Но, скажутъ, съ какой же стати такъ относиться къ дѣлу? Выходъ изъ положенія какъ-будто очень простъ. Надобно только скорѣе завести какъ можно больше новыхъ мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинарій и институтовъ. Тогда мы и по качеству обучающаго персонала не будемъ отставать отъ Западной Европы. Этимъ путемъ вѣдь школьная администрація и намѣрена идти, какъ видно изъ новѣйшей министерской деклараціи.

Было бы опрометчиво однако успокаиваться на подобномъ механическомъ разсужденіи. Нѣсколько новыхъ семинарій за ближайшіе годы будетъ открыто министерствомъ. Но чтобы оно способно было создать ихъ столько, сколько необходимо для избѣжанія быстрого паденія средняго уровня обучающаго въ народной школѣ персонала,—такой мыслью не надо обольщаться. Настроить быстро зданій и назначить штаты, конечно, можно по строгому арифметическому расчету, соотвѣтствующему приведеннымъ выше цифрамъ, лишь бы отъ Думы полу-

чены были нужные кредиты. Но пусты остались бы въ большинствѣ подобныхъ заведеній каѳедры учащихся, пусты съ тѣмъ вмѣстѣ и скамьи учениковъ: кредиты оказались бы въ крупной своей части деньгами, брошенными въ печку. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ ощущается хроническій недостатокъ учителей для общеобразовательныхъ среднихъ заведеній; если въ иныхъ учебныхъ округахъ преподавательскія мѣста въ гимназіяхъ замѣщаются воспитанниками университета, которымъ еще предстоитъ сдавать государственный экзаменъ; если изъ страха видѣть глубокое разстройство гимназическаго дѣла министерство съ одной стороны капитулировало передъ требованіями феминистокъ, съ другой же—торопливо уничтожило въ университетахъ вызванную интересами научности преподаванія, но неудобную при рекрутированіи учителей предметную систему; то какъ мечтать, чтобы возможно было скоро укомплектовать преподавателями цѣлый рядъ новыхъ учительскихъ семинарій и институтовъ, гдѣ къ руководителямъ занятіями приходится предъявлять особые запросы. Чтобы стоять на уровнѣ своей задачи, наставникъ будущихъ работниковъ въ народной школѣ необходимо долженъ отвѣчать сразу двумъ условіямъ: онъ долженъ распоряжаться въ избранной имъ области науки съ такой свободой, какую сообщаютъ только серьезныя занятія ею въ высшей школѣ, и въ то же время онъ долженъ ясно представлять себѣ цѣли и методы и вообще всю внутреннюю жизнь начальной школы. А много ли у насъ такихъ людей? И скоро ли ихъ создашь одной приманкой казеннаго вознагражденія, никакъ не могущаго при нашей бѣдности быть блестящимъ? Если разсчитывать здѣсь только на давленіе нужды и положиться въ этомъ дѣлѣ всецѣло на школьную бюрократію, то представленныя нами выше тревожныя соображенія почти-что полностью должны будутъ оправдаться при проведеніи всеобщаго обученія въ Россіи.

Поэтому-то мы и говоримъ, что въ области народной школы русское общество стоитъ передъ великой задачей. Спасти здѣсь положеніе, значительно ослабить опасныя послѣдствія быстроты, съ какой теперь обновленной Россіи приходится нагонять то, что запускалось и тормазилось въ теченіе долгаго ряда

поколѣній, была бы способна только общественная самодѣятельность. Вспыхни въ Россіи снова такой же просвѣтительный энтузіазмъ, свидѣтелемъ какому была эпоха освобожденія крестьянъ, когда почти-что каждый интеллигентный человѣкъ чувствовалъ на себѣ обязанность быть хоть немножко педагогомъ, и какъ ни колоссально требующееся усиліе, родина наша могла бы показать, что она стоитъ на высотѣ требованій, предъявленныхъ къ ней ходомъ историческаго развитія. Лишнія тысячи интеллигентныхъ женщинъ стали бы приливать изъ средней и даже высшей школы на поле, гдѣ идетъ борьба противъ темноты народной массы, и этотъ элементъ, движущійся идеалистическимъ импульсомъ, былъ бы дорогъ не въ соотвѣтствіи съ той цифрой, какой бы онъ выразился въ школьно-статистическихъ таблицахъ. Такіе дѣятели во всякой профессіи образуютъ ея соль: это—ферментъ, заставляющій всходить всю состоящую обычно изъ духовныхъ посредственностей массу. Завидную роль, далѣе, могли бы сыграть вольныя высшія школы, какихъ немало успѣло уже возникнуть по лицу Россіи. При свойственной имъ гибкости организаціи въ нихъ быстро могли бы зажечься педагогическіе очаги, распространяя по разнымъ направленіямъ лучи тепла и свѣта. Такія школы могли бы предлагать уже поработавшимъ учителямъ и учительницамъ все нужное, чтобы пополнить сознанные недочеты со стороны научной подготовки, а лицамъ съ законченнымъ общимъ образованіемъ передъ вступленіемъ на практическую школьную дорогу онѣ могли бы сообщать недостающія имъ педагогическія знанія и точки зрѣнія. При томъ усиленномъ движеніи въ области педагогическихъ идей, которымъ отличается наше время въ Западной Европѣ; при новыхъ огромныхъ горизонтахъ, открывающихся благодаря этому передъ народной школой, во всѣхъ подобныхъ заведеніяхъ, гдѣ сблизилось бы академическое преподаваніе и практика народнаго учительства, ключомъ забила бы плодотворнѣйшая умственная работа. Тутъ сталъ бы формироваться и контингентъ наставниковъ для будущихъ учителей народной школы, о недостаткѣ котораго мы выше говорили. Конечно, при всемъ этомъ нельзя бы было избѣжать принятія въ ряды учителей значительнаго процента лицъ, не побывав-

шихъ ни въ учительской семинаріи, ни въ гимназіи. Но подготовка бывшихъ питомцевъ народной школы къ учительскому экзамену могла бы стать въ гораздо болѣе удовлетворительныя условія, чѣмъ теперь. Къ тому же не надо забывать, что качество такихъ учителей очень зависитъ отъ того, кто ихъ самихъ училъ еще въ народной школѣ, и потому притокъ талантливыхъ и образованныхъ людей, способныхъ образцово поставить рядъ училищъ, содѣйствовалъ бы неминуемо поднятію учительскаго уровня и въ этомъ низшемъ слоѣ.

Однако, чтобы могъ проснуться такой энтузіазмъ, который напомнилъ бы 60-е годы прошлаго столѣтія,—намъ думается, вопреки разнымъ новымъ уродливымъ явленіямъ, что и современная русская интеллигенція къ нему способна,—необходимо дыханіе весны, вѣяніе свободы. Небо же въ Россіи продолжаетъ дышать зимой. Какъ высшая администрація сама опредѣляетъ очередныя задачи въ области народнаго образованія, мы слышали недавно изъ устъ премьеръ-министра. На первомъ мѣстѣ въ прочитанной имъ деклараціи поставлено упроченіе церковно-приходской школы. Чѣмъ вызывается особенная симпатія къ этому типу училищъ для народа и показателемъ какого политическаго настроенія она служить, намъ приходилось уже говорить неоднократно. Страхъ передъ народомъ, вѣра въ обманчивую мысль, будто «религія является лучшимъ изъ жандармовъ»,—вотъ какова здѣсь истинная сущность. Про семинаріи и институты для учителей администрація, положимъ, не забыла, но тонъ ея таковъ, что по нему не заподозришь даже, съ какими трудностями здѣсь приходится считаться. «Топну погой, и изъ земли явятся легіоны». На третьемъ изъ главныхъ мѣстъ поставлена инспекція. Въ чудесное вліяніе надзора у нынѣшняго министра просвѣщенія исключительная вѣра. Присмотритъ Блохманъ,—и разрѣшенъ профессорскій кризисъ въ университетахъ. Присмотритъ Зоргенфрей,—и обветшала классическая система въ гимназіяхъ заиграетъ новой жизнью. Быть-можетъ, и отъ инспекторовъ народныхъ школъ г. Кассо ждетъ такого же чудотворнаго вліянія: присмотрятъ,—и учитель съ самой ничтожной подготовкой волей-неволей обратится въ маленькаго Песталоцци. Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на

свѣтъ. А скептикъ усомнится и въ томъ, чтобы у насъ нашлось достаточное число людей, пригодныхъ для сколько-нибудь сноснаго пополненія растущаго инспекторскаго персонала. Инспектора же, въ лицѣ которыхъ власть не соединяется съ глубокимъ пониманіемъ дѣла,—пагуба для школы. Тѣмъ тяжелѣе переносится ихъ иго, чѣмъ больше у самого учителя таланта, знаній и преданности своему призванію. Конфликты здѣсь обычно кончаются бѣгствомъ изъ школы этихъ избранниковъ, которые всего необходимѣе для ея успѣшнаго развитія.

А все-же интеллигентному обществу было бы грѣшно остаться безучастнымъ при введеніи всеобщаго обученія въ Россіи,—при осуществленіи дѣла, которое оно такъ долго называло своей завѣтной мечтой,—только изъ-за того, что на посту министра просвѣщенія оказывается въ настоящую минуту г. Кассо. Намъ, можетъ-быть, напомнятъ иронически извѣстное опредѣленіе: «Министръ есть человѣкъ, который всегда бываетъ хуже своего предшественника». Пусть будетъ даже такъ. Но вѣдь и для Россіи уже прошла пора, когда ея судьбы всецѣло покоились въ лонѣ министровъ-олимпійцевъ. Жизнь получила теперь другой размахъ и, повинаясь требованіямъ внутренней логики, неудержимо идетъ своей дорогой, такъ или иначе преодолевая реакціонныя преграды и препоны. Многія же стѣсненія и держатся лишь благодаря тому, что общество не научилось еще достаточно вѣрить въ собственную инициативу. При этомъ въ данной области его попытки, конечно, вызовутъ сочувствіе со стороны народнаго представительства, такъ дружно державшагося въ вопросахъ народной школы, и оно можетъ получить сверху ту поддержку, которой нехватало прежнимъ общественнымъ борцамъ за дѣло всеобщаго народнаго образованія въ Россіи. Правда, совсѣмъ недавно, по поводу безпримѣрнаго скандала, учиненнаго администраціей изъ-за собранія дѣтей въ гимназій г-жи Витмеръ, товарищъ министра просвѣщенія во всеуслышаніе заявилъ, что къ мнѣніямъ Государственной Думы они съ министромъ привыкли относиться «довольно индифферентно». Но будущее все-же не за такими заносчивыми чиновниками, а за Думой. Пѣсня всевластія бюрократіи спѣта.

Иностранческая школа.

1914 годъ.

Первый всероссійскій съѣздъ народныхъ учителей въ Петербургѣ сильно подѣйствовалъ нашимъ охранительнымъ партіямъ на нервы. Вся правая печать съ «Новымъ Временемъ» во главѣ выступила противъ него въ поле, пуская въ ходъ всякое оружіе—отъ раскатистыхъ патриотическихъ родомонтадъ до пошленькихъ насмѣшекъ. Досталось тутъ всѣмъ дѣятелямъ школы, досталось за все: враги отечества, агенты новой революціи, пустые болтуны, развѣденные политическимъ и педагогическимъ фразерствомъ,—словомъ, сборище, способное погубить Россію, если правительство не вступитъ въ области народной школы на путь репрессій. Но главной тяжестью своей негодование охранительной печати обрушилось на учителей изъ иностранцевъ. Защита ими правъ національныхъ языковъ въ народной школѣ и требованіе большаго простора для самобытнаго развитія разныхъ племенъ, образующихъ Россію, вызвала истерическіе крики объ иностранческой измѣнѣ и о необходимости принять всѣ мѣры къ тому, чтобы снова вознести на должную высоту престижъ русской государственности у «покоренныхъ или взятыхъ русскими изъ милости» народовъ. Задать имъ страха, чтобы знали свое мѣсто,—такъ можно формулировать предлагаемую при этомъ несложную націоналистическую программу.

То настроеніе, которое нѣсколько разъ бурно прорывалось при дебатахъ въ иностранческой секціи на съѣздѣ, давая поводъ

«Новому Времени» кричать: «Знаю слово и дѣло государево», является, безспорно, знаменіемъ времени. Для нашей государственности это—болѣзненный симптомъ. Но кто же здѣсь виновать, въ концѣ-концовъ, какъ не тотъ духъ, который возобладавалъ въ правительственныхъ сферахъ со временъ Каткова и въ наши дни дошелъ до полнаго цинизма, сводя всю государственную мудрость по отношенію къ инородцамъ на то, о чемъ сейчасъ мы помянули,—на атуканье и задаваніе страха. Нѣтъ, не залѣчишь скорпіонами тѣхъ ранъ, которыя были нанесены бичами. Нѣтъ, не кулакъ надобенъ для того, чтобы обратить Россію въ царство мира и согласія. Надобна голова: а голова отказывается понять то, что у насъ надъ инородцами творилось и творится.

Возьмемъ вопросъ, который одинъ лишь собственно и обсуждался въ подобной связи на петербургскомъ съѣздѣ,—объ языкѣ преподаванія въ народной школѣ. Вопросъ этотъ стоитъ не передъ одной Россіей. Съ нимъ приходилось и приходится считаться почти-что во всемъ современнымъ государствамъ безъ исключенія, такъ какъ среди нихъ почти не назовешь такого, которое было бы однородно по племенному своему составу. Вопросъ этотъ и обсуждался на Западѣ Европы горячо и долго, пока не получилъ окончательнаго рѣшенія, подъ которымъ подписались все европейскіе педагогическіе авторитеты. Усвоенная западною педагогикою формула гласитъ: отказъ въ преподаваніи на материнскомъ языкѣ въ начальной школѣ равносильенъ отказу для такого угнетаемаго племени въ возможности дать своимъ дѣтямъ вообще что-либо похожее на образованіе въ настоящемъ смыслѣ слова. Можетъ быть споръ объ языкѣ преподаванія въ средней и въ высшей школѣ: его не можетъ быть примѣнительно къ народной школѣ.

Аргументація такого положенія достаточно извѣстна. У насъ ее еще полвѣка тому назадъ съ особой силой излагалъ К. Д. Ушинскій, память котораго мы чествовали недавно. Напомнимъ его статью «Родное Слово». Тамъ пламенно развито то, что должно считаться однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ завоеваній науки въ XIX столѣтіи. Еще XVIII столѣтіе считало языкъ лишь за собраніе словесныхъ знаковъ для выраженія мыслей. Наука

XIX вѣка показала всю ложность такого представленія. Она раскрыла органическую связь языка и мысли и обнаружила, какое громадное культурное наслѣдство передается въ видѣ языка отъ одного людского поколѣнія другому. До истинной поэзіи поднимается Ушинскій, рисуя это значеніе языка, какъ сокровищницы народнаго духа. «Языкъ народа—лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческой силой народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокий, полный мысли и чувства, голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу роднаго слова складывается одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, возрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая сильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, исторически живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ жизненность народа, но есть именно эта самая жизнь».

Уразумѣвъ роль языка въ духовной жизни, XIX вѣкъ сдѣлалъ отсюда и соотвѣтственный педагогическій выводъ. Въ старое время ученая школа учила только по-латыни: родному языку зачѣмъ учить? Ему и безъ того выучивается всякій. Извѣстно, какъ измѣнилось это въ XIX столѣтіи, какое мѣсто занялъ родной языкъ среди предметовъ гимназическаго пре-

подаванія во всѣхъ культурныхъ странахъ. Занятія имъ мало-помалу стали могущественнымъ орудіемъ для достиженія той цѣли, которую школа признаетъ теперь конечной,—для общаго образованія, для общаго духовнаго развитія питомцевъ. Но если въ средней школѣ подобное развитіе мыслимо получить и при работѣ надъ другимъ матеріаломъ, то при условіяхъ жизни народной школы родной языкъ является единственнымъ предметомъ, способнымъ сообщить ученію такой общеобразовательный, развивающій характеръ.

Ребенокъ садится на скамью народной школы, не зная ничего? Ошибка. Ребенокъ приходитъ въ школу, умѣя *говорить на родномъ нарѣчій*: а чѣмъ это является для педагога,—объ этомъ послушаемъ Рудольфа Гильдебранда. «Матеріаль, съ которымъ приходится считаться на урокахъ родного языка,—пишетъ онъ въ классической своей работѣ «О преподаваніи родного языка въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи вообще»,—каждый ученикъ въ мѣру своихъ духовныхъ силъ приноситъ съ собой уже въ совершенно готовомъ видѣ; мало того, матеріаль этотъ является для всякаго самымъ задушевнымъ его достояніемъ, ларчикомъ, гдѣ онъ бережетъ самое драгоценное изъ всего, что ему раньше удалось самому для себя добыть,—свое общее міросозерцаніе. Нѣтъ сомнѣнія: и ученики, даже самые маленькіе, являются въ школу уже съ своимъ міросозерцаніемъ; въ немъ нѣтъ еще, положимъ, ни принциповъ, ни органичности, какъ у большихъ, но основныя правственныя, практическія и инныя идеи всѣ уже налицо въ міросозерцаніи маленькаго человѣка, онъ является тамъ то въ формѣ оцупью найденныхъ выводовъ изъ собственныхъ его мелкихъ опытовъ, то въ видѣ слышанныхъ дома или отъ товарищей поговорокъ, до смысла которыхъ онъ добрался чутьемъ, то въ видѣ общихъ положеній, которыя онъ подхватилъ дома, такъ какъ часто слыхалъ ихъ отъ родителей и отъ родственниковъ. И какъ свободно дѣти въ этой области справляются и съ содержаніемъ, и съ формой!»

Этимъ матеріаломъ и долженъ овладѣть народный учитель, чтобы вдохнуть жизнь въ свое преподаваніе. Степень умѣлости при обращеніи съ нимъ опредѣляетъ успѣшность всего преподаванія

даванія въ начальной школѣ, что бы ни являлось его предметомъ. О чемъ бы рѣчь ни шла,—о вводѣ ли въ искусство владѣть болѣе литературной рѣчью, о сообщеніи ли основъ религіи, о знакомствѣ съ исторіей и географіей, или объ ариметическихъ вопросахъ,—вездѣ, во всемъ учитель оказывается способенъ разрѣшить свою задачу лишь съ помощью того, что дѣти въ видѣ языка уже принесли съ собой въ школу. Но этого готоваго матеріала, который надо только просвѣтлить, чтобы живо заиграло дѣтское сознаніе,—иначе говоря, чтобы ребенокъ вступилъ на путь дѣйствительнаго внутренняго образованія,—при раннемъ возрастѣ питомцевъ народной школы и при томъ короткомъ времени, какое отводится нуждой на ихъ ученіе, уже немислимо замѣнить никакимъ инымъ образовательнымъ матеріаломъ, требующимъ еще особаго труда на свое приобрѣтеніе. Школа же, не пробуждающая умственной самостоятельности, школа, не открывающая дѣтямъ глазъ при помощи «родного слова» на Божій міръ и на людскую жизнь, не признается больше у современныхъ педагоговъ такого рода учрежденіемъ, которое заслуживало бы называться школой,—хотя бы и для народа, хотя бы и для инородцевъ.

Если же такое педагогическое положеніе справедливо, то ясенъ выводъ, который слѣдуетъ отсюда для школьной политики во всякомъ разноплеменномъ общежитіи, поднявшемся на степень правового государства. Такого рода выводъ въ подобныхъ общежитіяхъ давно и сдѣланъ. Но петербургскимъ націоналистамъ это, конечно,—не указъ. Кто же заподозритъ ихъ, чтобы они хотѣли видѣть въ Россіи правовое государство? Поэтому съ ними приходится поговорить еще иначе, не поднимаясь надъ уровнемъ грубо государственнаго утилитаризма.

Въ народной школѣ нашимъ націоналистамъ хотѣлось бы имѣть орудіе ассимиляціи всѣхъ другихъ племенъ, населяющихъ Россію, съ «державной народностью», какъ называютъ они великоруссовъ. Они и сами слыхали про великое значеніе языка въ духовномъ развитіи народа. Основываясь на этомъ, они и разсуждаютъ: народная школа съ національнымъ языкомъ въ ея основѣ ведетъ къ обособленію инородцевъ, а съ государственнымъ—къ сліянію ихъ съ великоруссами, къ ихъ пре-

творенію въ ту однородную массу, какой для прочности и силы государства желательно было бы видѣть все населеніе Россіи. Не будемъ говорить, насколько такая цѣль сама по себѣ для русскаго государства можетъ быть признана желанной: не однородность является примѣтой высоко развитаго организма, а интеграція дифференцированныхъ частей. Но все равно. Какъ бы ни относиться къ цѣли, негодность изобрѣтеннаго націоналистами средства не подлежитъ сомнѣнію.

Чего въ педагогическомъ отношеніи стоитъ такая школа, гдѣ съ первыхъ же шаговъ обученія родной языкъ дѣтей замѣняется чужимъ,—это картинно изобразилъ тотъ же Ушинскій, взявъ для примѣра украинскую школу съ преподаваніемъ на великорусскомъ языкѣ. Какое впечатлѣніе производитъ она на малороссійское дитя, «когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ говорятъ на непонятномъ языкѣ?» «Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусскаго слова, начинаютъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня и весьма неласково напоминаетъ ребенку, что онъ не дома, и безъ сомнѣнія покажется ему букой. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значить она съ своей сотней плохо заученныхъ словъ передъ той безконечно глубокой, живой и полной рѣчью, которую выработала и выстрадала себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтій; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что не строитъ развитія дитяти на единственно плодотворной душевной почвѣ,—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по-

забываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душой и заливаютъ, и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего. Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность, или, лучше сказать, полуграмотность,—и то не всегда,—и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчій написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ».

Но гдѣ уже думать о душѣ ребенка, развитіе которой цѣнили выше всего такой идеалистъ, какимъ былъ Ушинскій. Часто ли остается даже та полуграмотность, о которой онъ упоминаетъ, особенно, когда дѣло идетъ о школахъ для населенія съ языкомъ, не имѣющимъ даже родственнаго сходства съ великорусскимъ? Мы знаемъ, какъ высокъ процентъ рецидивистовъ безграмотности и среди бывшихъ питомцевъ поставленной нормально по отношенію къ родному языку великорусской народной школы. Насколько же онъ повышается при полученіи грамотности на иностранномъ языкѣ? ¹⁾ И къ какимъ крохамъ сводятся всѣ прочія знанія, преподаваемые народной школой, когда учителю при сообщеніи ихъ почти отрѣзанъ доступъ къ главнымъ дѣтскимъ духовнымъ силамъ, и когда даже ближайшій смыслъ произносимыхъ имъ въ школѣ словъ съ большимъ трудомъ доходитъ до ученическаго сознанія. Школьное время у дѣтей въ такихъ условіяхъ уходитъ почти-что на толченіе воды. Черезъ немного лѣтъ у большинства дѣтей отъ того, чему они учились въ школѣ, въ итогѣ не остается ничего: во имя государственнаго языка имъ не дали ничего основательно усвоить, а государственный языкъ,—какъ всякій иностранный,—безъ постоянной практики забывается почти безслѣдно.

А воспитательная сторона подобной изуродованной школы? Какъ примѣнить къ ней то, что составляетъ гордость современ-

¹⁾ Какою мукой для дѣтей является въ такихъ условіяхъ даже простое обученіе чтенію и письму, этого я касался уже въ статьѣ „Школа и национализмъ“, помѣщенной въ сборникѣ „Борьба за школу“.

ной педагогики, сумѣвшей прежній страхъ наказанія замѣнить стимуломъ пробужденія интереса? Ушинскій мягко говоритъ: «Такая школа съ перваго же дня и весьма неласково напоминаетъ ребенку, что онъ не дома». За мягкой формой скрываются извѣстныя жестокия картины школьнаго тиранства, чтобы приучить ребенка къ занятіямъ, которыя не могутъ находить никакого отклика въ его душѣ,—противъ которыхъ вся его природа законно протестуетъ. И далѣе, во что обращается при такой постановкѣ дѣла сословіе учителей? Какъ извращаются принципы его подбора? Учитъ дѣтей идетъ тотъ, кто ихъ любитъ. Мучить дѣтей даетъ свое согласіе только тотъ, въ комъ нѣтъ никакихъ педагогическихъ задатковъ. А тутъ еще—стремленіе проводить въ учителя для инородцевъ какъ можно больше великоруссовъ. Въ какихъ же представителяхъ знакомятся инородцы съ «державной народностью»? Не цвѣтъ свой высылаетъ она, конечно, на ту педагогическую каторгу, которой является работа въ поставленной на такія превратныя основанія инородческой народной школѣ. Такъ пресловутая ассимиляція черезъ школу на дѣлѣ только сѣетъ и возвращаетъ сѣмена междуплеменной злобы и раздора. Злоба эта переходитъ у инородцевъ и на государственный языкъ, которымъ наша политика бьетъ ихъ словно палкой, и созданная для его триумфа школа лишь тормозитъ свободное его распространеніе, парализуя чувствомъ такой обиды его огромную естественную притягательную силу.

Во времена Ушинскаго народное образованіе въ Россійской имперіи находилось въ пеленкахъ. Поэтому Ушинскій и говорилъ еще про школу съ великорусскимъ языкомъ для инородцевъ сравнительно спокойно. Теперь вопросъ о ней стоитъ съ другой остротой. Ходъ историческаго развитія привелъ къ тому, что и въ Россіи элементарное образованіе стало насущной потребностью самыхъ широкихъ народныхъ массъ. Запросы на него идутъ усиленно отъ нихъ самихъ; инертныхъ же правительство готово уже понудить къ полученію образованія, провозгласивъ принципъ его обязательности для всѣхъ въ извѣстной мѣрѣ. Но при введеніи всеобщаго обученія націоналисты производятъ передержку. Та школа, отъ которой можно ждать подъема матеріальнаго и духовнаго уровня народа, оказывается

принадлежностью лишь «державной» части населенія. Для милліоновъ же и милліоновъ «инородцевъ»—въ ней отказъ. Подъ тѣмъ же благимъ именемъ имъ преподносится совсѣмъ другое учрежденіе, смыслъ или, лучше сказать, злую безсмыслицу котораго мы характеризовали. Такъ мудрено ли, что въ инородческой секціи на сѣздѣ въ Петербургѣ до такой степени разбушевались страсти? «Мы взяли инородцевъ,—приводимъ это памятное изреченіе Дурново,—не для того, чтобы имъ сдѣлать удовольствіе». Пусть такъ, но, вѣдь, и не для того же, чтобы имъ безцѣльно причинять страданія. А что же вамъ выгодно, чтобы отрѣзанные отъ истинныхъ источниковъ образованія они коснѣли въ невѣжествѣ, которое правительство же признало величайшей государственной опасностью для Россіи? И, наконецъ, «взявъ» ихъ, правительство дало же инородцамъ въ нашей имперіи гражданскія права. Но что среди нихъ можно поставить на-ряду съ правомъ для человѣка путемъ образованія развивать всѣ вложенныя въ него природой истинно человѣческія задатки? Если же для васъ права эти не больше, какъ пустая фраза, если вы не считаетесь ни съ чѣмъ, кромѣ превосходства силы, то какъ же вы можете негодовать и на «сепаратистическія стремленія» инородцевъ? Тогда негодованію нѣтъ мѣста, какъ нѣтъ для него мѣста на войнѣ. Однако возвращаться хотя бы и отъ довольно примитивнаго государственнаго бытія, въ какомъ жила столѣтія Россія, къ «звѣриному обычаю» и расточать въ новой усобицѣ силы многочисленныхъ народовъ, слившихся—было довольно безболѣзненно въ русское государственное единство,—это ли путь къ подъему величія Россіи, которое не сходитъ съ языка у петербургскихъ націоналистовъ?